

БЕН-ЭМАНУЭЛЬ

**БАКИНЦЫ
И ДРУГИЕ...**

РАССКАЗЫ

БЕН-ЭМАНУЭЛЬ

**РАССКАЗЫ
И
МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ**

*Охраняется законом об авторском праве.
Воспроизведение любой части книги
сопровождать ссылкой на автора.*

Корректоры: Римма Глебова, Фрида Юсуфова.

Художественное оформление:
Бен-Эмануэль, Фрида Юсуфова.

© copyright 2010, Israel
mail: esejazz@gmail.com
tel. (972) 052-82-12-725

Компьютерный набор Бен-Эмануэль.
Компьютерная графика и дизайн Фриды Юсуфовой.

Типография МАК
Хайфа, Кирьят-Бялик
Израиль 2010

ИЗРАИЛЬ 2010

*Дорожному читателю от автора рассказов
и маленьких повестей*

«Бакинцы и другие...».

С уважением и добрыми пожеланиями.

*Саламон Бен-Эмануэль - член Союза
писателей Израиля.*

Иерусалим - Израиль, 2010 год.

*Эту книгу посвящаю
светлой памяти моих родителей - Агабабаеву
Эмануэлю (Эмонилу) и Мэлюкэ-Шаво, а также
памяти моей сестры - Валентины.*

Book dedicated to blessed memory of my parents.

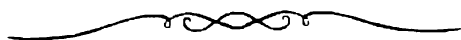
Сидят слева направо: Агабабаев Эмануил Ихшилович – отец автора, брат – Владимир, мать – Мэлькэ-Шаво с дочерью Валентиной на руках. Остальные, к сожалению, автору неизвестны. Кисловодск – 19.06.1940 г.

*В эпиграф уложена лишь мысль,
И смысл текста в нем не перескажешь!
Но умудренному читателю покажешь,
Что в том, что он прочтет, есть толк и смысл!*
(Ф. Юсуфова)

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

Содержание

ОТ АВТОРА	11
-----------------	----

ОТ КОЛЛЕГ ПО ТВОРЧЕСКОМУ ЦЕХУ

СЛОВЕСНО-ДЖАЗОВЫЕ ИМПРОВИЗАЦИИ	13
ОТ ВОЛОДИ	14
ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СВОЕМУ НАРОДУ ...	15
МИГ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ В ПАМЯТИ	16

НАШИ УЛЫБКИ

ВИЛЯ И.....	21
ГДЕ ПУШКИН?	26
ТЫСЯЧ ПЯТЬ	29
ЗАЖИГАЛКА – ПИСТОЛЕТ	32
ДИВНАЯ НОЧЬ	34
ОХ, УЖ ЭТИ БЛОНДИНКИ	37
АГЕНТ.....	41
КОТЁНОК.....	43
ОСТОРОЖНЕЕ С ЖЕСТАМИ.....	45
ЭРОВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТКА	47
БЕДНАЯ ШЕЯ МЕЧТАТЕЛЯ	49
КАКОВ ХИТРЕЦ!.....	51
НЕ ПРОНЕСЛО.....	55
ШАХ И ЕГО ДЯДЯ	57
МУЗЫКАНТ	61

СОБРАНИЕ	64
ТВОРЧЕСКИЕ ПРИСТРАСТИЯ.....	69
Я – ПРЕЗИДЕНТ	71
СОЛОМОНЧИК – ПРИВЕТ!	74
НАШИ РЕБЯТА	79
ЛЕКАРЬ	96

НАША ЖИЗНЬ

ТЕНДИР – ЧУРЕК	102
КОЛГОТКИ	104
ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС	106
ЭСФИРЬ	109
СПЕКУЛЯНТ – ПОНЕВОЛЕ	111
ВСТРЕЧА.....	115
ХВАЛЁНАЯ МЕДИЦИНА	120
ЗАМЕНА В ОРКЕСТРЕ	125
СУЛЕЙМАН И ГЕНИЯ.....	132

НАШИ МЫСЛИ

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

БАРОН	140
ЗА ЧТО?	151
БРАДОБРЕЙ.....	154
ПРОЩАНИЕ	167
МЭТР И БАРЫШНЯ	179
ОДА ЖЕНЩИНЕ!	206

От автора

Книга «Бакинцы и другие...» объединяет всё, увиденное и услышанное, или просто случившееся с автором, или с его знакомыми, друзьями. Книга состоит из рассказов разного жанра, и разделена на главы. Глава «Наши улыбки» содержит различные комические сюжеты и ситуации. Глава под названием «Наша жизнь», подразумевает некие бытовые, житейские сюжеты. «Наши мысли» – то, о чём мы иногда задумываемся или видим во сне.

Выражаю глубочайшую благодарность Фриде Борисовне Юсуфовой – члену Союза писателей, Союза художников и Союза журналистов Израиля. Автору многих книг, проектов и публикаций в Израиле и за рубежом, имеющей богатый писательский опыт, которым она делится со своими коллегами. Фрида Борисовна чрезвычайно занятый человек, но всегда находит время помочь каждому.

Большое ей спасибо за огромную и искреннюю помощь в создании, оформлении и издании моей книги.

Создавая свои литературные труды, живопись и попутно помогая другим, Фрида Борисовна вносит ощутимый вклад в нашу культуру, то есть в культуру горских евреев. Тем самым, освещая образ нашей жизни, и одновременно знакомя с ним представителей других этнических групп.

Корректируя мои рассказы, писательница и член Союза писателей Израиля Римма Глебова внимательно отнеслась к моим текстам, с точки зрения стилистики и некоторых шероховатостей, замеченных ею в моих рассказах.

Спасибо за всё!

Не скрою, что я был приятно удивлён добрыми словами Владимира Плетинского в мой адрес. Высоко ценя творчество Владимира Плетинского – главного редактора еженедельника «Секрет», выражаю искреннюю

благодарность за то, что, несмотря на сильную занятость, у него нашлось время и для меня. Спасибо!

Все книги, написанные Ханой Рафаэль, несомненно, достойны внимания, а некоторые – изучения. Всё же, одну из них я хочу отметить особенно: книга эта называется «Отражение души». Само название уже настраивает определенным образом, и, прочитав книгу, читатель глубже проникается чувством гордости за свою принадлежность к еврейскому народу. Большое спасибо Хане Рафаэль за тёплые слова в мой адрес и за её творчество.

Сердечное спасибо Владимиру Агабабаеву – за хорошие слова и за некоторые штрихи из моей биографии, тонко подмеченные им.

Хочется отметить, что понимание и доброжелательность в семье, положительно влияет на любой вид творчества. Моя супруга Галина Гиршуновна всегда поддерживает меня во всём, в том числе, и в творчестве. Галина, огромное спасибо тебе!

Одни рассказы из этой книги являются воспоминаниями, другие – отображением современных реалий. Во многих случаях, настоящие имена и фамилии заменены вымышленными. Но есть и реально существующие люди, мои друзья или просто знакомые, послужившие прообразами в сюжетах. В любом случае, каждый герой моей книги, моему, любим и дорог мне. Удачи и всего хорошего всем вам!

ОТ КОЛЛЕГ ПО ТВОРЧЕСКОМУ ЦЕХУ

Словесно-джазовые импровизации

Помню, как прочитал «Легенды Невского проспекта» Михаила Веллера – и будто вдохнул свежий воздух свободы. Примерно, такое же чувство посетило меня при чтении рассказов и маленьких повестей Бен-Эмануэля.

Тонкий еврейский юмор с грустинкой, ситуации на грани фола – но вполне реальные, этнографические картинки, интересные не только носителям того или иного языка, тех или иных традиций, и бытовые зарисовки, на лету превращающиеся в литературу.

Это надо уметь. Это надо чувствовать. Это похоже на джазовую импровизацию, на которую не способен дилетант – ибо, экспромты рождаются только у тех, кто по-настоящему профессионален. Удачных примеров этому не так много. И я рад, что такой автор живет рядом с нами, пишет, сотрудничает с еженедельником «Секрет» и, наконец-то, решил издать книгу.

Искренне желаю новоявленному новеллисту успеха на непростом пути, на котором важно сохранить и чувство юмора, и чувство меры, и чувство прекрасного, и чувство к чувствам читателей!

*Владимир Плетинский – редактор
еженедельника «Секрет» (Тель-Авив, Израиль).*

От Володи...

Со школьного возраста Соломон Бен-Эмануэль был, что называется, душой компании.

Поражало его умение становиться центром внимания, говорить красочно, остроумно и с юмором. Это умение он сумел передать и своим персонажам.

Жители Красной Слободы города Куба, любили давать прозвища (лэгэм) друг другу. Умели высмеивать недостатки, имели характерный говор, были гостеприимны, всегда отзывчивы и готовы оказать помощь соплеменникам.

Читая его рассказы, ярко вспоминаю свою прежнюю жизнь, своих родных, друзей, соседей, я как бы окунаюсь в ту обстановку.

Желаю творческих успехов писателю Соломону Бен-Эмануэлю, и жду новых произведений.

С уважением, Владимир.

Владимир (Атнишл) Агабабаев –
США (Стемфорд, Коннектикут).

Чувство принадлежности к своему народу

Даруемое или сердечное тепло,

Да растворится в душах, или любимых... (Ф. Юсуфова)

Книга рассказов и маленьких повестей «БАКИНЦЫ И ДРУГИЕ...» издана Соломоном Бен-Эмануэлем, членом Союза писателей Израиля, совсем недавно, она состоит из трех частей: «Наши улыбки», «Наша жизнь» и «Наши мысли». Книга содержит множество собирательных образов и, отчасти, автобиографична. Герои рассказов – близкие и любимые автором люди, верные товарищи и ребята с его двора – жители Слободки, с которыми связывала его большая дружба, и он остался верен ей и по сегодняшний день. Это замечательная, иллюстрированная старинными фотографиями, книга для всех возрастов, она написана в легком жанре и читается на одном дыхании.

С Бен-Эмануэлем, как с автором веселых рассказов, я познакомилась сравнительно недавно. Его рассказы, как яркие вспышки нашей памяти, нашего бытия, нашей молодости, то вызывающие улыбку, то навевающие грусть по прошедшим годам.

Действие рассказов и маленьких повестей происходит в разные периоды жизни автора. Он с нежностью вспоминает свое детство и юность, которые прошли на его родине – в городе Кубе, в Красной Слободе в Азербайджане, среди цветущих яблоневых садов. Соломон вспоминает о первой юношеской любви, повествует о своих друзьях, о студенческих годах, прошедших в прекрасном городе Баку, на берегу древнего Хазара. Автор создал свои веселые рассказы с местечковым юмором, порой выражая свои мысли на азербайджанском и родном горско-еврейском языке – чуһури, применяя летучие выражения

многонационального кавказского фольклора. Описывая обряды, обычаи своего народа, с которым, рука об руку, плечом к плечу, жил, учился и работал в Азербайджане в те далекие постсоветские времена, – автор показал колорит кавказского языка, культуру и традиции кавказского народа.

В своих рассказах автор как бы прощается со своим безвозвратным детством, со своей молодостью. В образы героев книги Соломон вложил частицу своего душевного тепла, которого хватило на всех его персонажей, тем самым выражая уважение и любовь к своему народу, к своим родителям, к своим предкам. Немало места автор уделяет неразделенной любви и сопутствующим ей переживаниям. В шутливо-ироническом стиле описаны воспоминания о городских красавицах, о первых признаниях в любви, о первом поцелуе, и, так же с юмором, представлены смешные эпизоды во времена летних каникул, когда автор приезжает со всей семьей в Кубу, как с друзьями детства они лакомятся на базаре восточными сладостями – пахлавой, и бюкмэ. Его рассказы полны юмора, смеха, шуток, веселья.

Создав замечательные образы своих литературных героев, таких, как веселый балагур Ханик, «добрая хозяйшюка» – мама Тельмана, «крикливая соседка» – Овгоил, «заботливая бабушка» Зорика в рассказе «Наши ребята», автор вложил в эти образы всю душу и сердце, мастерски отобразив колорит местечковых жителей еврейского городка.

Из этих коротеньких рассказов исходит душевное тепло и любовь к своему народу. Показывая судьбы, характеры, искания и чаяния своих героев, писатель создал целую галерею выразительных образов, которые, по своей силе и художественной ценности, встали в один ряд с самыми замечательными представителями горского народа.

Уверена, что книга рассказов «БАКИНЦЫ И ДРУГИЕ...» станет настольной книгой не только наших соплеменников, но и других народов.

Фрида Юсуфова – член Союза писателей и Союзов журналистов и художников Израиля (Акко, Израиль).

Миз, запечатлённый в памяти...

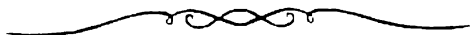
Дорогие читатели, перед вами первая книга начинающего писателя Соломона Бен-Эмануэля «Бакинцы и другие...». В его книгу вошли рассказы и маленькие, повести написанные в разное время и под разное настроение. Многие рассказы основаны на местечковом юморе, который вплетен во многие яркие эпизоды из его жизни. Автор пишет о родном крае своего веселого детства – Красной Слободе.

С большой теплотой Бен-Эмануэль повествует о городе юности – любимом интернациональном Баку, о его жителях, тесно связанных между собой, городе с современными высотками, широкой прибрежной гаванью, древними улочками и восточным базаром, о городе, который был и остается одним из любимых мест в мире – для бывших и нынешних бакинцев.

Если художник и фотограф может запечатлеть на холсте или в кадре то или иное событие, и лица людей, то талантливые прозаики воссоздают в своих творениях эпизоды ушедшей эпохи. Для Соломона, названного в честь мудрого еврейского царя, главное в творческом процессе – это грамотная постановка диалога героев, их разговорных интонаций, и проникновение в их чувства.

Хана Рафаэль – член Союза журналистов
России и Израиля (Тверия, Израиль).

Виля и ...

Виля и Лёва – большие

друзья. Оба джазмены от Бога, оба саксофонисты, великолепные музыканты и, наконец, прекрасные люди. На гастролях всегда селились в одном номере. Лёва, большой интеллеktуал, прочитавший за свою жизнь громадное количество книг, ценитель прекрасного и хорошо

воспитанный парень, что, впрочем, совсем не мешало ему издеваться над Вилей, правда, не всерьёз. Всё, вышесказанное, в такой же, или почти в такой же степени, относится и к Виле. Одна, но пламенная страсть, была у них общей, оба питали сильнейшую слабость к слабому полу. Внешностью друзья сильно отличались. Лева – парень среднего роста, крепенький, с небольшим брюшком, очень представительного вида, с добродушным лицом, вызывающим безграничное доверие. Виля – роста выше среднего, с профилем Мефистофеля и хищным взглядом, что магнетически действовало, буквально, на всех женщин. Если Лёве надо было обязательно завести разговор, пусть недолгий, чтобы завоевать сердце (и не только) женщины, то Виле достаточно было бросить беглый взгляд, и – она уже готова на всё, вот такой удав наш Виля. Но, при этом, один пунтик у Вили был – ужасная, патологическая брезгливость.

Например, если кто-нибудь трогал его саксофон, то стакан водки уходил на его дезинфекцию, а однажды кто-то дунул в мундштук саксофона... Так в этот день Виля просто отказался играть, и бутылка водки была принесена в жертву

его слабости. Брезгливость Вили не знала границ, даже, оказываясь в интимной близости с женщиной, он не раздевался, так как ему мысленно рисовалась такая картина:

«Все бактерии и вирусы мира сконцентрировались здесь и сейчас. И, конечно же, все мечтания этих инфузорий – туфелек, амёб и прочей нечисти, заключаются в том, чтобы собраться на Вилином теле, – кстати, обладающем весьма густой, дремучей растительностью, – с целью поразить, заразить, и вообще, причинить вред Вилиному организму. Вилия зримо представлял, как эта нечисть радостно «потирает руки», предвкушая, как и что она будет пожирать, и наносить всяческий вред Виле». Эта перспектива рисовалась и дополнялась страшными картинками до такой степени, что Виле уже хотелось отказаться от любовных утех, но, против природы не попрёшь, и Вилия безрассудно отдавался на волю рока, при этом, стараясь касаться минимально женского тела. А женщины просто млели от его действий, им казалось, что это новое слово, то бишь, последний писк в деле освоения отечественного секса, и просили повторить подобное на бис. Слава Богу, здоровье Вилю никогда не подводило.

Ребята знали о его брезгливости и не упускали момента похохмить. Каждый раз, перед сном, Вилия соблюдал один и тот же ритуал. Перекинув через плечо полотенце, выходил из номера, в котором жил с Лёвой, и через весь коридор, насвистывая мажорный блюз, направлялся в туалет, в котором можно умыться, там имелась раковина, а над ней кран, кстати, работающий. В мутном зеркале всё же можно было рассмотреть своё лицо. Опуская каждое нижнее веко, Вилия внимательно разглядывал каждый глаз, закапывал нужные капельки, тщательно прочищал свой выдающийся нос, мыл лицо с мылом, также вымывал уши и, оставшись довольным, возвращался в номер.

Лёва к этому времени уже лежал в своей кровати, предвкушая, что, вот сейчас свет будет погашен, и он заснёт

сном праведника. Войдя, Виля всегда бросал одну и ту же фразу:

– Спишь, сволота, ну-ну.

В эту секунду обычно раздавался робкий стук в дверь.

– Вставай, сволота, это, наверно, тебя.

– Пшёл вон, я уже сплю, – интеллигентно отвечивал Лёва.

Делать нечего, приходится Виле самому открывать. Открыл, вихрем влетает барабанщик, бросается к Виле, хватая его за лицо, за руки.

– Виля, братишка, ты же знаешь, как мы все тебя любим и уважаем, случайно, выпить ничего нет? Сушняк замучил! Выручай, брат!

– Эдик, все знают, мы не пьем, откуда у нас вино?

– Извини, друг, дай я тебя поцелую.

Виля в ужасе, перед глазами – грозные бациллы.

Делать нечего, полотенце через плечо, мажорный блюз, проверка глаз, закапывание, высмаркивание, умывание, и с оптимизмом в номер.

– Спишь, сволота, ну спи, спи.

Громоподобный стук в дверь, с воплями:

– Виля, Виля, открой, умоляю, быстро открой!

Преисполненный желанием выручить бедолагу, Виля открывает дверь. Вбегает басист.

– Виля, родной, ты единственный, кто может помочь, сейчас издохну от голода, кусочек хлеба, у - мо - ля - ю...

При этом, басист хватается Вилю за руки и норовит дотянуться губами до Вилиной щеки. Не тут-то было, Виля, наученный предыдущим опытом, держит басиста на расстоянии вытянутой руки.

– Ребята, запомните, мы на ночь не едим – вредно.

И снова – полотенце через плечо, минорный блюз, глаза, уши, ноздри, лицо.

– Спишь, сволота, ну-ну.

Виля сел за стол, что-то написал, и написанное прикрепил снаружи. Стук в дверь раздался внезапно.

- Виля, Виля, открой, что случилось? Мы все беспокоимся.
- Там же всё написано: «Мы спим! Хлеба нет, выпить, тоже нет». Что ты стучишь? – прокричал Виля через дверь.
- Ну, вот я и принёс и хлеб, и вино, только зрелищ нет, открой, брательник.
- Пошёл во-о-он! – прокричали хором Виля и Лёва.

На следующий день подобный фокус уже не удался, но попытки были.

Обо всех любовных победах друзья друг другу рассказывали.

В тот день Виля выглядел эдаким абсолютным ангелом, с мечтательной поволокой в глазах.

– Лёвушка, – как-то непривычно ласково обратился он, – я познакомился с самой красивой, нежной и необыкновенной женщиной, причем, иностранкой, тебе-то, сволота, такое не выпадет за всю жизнь. Она из Польши. Ножки, ушки, глазки, походка, а голос!..

Действительно, в начале семидесятых, об иностранках никто и не смел мечтать.

– Так что, дорогой мой, ночуешь в ближайшем скверике на скамеечке.

Ну, как не помочь другу? Лёва и не спорил, переночевал у ребят на свободной кровати.

Вечером randevу состоялось. Девушку звали Эдита. Все музыканты, увидев её в вестибюле, изображали полнейшее равнодушие, но при этом усекли всё: как она одета, и какая у неё походка, больше всего поразила её красота – девушка, действительно, была очень красива.

Оказавшись в номере, Виля с Эдитой выпили немного шампанского, включили радиорепродуктор, которыми были снабжены все номера, чтобы утром в шесть будить постояльцев гимном Советского Союза. По радио объявили: «Уважаемые радиослушатели, предлагаем вашему вниманию музыкальную передачу «Комсомольские песни». Но влюбленные все песни пропустили мимо ушей.

Поразительное пренебрежение к такому уникальному явлению, как комсомол.

Настало время главному действию. Она сняла верхнюю одежду. Виля обомлел – такую фигурку он рисовал в своих самых смелых мечтах, а нижнее белье... подобное даже в смелых мечтах не могло ему нарисоваться. Виля, начисто забыв (как это можно?) о микробах, бактериях и бациллах, стал раздеваться сам. Разделся. Глазам Эдиты открылась дивная картина. Виля – стройный парень в сатиновых, чёрных, семейных трусах, размера на четыре больше, чем нужно, в майке (майки, в ту пору, в союзе были двух расцветок, собственно, как и женские панталоны на резиночках – или грязно-лиловые, или грязно-салатовые), висящей на нём как на каркасе манекена. Тяга к раскрытию тайн любви оказалась для Вили сильнее всего, и оба всецело любви и отдались.

Этот вечер оказался для обоих самым волшебным и дивным. К огорчению, через день Эдита возвращалась домой. Обменялись адресами, погрузили, клятвенно заверили друг друга, что будут писать, последний раз обменялись любовным опытом и распрощались.

Оркестр, отработав гастроли, вернулся в Баку. Виля написал и отправил письмо, полное нежности к Эдите, и стал дожидаться ответа. Он не заставил себя долго ждать. Виля получил не просто письмо, а бандероль. Виля долго ходил взад и вперёд, гадая, «что же может там быть?», наконец, вскрыл. Долго смотрел непонимающими глазами на содержимое... Шикарное мужское бельё фирмы «Кельвин Кляйн» – невидимая, доселе, редкость.

И как же после этого жить советскому человеку?

Где Пушкин?

Мы плясали от радости. Нас отправляли на фестиваль Самодеятельных Музыкальных Народных Коллективов в Молдавию. Вообще-то, наш эстрадно-джазовый коллектив не очень вписывался в рамки этого фестиваля, но комитет комсомола нашего института решил, что неплохо бы разбавить этот серьёзный конкурс эстрадой. Вот и мы, под шумок, попали на этот праздник. Всё проходило очень интересно и здорово. В один из дней произошёл такой случай.

С утра, не дав даже толком позавтракать, отправили нас в какую-то дальнюю деревушку, в которой когда-то ночевал Александр Сергеевич Пушкин. Мы надеялись поспать в автобусе, но, колдобины и бездорожье не давали даже сомкнуть глаз. Ехали долго, и приехали, конечно, злыми и голодными. Однако, настроение мгновенно улучшилось, когда мы увидели шикарно сервированные длинные столы.

Предвкушение обильного застолья и знакомства с пышногрудыми молодками создавало ощущение, что не зря мы живем на этом свете. Остановили нас метрах в сорока от столов, и сообщили, что, после небольшого выступления местного представителя Райкома партии, местная красавица, по имени Любовь, нам подробно расскажет, каким образом и когда появлялся здесь Пушкин.

Представитель райкома говорил о том, насколько сплочены два народа: молдавский и азербайджанский. Что нам надо крепить дружбу, культурно обмениваться, ну и так далее. Видимо, поймав наши, прямо скажем, голодные взгляды, скомкал свою речь и передал слово молодой и очень красивой комсомолке. Она начала с того, что Пушкин, Александр Сергеевич – это наше всё, и, что именно он написал «Евгений Онегин», правда, тут же отметила, что не оперу, а

поэму. Дальше – о коварном Дантесе, о могучем таланте поэта, и всё остальное, примерно, в том же духе.

Сразу же стало понятно, что завтрак наш грозит плавно перейти в обед, а то и в ужин. Вопрос «Что делать?» тяжело повис в воздухе. Всё местное население одобрительно кивало красавице. У меня же перед глазами попеременно возникали мечтательные картинки: то мелькнёт кусок жареной телятины, то курочки, то стаканчик вина, а потом кусочек пирога или тортика, ну, а после трапезы, простите за вольность, румяные щёчки и алые губки красавицы. В этот момент наивысшего пика воображения, получаю тычок в левый бок. Вижу – ребята из нашего оркестра. Шепчут мне: – Давай, придумай что-нибудь, пока мы не издохли от голода. – Не успел я ответить, как тут же: – Возражения не принимаются!

Вердикт был, более чем суров. Что ж, делать нечего, план созрел за долю секунды.

– Простите меня, ради всех святых, – хамски прерываю красавицу, – а как вас зовут?

Этот неожиданный выпад заставил её закашляться.

– Люба. – Ответила она, и её, и без того румяные щёчки, сделались пунцовыми.

– Значит, Любовь. Очень поэтично. Любонька, а где сейчас этот парень?

– К-к-акой парень? – в подобной растерянности, видимо, ей не приходилось быть никогда.

– Ну, Саша, о котором вы только что рассказывали!

Я не знаю, что такое прединсультное состояние, но, наверно, это так и выглядит: сначала без звука несколько раз открыть рот, а потом ненавидяще уставиться на собеседника.

– Кто, Александр Сергеевич?!

– Ну, конечно, Сергеевич.

– Так он же ПОГИБ!!!

Я обхватил лицо (свое конечно) руками, и с горем и мукой в голосе произнес:

– Как? От чего? Неужели попал под трамвай? Кто-то разлил масло?

Дорогой читатель, сейчас я с ужасом понимаю, что этот день мог быть последним в моей жизни, – эта красивая девушка Любовь меня бы точно убила, но ситуацию спас тот самый представитель.

– Ну, я думаю, официальную часть можно считать закрытой, приглашаю всех за стол.

И все радостно ринулись к столу, я тоже рванулся, но... не тут-то было.

– Ты чего же, зверюга, делаешь? – представитель железной хваткой держал меня за плечо. – Я тебе обещаю, до дома комсомольцем не доедешь, понял?

Пришлось изображать страшный испуг и раскаяние. С той поры я не комсомолец, а плечо до сих пор побаливает.

Тысяч пять

У Ашота был пунктик. Он, собственно, как и многие его друзья, считал, что все великие люди, причем, в любой области – армяне. Это для него было столь очевидно, что, если кто-нибудь пытался спорить, то Ашот искренне удивлялся – какие сомнения? Иногда его утверждения были так нелепы и абсурдны, что ничего не оставалось, как соглашаться с ним, только, чтобы остановить его «патриотические» разглагольствования. Даже в своих картинах, а он был художником, положительные персонажи имели восточную внешность.

Вот однажды, Ашот снова завёл свою пластинку в фотолаборатории у Саши, у которого заказывал фотографии своих работ. Он упоминал и Сталина, и Рузвельта, прошелся по Эйнштейну, и еще по многим людям, к армянству совсем не имеющих отношения. Никакие доводы не могли переубедить Ашотика. Тогда Саша, с самым серьёзным видом, говорит:

- Ашот, я хочу сказать тебе одну вещь, но ты не поверишь.
- Говори! – напрягся Ашот.
- Знаешь, когда я был ещё подростком, в журнале «Огонёк» вышла обалденная статья, я сам не читал, но взрослые только об этом и говорили.
- Чё было написано?
- Ну, написали, что учёные установили, причем, абсолютно точно, что Иисуса выкрали у его матери армянки, и всё это тщательно скрывалось много веков. Правда, потом вышло опровержение – видимо, чтоб не было резонанса в мире, ты же понимаешь, что не обо всём можно говорить в нашем сложном мире.

Ашот притих. Переваривал. Помолчал несколько минут. Потом, взволновано-торжественным голосом изрёк:

– Я подозревал, я почти знал, – он поднял кверху палец, потом взглянул наверх, вздохнул и спросил: – Какой «Огонёк»? Какой номер? Какой год? Кто написал? Ну, говори!

– Да успокойся ты, откуда я помню, я же маленьким был, и вообще не интересовался такими вещами, – отвечал Саша.

– Слушай, такими вещами не шутят, давай, вспоминай!

– Ну, наверно... в одном из номеров... примерно, с 62-го по 65-й год, может, и ошибаюсь... – якобы, натужно, вспоминает Саша.

– Ара, я найду, э-э-э, клянусь с мамой, найду! – с жаром вскричал Ашот.

– Ашот, не «с мамой», а мамой обычно клянутся.

Тот, не дослушав, умчался. Видимо, отправился на поиски этого номера «Огонька».

Прошло несколько дней. Саша благополучно забыл об этом разговоре. Но тут Ашотик снова нарисовался. Озабоченный беспредельно. С ходу попросил шариковую ручку с фиолетовой пастой.

– Что, нашёл номер «Огонька»?

– Подожди, подожди, сейчас не до «Огонька», ручку давай!

– Неужели сам хочешь написать статью?

– Понимаешь, братишка, мне срочно нужно пятьсот рублей, чтобы слетать в Москву – немного развеяться. Надоело – всё время работа, работа.

– С женой, с детьми?

– Зачем? Развеяться надо мне, а не им!

– Хм...

– На моей сберкнижке есть пять рублей, – продолжал Ашот, – приписываю три нуля, показываю Гарику. Он подумает, что у меня есть деньги и даст мне в долг. Вот и полечу кайфовать в Москву.

– Ашот-джан, не считай людей за идиотов. Цифру пять превратить в пять тысяч можно, а то место, что прописью?

– Саша, я не думал, что ты такой тупой. Просто перед пятёркой пишу слово «тысяч».

– Ну и что? Получится – тысяч пять рублей? Ерунда какая-то, любому понятно, что так не бывает.

– Бывает, бывает, если Я считаю, что это нормально, то и Гарик так же будет считать.

Короче, приписал наш Ашот слово «тысяч» и три нуля. Остался весьма довольным проделанной работой и умчался на осуществление своего «грандиозного проекта».

Несколько дней не появлялся, а, когда появился, сразу изрёк:

– Наконец, мир узнает правду об Иисусе, я всем рассказал. Москвичи – люди не очень понятливые, но я им сказал, в каком номере это написано.

– Подожди, подожди, ты нашёл эту статью?

– А зачем её искать, все умные люди давно об этом знают, один ты спишь.

– Почему это я сплю? Я же сам тебе об этом сказал. Ну, ладно, как ты съездил, где достал денег?

– Пришёл я к Гарику, после шести вечера, когда все сберкассы уже закрыты, и говорю, что нужны деньги до завтра. Гарик ни в какую, типа: «У тебя никогда денег нет, как ты вернёшь?». А я ему показываю книжку: «Видишь, вот у меня тысяч пять есть, как только сберкасса откроется, сниму деньги и отдам, просто мне нужно сейчас». В общем, пришлось потрудиться, наконец, уговорил, и тем же вечером улетел.

– Ну, ты Ашот, аферист! Деньги вернул?

– Саша, ты чё, дурак? Такие деньги разве возвращают?

Зажигалка-пистолет

Эрнесто был готов к приёму гостей. Хотя, какие это гости, просто близкие друзья, которые часто собирались, то у одного, то у другого. Мужчины являлись земляками, они родились и выросли в одном из южных городов, в одной из республик СНГ. Уважаемый читатель, предвидя твою дотошность и любопытство, граничащую с педантичностью, то сразу скажу, что Эрнесто жил на проспекте Ленина, Абрам – на улице 50 лет ВЛКСМ, Ика – на улице Нижне-Верхне-Кольцевая, Джаник – на улице Коммунистической, и, наконец, Грегори – на улице Кантапинской, как раз около павильончика с самой вкусной газированной водой в городе. Ну, мой читатель, удовлетворён? Поподробнее обо всех этих людях, кроме, разумеется, главных героев, мы узнаем когда-нибудь в следующих рассказах. А теперь, пожалуйста, не перебивай!

Эрнесто – самый старший, на год младше Абрам, еще на год младше Ика, еще на год – Джаник, и самый младший был Грегори. Все пятеро, правда, в разное время, окончили мединститут, и стали хорошими врачами. Судьба распорядилась так, что, к тому же все они оказались в Америке, в одном и том же городе, где и познакомились и сдружились. К тому времени, о котором идёт повествование, друзья уже крепко стояли на ногах, обзавелись семьями, виллами, хорошими машинами, ну, и зажили, как сейчас выражаются – круто. Каждый год у кого-нибудь из них был юбилей, и праздновали они его всякий раз в другой стране, в какую выезжали семейно, с красавицами жёнами и своими милыми малышами. Благо, материальное состояние позволяло. Между юбилеями были будни, а в выходные собирались у кого-нибудь, бесились, играли в бильярд, купались в бассейне, готовили барбекю. Эрнесто являлся ярким коллекционером всевозможных зажигалок и

курительных трубок – самых разных видов и размеров. Посчастливилось ему приобрести одну зажигалку – в виде пистолета. Оригинальнейшая вещь, металлическая и красивая, но с секретом. Если заранее нажать нужную кнопку, то любого, нажавшего курок, бьёт, и весьма ощутимо, током.

Вот Эрнесто и ждал первого гостя, и вскоре появилось семейство Грегори. Пока женщины и дети здоровались, Эрнесто затащил Грегори в свой кабинет похвастаться приобретением. Грегори, естественно, сразу нажал на курок и... сразу какая-то непонятная ему сила разбросала его самого и пистолет в разные концы кабинета, но, почему-то вместо волос, у Грегори встали дыбом уши. Вопль, изданный им, способен был затмить Ниагарский Водопад. Почти минуту смотрел он на Эрнесто осоловевшими и, можно сказать, квадратными глазами... Однако, Грегори быстро пришел в себя, и что-то озорное блеснуло в его, уже вполне нормальном взгляде...

– Люси, Люси, – позвал он жену, – иди сюда, я тебе что-то покажу.

Любопытная Люси тут как тут. – Смотри, какая чудная вещь, – протягивая пистолет, сказал Грегори.

Люси, как и всякая нормальная и любопытная женщина, взяв пистолет, сразу нажала на курок, потом, удивлённо посмотрев на него, еще два раза нажала. И говорит:

– Как-то приятно пощипывает, правда?

На Грегори просто жалко было смотреть. На его лице читалась вся гамма человеческих чувств. А Эрнесто... он просто корчился в кресле от смеха! То, что Люси среагировала на удар током таким образом, вернее – почти не среагировала, насмешило его больше всего. Но Грегори быстро сообразил, что сказать.

– Эти женщины... у них другие организмы. И реагируют их организмы совсем по-другому. В этом и вся суть, – важно заключил он. И Эрнесто не нашелся, что ответить. Да и возразить было нечего.

Дивная ночь

Друзья, скажем мягко, завидовали Рафику, хотя и скрывали свою зависть под всякого рода подтруниванием, или усиленно делали вид, что, вообще-то, это не самое главное в жизни мужчины. Дело в том, что Рафик обладал весьма солидным мужским достоинством. Кроме этого, можно перечислить и другие его достоинства: он имел мягкий и добрый характер, не лез ни в какие интриги, был великолепным джазовым саксофонистом, причем, играл в разных манерах, мог любую собственную импровизацию подать с особым шиком, короче, Рафик, во всех аспектах, был весьма положительной личностью.

Той осенью, коллектив художественной самодеятельности, в котором играл Рафик, отправился на гастроли в Куйбышев. А там радушные хозяева организовали небольшое путешествие по Волге, с непродолжительными остановками в Ульяновске и в Казани. Пароходик, довольно комфортабельный, неспешно отправился в путь. Под палубой находились каюты, каждая на двоих, и кают вполне хватало и на всех пассажиров, и на весь оркестр с антуражем. Но, вернемся к Рафику. Ребята часто подкалывали его, притворно сетуя, что такое богатство пропадает зря, – ведь последний, и он же единственный, контакт с женщиной у Рафика состоялся давным-давно, даже в точности неизвестно, когда. И всё это, из-за природной робости Рафика. Феликс же, наглец эдакий, вообще предлагал Рафику периодически сдуть пыль с неиспользуемого предмета. Представляете, какое хамство, но, Рафик, будучи мудрым парнем, снисходительно улыбался, как бы говоря: «Завидуете, ну-ну!», – хотя было явно заметно, что без женщин малость неуютно, в то время, как у других в этом плане всё было в полном порядке.

Ну, для чего нужны друзья, скажите мне, – конечно, для того, чтобы помогать друг другу, не так ли? Саша и Касим решили заняться проблемой Рафика. Поднявшись на палубу, когда народ отдыхал, подошли поближе к двум беседующим подружкам, и завели между собой разговор о Рафике, но так, чтобы подружки слышали. Долго расписывали все его достоинства, не забывая периодически возвращаться к главному достоинству.

Весь вечер оркестранты провели в кают-компании, а после, захватив инструменты, отправились, кто куда. Саша и Рафик пошли в свою каюту и, когда шли по узкому коридорчику, произошло нечто неожиданное. Распахивается дверь одной из кают, выглядывает оттуда одна из двух девиц, стоявших на палубе, и нетерпеливо спрашивает: «Кто из вас Рафик?». Ну, Саша автоматически показывает на Рафика, и тот не успевает моргнуть глазом, как она резким движением, как бы «всасывает» его вовнутрь. Саша сначала оторопел, а потом начал ломиться в закрытую дверь, но, как пишут в триллерах, «ответом было зловещее молчание».

Утром, за завтраком, все друзья с нетерпением ожидали появления Рафика с подробнейшим рассказом. Наконец, он появился, жевание прекратилось, во всех глазах немой вопрос.

– Чего уставились? – как-то сердито спросил Рафик. Все сразу взволновались.

– Нет-нет, всё в порядке, ты ешь, Рафик, ну и немножко рассказывай, ладно?

– Дурак какой-то этот Витя! – возмущается Рафик.

– Да, да, конечно, дурак, – поспешно соглашаются ничего не понимающие друзья. – Ты рассказывай, рассказывай!

– Вхожу в каюту, а там две девушки и Витя, наш певец, не прошло и минуты, как он с этой высокой ложатся в постель, и ещё орут, что, мол, поздно, уже надо спать, и вообще, выключайте свет! А маленькая: «Ну, Рафонька, и ты ложись, поскорее». Я думаю, наверно торопится куда-то, но, тогда зачем было меня звать, и вообще, как я буду, лёжа,

разговаривать? Отказываться было неудобно, я и лег, предварительно раздевшись. Через две минуты слышу, Витя и эта высокая что-то возятся, возятся, наверно, тесно им было.

– Ну, Рафик, не томи, а что ты делал? Не будь нудным.

– Ещё одна реплика, и вообще замолчу.

– Всё, всё, молчим «как рыба об лёд», – пытаюсь разрядить обстановку и настроить Рафика на нужную волну, неудачно сострил Феликс.

– Короче, я догадался, что эту маленькую надо сначала чем-то покорить, и начал рассказывать ей смешные анекдоты, как я понял, она ничегошеньки в этом не рубит, – то хихикает нервно, то гладит мою волосатую грудь. Потом она начала зевать, и я понял – или сейчас, или никогда. Только хотел приступить к главному, как Витя, этот придурок, вскакивает с кровати, открывает шторы и вопит: «Ребята, посмотрите, какая красота!!!». И чего красивого он там увидел? Ну, ладно, красивые берега, уже солнце, утро наступило, но это же не повод ломать кайф своему товарищу! Короче, я разозлился, оделся и пришёл сюда. Ребята, а чего вы так на меня уставились, а вы что, после этого остались бы?

– Нет-нет, конечно, – поспешили друзья успокоить товарища, – но ты провёл дивную ночь, ты настоящий джентльмен, не переживай, Рафик, у тебя всё впереди.

– Что впереди? – не понял Рафик.

Ну, тут ребята буквально зажали себе рты, чтобы не расхохотаться.

Ох, уж эти Лондонки...

Всё, как всегда, начинается банально, но закончиться может весьма неожиданно. Вот, к примеру, одна история. Одним из руководителей ансамбля Песни и Пляски Краснознаменной Каспийской Флотилии, в те годы был Валерий Иванович Просвирин – человек добрейшей души. Внешность его с первого взгляда внушала уважение. Ну, представьте себе:

здоровенный плечистый мужик, в котором угадывалась недюжинная физическая сила (только не вздумайте сравнивать с ним никакого Шварценеггера – этого ребёнка, по сравнению с Валерием Ивановичем), и при всём при этом, Просвирин являлся человеком тончайшей и чувствительной души. Ещё, что отличало его от некоторых других офицеров, так это прямота, честность, да и просто порядочность.

Мы, обалдуи–срочники творили чёрт-те-что, и проказничали чёрт-те-как, но Иваныч ни разу нас не выдал, зная, что начальник наш, Леонид Александрович Постный, нам спуска не даст. Мы, хотя и старались не подводить нашего Иваныча, но всё же не раз провоцировали его на матерные монологи, которыми, собственно, и заканчивались все наши наказания. Затем мы подходили к нему с виноватым видом и просили подписать увольнительную, и никогда не получали отказа. Короче, мы его просто обожали.

В этот же период пригласили в ансамбль дирижировать хором Карякина Германа Константиновича. Супер-интеллигент и интеллектуал, великолепный дирижёр и

тактичнейший человек, Герман Константинович ко всем обращался только на «Вы», невзирая на возраст собеседника.

Какое-то время готовили репертуар, усиленно репетировали, и вот мы готовы к гастролям. Летом выехали в Среднюю Азию. Душанбе, а именно с него мы начали свой вояж, встретил нас приветливо и радушно. Первый же концерт сделал нас узнаваемыми в городе. Да и как нас не узнать, если мы в матросской форме. Своей популярностью мы пользовались беззастенчиво, особенно в магазинах – дефицит, ничего не поделаешь. Днем старались запастись провизией, чтобы было чем полакомиться после концерта.

Так же и Валерий Иванович с Германом Константиновичем – зашли в один из гастрономов купить еды на ужин, и... были очарованы двумя блондинками продавщицами. Ну, и те, конечно же, не устояли перед обаянием бравого офицера Советско-Морского Флота, и второго – интеллигента, выражавшего свои мысли такими словами, что девицы, буквально, оробели перед витиеватыми оборотами речи. Затем последовало приглашение девиц на концерт, ну и, как следствие, послеконцертный ужин «при свечах».

Вот тут не всё ясно, простите меня за непонятливость. Чем же они занимались всю ночь? Неужели вели великосветские беседы? А? Ведь утром, за завтраком, все четверо выглядели, прямо скажем, не отдохнувшими. Загадка, да и только. В дальнейшем, загадочность происходящего приобрела гигантские размеры. Куда бы мы ни ездили – в города, посёлки, деревни, везде первыми нас встречали эти милые барышни. Я так понимаю, что высоконучные и светские разговоры так покорили дам, что без них они уже не могли обойтись.

Поколесив в Таджикистане, наш ансамбль приехал в Ташкент. Здесь нас разместили в ещё незаселённом, семейном общежитии.

Дамы перестали ездить с нами на концерты, я так подозреваю, что, после двадцатого концерта, им стало менее интересно слушать нас, а вот беседы не истощили их

жгучего интереса к собеседникам. Каждый вечер, после выступления, наши герои возвращались в общагу, находили стол, уставленный яствами, и красавиц, с нетерпением ждущих их прихода. Так было изо дня в день, точнее, из вечера в вечер.

Однажды (ох, уж это зловещее «однажды», как вмешается, так всё кувырком), Валерий Иванович и Герман Константинович, вернувшись «в нумера», не обнаружили женщин. Нет, нет, всё было как всегда, был накрытый стол, было прибрано, было чисто, но не было ИХ!!! А на столе записка, и в записке: «Простите нас, мы поняли, что вам порядком надоели и, решив освободить вас от лишних объяснений, уехали домой. Все было чудесно!!! Ни с кем нам не было так хорошо, как с вами!!! Ещё раз, простите».

Немая сцена! Прошло несколько секунд. И ещё столько же. Нужно время, чтобы осознать всё это...

– Что-о-о?! – громоподобно взревел Валерий Иваныч. – Что они себе позволяют?

Дорогой читатель, я с радостью привел бы все слова, сказанные Валерием Иванычем, но, даже компьютер, на котором я пишу, отказывается принимать их.

– Да-а, Валерий Иваныч, – тихо и интеллигентно произнёс Герман Константинович. – Как-то несолидно, а главное, коварно сие деяние, вы не находите?

– Я сейчас скажу, что я нахожу! – продолжал буйствовать Просвирин. – Да окажись они сейчас здесь, я бы их... – далее шли неудобопроизносимые обороты речи. Прорывав все эти выражения, он кулаком ударил по столу. Тарелочки, и еще кое-какая посуда, неуклюже подпрыгнув на полметра, грохнулись на пол и разбились.

Не обращая внимания на разбитую посуду и на еду, Валерий Иванович (ну, тут нужно особое исследование дальнейших слов и действий), начав с фразы «Я бы их...», почему-то стал перечислять позы и асаны из индийского эпоса «Камасутра». При чём здесь загадочный восток – это тайна за семью печатями.

Затем начались лёгкие касания мебели, но то ли мебель была какой-то хрупкой, то ли изготовили её недобросовестно, но она стала, буквально, рассыпаться на глазах.

Продолжая сие «волшебство», Валерий Иванович со всей силы двинул ногой по встроенному шкафу, дверцы этого шкафа, будто ждали этого удара, тут же сорвались с петель и важно спланировали на пол. А в шкафу...

А в шкафу, стояли... нет, не так, а в шкафу дрожали крупной дрожью наши героини. Их лица выражали чувства, еще не описанные ни в одном учебнике психологии. По всей видимости, чувства эти невозможно объяснить, даже с точки зрения дарвинской или марксистско-ленинской теории...

Девушки натерпелись страху достаточно, но зато обогатились новыми, самыми «изысканными» оборотами речи Иваныча. И разом покончили с шутками...

Агент

Вот уже месяц, как мне на юбилей подарили компьютер. Сижу, люблюсь, умею включать, умею выключать, даже картишки научился раскладывать. Вдруг вспомнил, что у нас на работе всё русскоязычное население только и говорит, что о сайте «Одноклассники». Однако, предупреждают, смотри, мол, это всё-таки ФСБ организовало сайт, они за всеми следят, а агенты у них – сплошь красивые женщины, умеющие выяснять всё о человеке, а потом... а что потом, даже подумать страшно. Я легкомысленно зарегистрировался и жду, когда народ ко мне валом повалит, и вдруг... вижу на своей страничке женщину потрясающей красоты, и вдобавок ещё и письмо присовокупила.

Я аж подпрыгнул всем своим весом, а он не маленький. Плечи выпрямляю, живот подтягиваю. Смотрю внимательно... волосы – золото, глаза – красота, взгляд прямой. Вдруг мне показалось, что она мне подмигнула, и я похолодел от ужаса, я всё понял! – это же агент! Холодный пот заструился по позвоночнику. Нет, всё же надо почитать, что она пишет. Читаю, так, мол, и так, я ваша землячка. Ну, так я и поверил, землячка. Зовут Алла С-ко. Господа читатели, предупреждаю: все имена и фамилии вымышлены, а совпадения случайны. В письме она написала, что родилась и выросла в городе Куба. А я, то ли от страха, то ли от «кафтаризации» (старости, так сказать), даже забыл, где я родился. Но, не беспокойтесь, вспомнил довольно быстро. Так, думаю, надо задать несколько тестовых вопросов.

Спрашиваю, а не скажет ли, уважаемая госпожа, где находится центральный кинотеатр «Низами»? Ответ последовал незамедлительно: «В центре».

Думаю, не менее десяти лет, наверно, муштровали, а иначе, откуда она так хорошо знает наш город. Ладно, быть

или не быть, вот в чём вопрос... минуточку, что-то знакомое. Вспомнил, это классик украл у меня мою будущую мысль, и что за манера такая. Плагиат, да и только.

«Ну, ладно», – думаю, – вот возьму номер телефончика, позвоню, а там уж разберусь, кто есть кто. Звоню, и что я слышу... чарующий голосок, да ещё бесподобно говорящий по-азербайджански, да ещё с отменным чувством юмора, да ещё тонкий знаток человеческой души. Я всё понял, передо мной кубинка, бакинка, красавица, землячка, не комсомолка, наконец. Вот так. Вот и всё. Так у меня появился свой «агент». Может, и у других тоже есть, не знаю.

Котёнок

Прохожу я как-то мимо одного из окон нашего завода и, как говорится, никого не трогаю. Вижу через большое окно: подъезжает на автокаре, с грузом, наш Костя, ответственный за доставку, и медленно, не спеша, собирается опустить этот самый груз. Мгновенно возникает идея, не осуществить которую – большой грех.

Чуть-чуть приоткрываю окно, чтобы ему было лучше слышно и, в тот самый момент, когда он почти опустил груз, я громко мяукнул. Да не просто мяукнул, а очень жалобно и тоскливо, этак удивленно-возмущенно, и в то же время осуждающе-предсмертно, слог «мя» громко, а «у-у» – как бы уже с того света. Костя, этот сибиряк с железными мышцами, не оставляющий никаких шансов Валуеву, прекратил все действия мгновенно. У него была одна слабость – он любил кошек, и я об этом знал. Костя возвёл глаза к небу, видимо, моля о чём-то Господа, при этом багрово-пурпурная краска залила его лицо, начиная с горла и до самого лба. Затем краска стала бледнеть, лицо бедного Костя стало похоже на восковую маску и приобрело плаксивое выражение. Он медленно спустился из автокара, лег на землю, стал заглядывать под каждое колесо по несколько раз. Причитал: «ну, где же ты, мой родной, появишься, кисонька моя, неужели ты хочешь, чтобы я повесился?..».

Всё, примерно, в этом духе. Как правило, человека подводит любопытство. Я, чтобы лучше его рассмотреть, чуть всунулся в окно, и... о, горе мне! Костя меня заметил. К моему сожалению, у меня не хватит слов описать ту гамму чувств, которые отразились на его лице. Я даже не успел осознать, какие действия предпринять, как ноги сами сделали своё дело, и я бросился бежать. Небольшая справка: мне седьмой десяток, ему тридцать три года, он спортсмен, а

я, увы, нет. Но у меня было одно преимущество – я очень чётко представлял последствия. Пока Костя пролезал в окно, я успел отбежать, нет, отлететь на приличное расстояние.

В этот момент я сожалел только об одном, что не было рядом представителя издательства Рекордов Гинесса. По дороге встречались препятствия в виде коробок, груд картона, встречных людей – всё преодолевалось с поразительной легкостью. Честно говоря, подобной прыти я давно не проявлял. Таким образом, мне удалось добежать до северных ворот, а кросс начался со стороны южных. Добежав до мастерских, я юркнул в один из инструментальных шкафов. О моём тайнике знал только складчик Моше. Он меня и спас, показав Косте неверное направление.

В этот день, к счастью, Костя меня так и не нашел, но на следующий день он пришёл извиняться – за то, что заставил бегать немолодого человека. Ну, а я, конечно, великодушно его простил, только выговорил ему: «И что это за манера гоняться за людьми? А?».

Осторожнее с жестами

*Н*а нашем заводе, из-за шума, вообще невозможно обойтись без жестов. Например, надо подвезти какой - либо машине сырьё, а докричаться до автокарищика просто невозможно. Вот мы и придумали систему жестов, понятную всем нам.

К примеру, есть такие специальные платы, которые называются «ножки». Ну и вот, проезжает мимо автокар, я показываю жестом на свои ноги, количество пальцами, и в завершение – направление рукой.

Водителю всё понятно, он привозит эти платы, и мне не надо надрываться и кричать. А если он моих ног не видит, то я делаю жест базарных торговков, то есть, якобы поправляю груди, между которыми они обычно прячут деньги. В данном случае «груди» – это «ножки». Сначала все смеялись, а потом привыкли, и всё выглядело довольно естественно.

Как-то приехали к нам предприниматели из России. Пять человек: руководитель с женой, и ещё три деятеля. Показываю я им производство, рассказываю о продукции. Мне без разницы, что по-русски говорить, что на иврите. Но по-русски, в данном случае, всё-таки лучше, и, зная наш менталитет, я вставлял специально для гостей шуточки, и даже анекдоты.

Всё шло гладко, гости были чрезвычайно довольны увиденным, и, надеюсь, рассказчиком тоже.

Через некоторое время мужики пошли рассматривать разные механизмы, а Светлане, жене руководителя, не очень хотелось смотреть на механику, и она осталась рядом со мной. Мы говорили на разные темы, чему-то смеялись, короче, было нескучно. Но работа есть работа.

Вижу проезжающего автокарищика, и автоматически «поправляю груди», показываю пальцами «два», и жестом направление, как раз в сторону Светы. Она остолбенела. Вся

раскраснелась и, возмущенная, покрутила пальцем у виска: «Я вижу, у вас, у мужиков одно на уме!», – сказала она.
– Что на уме? – не понимаю я, а она уже бежит к мужу. Вскоре они ушли, но почему-то не попрощались со мной.

А я подумал: «Неизвестно еще, у кого «одно на уме» – у мужчин, или у женщин...».

Эрвоспитание подростка

Учась в седьмом классе, мы, как и все подростки, были озабочены многими вещами. Например, тщательно следили за прической, утюжили складки на брюках, ну и, конечно же... поглядывали на девочек, но уже не так, как в прошлом или позапрошлом году. И надобно беде случиться... Беда не беда, а принёс Юра в класс брошюру некоего Чуркина «О половом воспитании подростка».

Ну, думаем, всё, теперь-то будем знать досконально «обо всем». Еле дождавшись большой перемены, мы сгрудились вокруг Юры... Большая часть книги посвящалась моральному облику будущего строителя коммунизма, и какие обязанности у этого строителя перед партией и правительством. Нет, ну поверьте, мы бы с удовольствием прочитали, и даже вызубрили бы это наизусть, но время поджимало.

И вот мы добрались до главного. Оказывается, чтобы подавить в себе неуместное желание (вот так всегда, как только чего-нибудь захочется, так сразу надо «давить душевные и другие порывы»), надо заниматься спортом.

Значит, захотел «чего-то» – бегом к штанге, и желания, как не бывало. Здорово! Дальше – больше, женатым, оказывается, категорически нельзя изменять своим женам. А почему? Вот не знаете, так и не говорите! А потому, что сразу, ну, как это помягче... оказывается, после измены наступает духовная о-пус-то-шён-ность. Ужас, что творится!

Мы и подумали: изменишь и сразу забудешь Пушкина, Лермонтова, в общем, всех-всех. А если, не дай Бог, забудешь ЛЕНИНА!!! Ужас! Чур, чур, меня! Не жениться, и всё тут. Как мужчины смеют (кошмар какой) ходить к прости... простите, – к «женщинам с низкой социальной ответственностью» – этим термином пользовалась наша доблестная милиция.

Теперь я знаю, как тестировать мужчин, надо просто спросить: «А кто такой Пушкин? А?...». И всматриваться в его глаза. А потом подумал: а вдруг собеседник начнет всматриваться в мои глаза?

Ох, не просто всё это, ох не просто. Страшно жить, понимаете ли.

Бедная шея мечтателя

И зачем надо было меня будить? А? Разбудили, а сами ушли на работу. Все ведь работают, и что им стоит после работы, на обратном пути купить хлеб. Вот, вчера, например, я уже отправлялся спать, и вдруг – шлёп открытой ладонью по шее! Это отец, значит, по-отчески, двинул меня и присовокупил: «если и завтра не купишь буханку хлеба, то получишь двойную порцию». Ну, не средневековье? Еще какое средневековье. Я не работаю. Ну и что? Не нашёл я работу по душе. Какие мои годы, еще найду, только вот школу закончил, так что, успеется. Тьфу, опять некстати вспомнил, мне же надо хлеб купить. Хорошо, что хоть магазин рядом. То есть, прямо под домом. Надо спуститься на лифте на первый этаж, и купить хлеб.

Ладно, сейчас встану, оденусь, умоюсь (?), и пойду за хлебом. Ну, сейчас, чуточку ещё полежу и всё.

Работа? Ну, что работа? То, что предлагают – это работа? Ну да, разбежался, как же. Мне очень нравится, например, работа писателя. Вот кайф, так кайф. Всего-то нужны тетрадки, можно самые дешёвые, и карандаши, и пиши себе. Я уже представляю. Вышла в свет моя книга, так я её и назову – «МОЯ КНИГА». Ну, как я придумал название? Я ещё не то могу. Писать я буду о человеческой жизни, хотя, можно и о нечеловеческой, о такой, как у меня, например. Прямо зло берёт. Почему именно я должен покупать хлеб? Ладно, давайте о книге. Книга вышла. А что творится в библиотеках? Там вообще столпотворение. Даже миллионные тиражи не в состоянии удовлетворить спрос. Люди согласны отдать за мою книгу все свои фамильные драгоценности. Презентации, награды, поздравления сыплются, как из рога изобилия. Ой... а хлеб? Ладно, сейчас встану, оденусь, умоюсь (?), и пойду за хлебом. Ну, сейчас, чуточку ещё полежу и всё. А если стать художником? Ух,

вот это да! Я бы такую живопись представил, что, хоть стой, хоть падай. Картины классиков продаются за миллионы, но... лишь через сотни лет после смерти автора. Мои же раскупались бы мгновенно. Вот и пожалуйста – гениальный художник готов. Тем более, что я писал бы в самых разных манерах. Ой... а хлеб? Ладно, сейчас встану, оденусь, умоюсь (?), и пойду за хлебом. Ну, сейчас, чуточку ещё полежу и всё.

А чего это время так быстро бежит? Так хорошо всё складывается у меня, а время спешит куда-то. Ладно, ещё секундочку, и бегу за хлебом. Можно, конечно, и артистом стать. Почему бы и нет? Чем я хуже этих знаменитостей? Кстати, вспомнил, а чего бы «им» – тем, которые оценивают таланты, не дать мне самую престижную премию прямо сейчас. Ну, это... в счёт будущих заслуг! Я точно знаю, что кто-то из политиков, в счёт будущих заслуг, получил аж Нобелевскую премию. Не слабо? Вот и до политики добрались. Изберите меня президентом, и вы увидите, как быстро я наведу порядок на всей земле. Ой... а хлеб? Ладно, сейчас встану, оденусь, умоюсь (?), и пойду за хлебом. Ну, сейчас, чуточку ещё полежу и всё.

А сколько время? Ой, бегу одеваться. Отец вот-вот должен прийти. Всё, я уже у двери...

Тут дверь распахивается и входит отец. Ой-ой-ой, бедная моя шея. Потом, потом домечтаю...

Как он хитрец!...

Эльмар любил шокировать людей. Дело в том, что он обладал абсолютным музыкальным слухом и, к тому же, очень здорово подражал голосам известных певцов. Ещё учась в школе, мог спрятаться где-нибудь за углом и затянуть: «На земле-е-е, весь род людско-о-й...», причем, голосом своего знаменитого земляка Муслима Магомаева. Все начинали озираться и искать репродуктор, транслирующий концерт.

Даже теперь, взрослый, женатый парень двадцати восьми лет не отказывал себе в этой невинной шалости.

Благодаря своим вокальным данным, многообещающим взглядом и мужественными чертами лица, Эльмар имел несомненную популярность у девушек. Чем и пользовался, весьма беззастенчиво. Правда, с тех пор, как женился, никаких любовных историй с ним не приключалось. Но бес всегда может попутать.

У его шефа была красавица-секретарша, и всё бы ничего, но вела она себя неприступно. Ну, как не подключить личное обаяние, и не завоевать сердце красавицы. Которое, и это известная истина, склонно к измене.

Сначала Эльмар изрекал деловым тоном комплименты, причём, всегда по существу. И, когда понял, что интрига готова к осуществлению, приступил к охмурению. Надо сказать, что в те далёкие семидесятые годы, девушки приглашались ребятами, в основном, в кино. Особым шиком считалось приглашение в кафе-мороженое. Ещё выше ступенькой – в концертный зал.

Эх, воспоминания, воспоминания! Представьте: кафе-мороженое, которое возле фуникулёра, или другое – рядом с кинотеатром «Низами». А какие концерты слушали? Старались не пропускать ни одного зарубежного артиста. Джорджи Марьянович, Радмила Караклаич, Саша Субота,

Ежи Поломски. Биг Бенды – Карел Краутгартнер, Хорст Янковски. Да разве можно всех перечислить?

Наш герой Эльмар решил не идти по банальному пути, и напрочь отмёл все эти кафе и концерты. Он подошёл к Наиле - ханум (именно так её звали), взял за руку и, проникновенно вглядываясь в глаза, сказал:

– Давай проведем вечер в ресторане «Дружба». Заодно послушаем наших Бакинских джазменов.

Ресторан «Дружба» заслуженно славился своей вкуснейшей азербайджанской кухней и хорошей музыкой. В разный период, на сцене ресторана можно было увидеть и услышать таких знаменитых музыкантов, как Давид Койфман, Вагиф Мустафа-заде, Лев Куропаткин, Рафиг Бабаев, и многих других высококлассных джазменов.

– А кто играет сегодня? – как-то смущённо спросила Наиля.

– Честно говоря, не знаю, но скучно не будет. Это я гарантирую. – Многообещающий взгляд Эльмара развеял все её сомнения.

Вечером, после работы Эльмар заехал домой.

– Саида, джана моя, ты где?

– Иду, иду, просто на кухне была.

Чмокнув жену в щеку, Эльмар сказал:

– Джана, мне сегодня, при полном параде, надо быть в одном месте. Приготовь, пожалуйста, всё, что надо.

– А-а, маманын янына кетмирик? – аз. яз. (А к маме не едем?)

– Придётся отложить на завтра.

– Амма сёз вермишиг ахы! (Мы же обещали!)

– Ай, джан-джигяр, сабах гедэрик. Ладно? (Душа моя, завтра поедем?)

– Ну, хорошо, но завтра обязательно. Пока пойду, позвоню маме с уличного телефона.

Саида вышла позвонить, а Эльмар, тем временем, принял душ и нарядился, как «денди лондонский».

Спустя полчаса, Эльмар и Наиля усаживались за столик в прекрасном зале ресторана «Дружба». Официант попался

расторопный и разговорчивый. Сразу сообщил, кто из музыкантов будет играть, какие яства их ждут. По его взглядам было видно – он понял, что это не семейная пара. Официанты – люди очень понятливые.

Минут через двадцать, он почти бегом подошёл к Эльмару и что-то прошептал на ухо.

– Где? – воскликнул Эльмар. Официант показал глазами. Эльмар посмотрел по направлению взгляда и увидел свою соседку. Соседка эта отличалась от других своими способностями плести интриги. Хлебом не корми, а только дай позлословить или оклеветать кого-нибудь. А тут, как говорится, на ловца и зверь бежит. Она в упор разглядывала Эльмара и его спутницу. Мгновенно оценив ситуацию и, особенно, её последствия, Эльмар тут же нашел выход, и посвятил в свой план официанта. Тот кивнул головой, пошёл в сторону столика соседки и, поравнявшись, уронил пустой поднос. Фактически, закрыл своим телом обзор. Когда соседка попыталась взглядом отыскать парочку – той и след простыл.

Что Эльмар наплёл Наиле, неизвестно, но уже через сорок минут он был дома. Вихрем влетел домой и закричал:

– Ура-а, отменили мероприятие! Давай, мэним джаным (душа моя) устроим свой праздник!

– Маманын янына гедек? (Едем к маме?)

– Маманын янына, как договорились, поедем завтра, да? Гяль бир ресторана гедяк. (Давай поедем в какой-нибудь ресторан). И надень, пожалуйста, то синее платье, которое мне нравится.

Ну, хитрец так хитрец – Наиля была почти в таком же платье. Такси быстренько домчало их до «Дружбы». Ушлый официант сразу всё понял и, в расчёте на щедрые чаевые, охотно подыграл Эльмару. Обслужил по первому разряду, и всё предлагал приходить ещё.

Саида от этого вечера была в полном восторге. По приезду домой, хотела сразу позвонить маме, но, позднее

время, и необходимость идти на улицу в поисках работающего телефона-автомата... Саида никуда не пошла.

Утром, в хорошем настроении, Саида вышла в их «итальянский двор». В Баку такие общие дворы назывались именно «итальянскими». Выйдя из квартиры, Саида сразу столкнулась с соседкой.

– Сабахын хейир. (С добрым утром). Ты знаешь, где и с кем я видела твоего мужа вчера? – с ходу начала соседка.

– С кем и где? – рассеянно спросила Саида.

– Он вчера, с какой-то черноволосой красавицей был в ресторане! Амма сэн фил гулагында ятмысан. (А ты спишь на слоновьем ухе).

– Может, ещё скажешь, в ресторане «Дружба»?

– А что, ты их застукала? – предвкушая сенсацию, воодушевилась соседка.

– Может, ещё в синем платье? – набирала обороты Саида и начала нехорошо улыбаться.

– Да, да! – просияла соседка. Она явно уже воображала будущий скандал Саиды и Эльмара.

– Ах ты, стерва, змея подколотная, һәјван кызы һәјван! (дочь животного!). Это же я была! В синем платье! Меня Эльмар пригласил!

В следующее мгновение соседка с ужасом осознала, что рискует остаться без волос.

– Скотина, сама без мужа и меня хочешь поссорить с моим Эльмаром?..

Бедная соседка уже ни о чём не могла думать, кроме, как о собственном спасении.

Ну и хитрец Эльмар. Выкрутился.

Не протеслю...

У Сани был свой, проверенный способ знакомиться с девушками. На его гитаре была никелированная деталь, отбрасывающая очень яркого светового зайчика, чем он пользовался всегда. Направит на понравившуюся ему девушку и, через некоторое время, она уже смотрит только на него. Потом, в антракте выходил в фойе и, не поверите, девушка сама начинала разговор, ну ладно, ладно, не всегда, но зачастую. В этот вечер он ни на ком не остановился, настроение что-то подводило. Впрочем, удивительно, как может не быть настроения у парня двадцати пяти лет? Отыграли первое отделение, закрылся занавес, и не успел Саня положить гитару, как к нему подбегает тромбонист Иосиф Шахназаров:

- Саня, Саня выручай! Как брата прошу!
- Пошёл вон, – лениво ответил Саня, – знаю я твои «выручай», опять какая-нибудь крановщица или доярка с подругой, и эту подругу некуда девать, так?
- Ну, что ты кипятишься сразу? Во-первых, взглянул бы сначала. Во-вторых, не одна, а две подруги. Вот Боря согласен, а что, отдохнём после концерта.
- Отвали, я ни в чьей помощи не нуждаюсь, если захочу познакомиться, с кем-нибудь, то сам обойдусь
- Да подожди ты, моя говорит, что жратвы навалом, а у нас в номере ничего нет. Подумай, и друга выручишь, и вечернюю трапезу совершишь, – сострил Иосиф.

Видимо, последний довод с трапезой поколебал непоколебимость, и она, эта непоколебимость рухнула в ту же секунду (ничего не поделаешь, такая вот тавтология).

- Ладно, хитрый лис, показывай.
- Всё после концерта, – скороговоркой выпалил Иосиф и исчез.

Отыграли второе отделение концерта, захехлили инструменты и вышли на улицу. Так как Дом Культуры, в котором состоялся концерт, находился на окраине Липецка, то не удивительно, что было темно, и даже друг друга мы различали только по силуэтам.

Иосиф подвёл своих друзей к трём девушкам, быстренько все перезнакомились и, оживлённо переговариваясь, пошли по улице. Автоматически разделились на пары и продолжили путь. Через некоторое время вышли на шоссе и, пройдя по нему ещё несколько сотен метров, подошли к какой-то избе.

– Ну, ребята, входите, – сказала девица, шедшая с Саней.

Вошли, огляделись по сторонам. Комната, как комната в таких избах. Посередине стол, вокруг стулья, небольшой продавленный диван, и тумбочка, а на ней радиола – ламповый радиоприёмник со встроенным проигрывателем виниловых пластинок.

Все с любопытством, при свете, разглядывали друг друга. Иосиф и его краля уселись на диван, и сразу стали хихикать и шептать что-то друг дружке на ухо. Боря робко стоял в дверях, словно не рискуя войти. Саня взглядом оценил кралю на диване, она, действительно, была симпатична. Далее, перевёл глаза на ту, которая пришла с Борей, и поперхнулся от смеха. Боря спросил по-армянски:

– Что разоржался?

– Ты посмотри на неё, придурок, ей же не меньше шестидесяти лет.

Боре, двадцатичетырехлетнему парню, конечно же, такая перспектива совсем не улыбалась. Саня веселился от души, но, когда он ещё раз посмотрел на Борю, то очень удивился. Боря вдруг приобрёл землистый цвет лица, и, казалось, вот-вот свалится бездыханный.

– Что с тобой, Борис-джан? Что-то съел несвежее? А? Иңча асум? – арм. (Что случилось?)

Бориных сил хватило только, чтобы глазами показать на хозяйку дома – девушку, которая всю дорогу шла рядом с Саней. То, что увидел Саня, повергло его в ступор. Этот

здоровенный армянин почувствовал такую дурноту, какую не испытывал ни на каких аттракционах, ни, даже после литра водки. Левая рука хозяйки была искусственной, воскового цвета. Как раз в эту минуту, она, справившись с пластинкой, стала приглашать всех за стол и, подойдя к Сане, взяла его за талию и подтолкнула к столу. У бедного Сани глаза стали вращаться в разные стороны. Он никак не мог сообразить, какой рукой она подталкивает его.

– Нет, нет! – вскричал он высоким фальцетом, не существующим в природе. – Я совсем забыл, у меня заказан разговор с Ереваном!

С этими словами Саня выбежал на улицу. Боря, не дожидаясь новых сюрпризов, тоже. Вслед раздался голос Иосифа:

– Вы куда? Идиоты, придурки, дебилы!.. – и ещё ряд непечатных слов.

Выбежав из дома, ребята не знали, куда им дальше идти, но уже через секунду подъехало такси (должно же хоть в чём-то повезти), и ребята плюхнулись на сиденье:

– В Липецк! В Липецк! Спаситель наш! В гостиницу!

– Меньше, чем за десять рублей не повезу, – сурово изрёк шофёр.

– Согласны!!! – взревели ребята.

Через десять минут они были в номере. Радость была через край, даже пятикратная переплата не могла омрачить их ликования.

Они плясали, пели в два голоса армянские песни, жали друг другу руки, и совсем-совсем не испытывали чувство голода.

Ну, кажется – пронесло. Ан, нет – не пронесло! Но об этом в другой раз.

Шах и его «дядя»

Шах родился и вырос в Баку. Воспитывали его бабушка и мама. Казалось бы, должен был вырасти маменькин сынок, да не тут-то было, вырос смелым, отчаянным малым. Ну, например, в автобусе какой-то бугай, только пытается завести разговор с его девушкой, как Шах, парень среднего роста, и обычного сложения, тут же в драку. Он учился в двухсотой средней школе, по улице Инглаб, неподалёку от станции метро Гянджлик.

Как-то, еще в седьмом классе, к ним пришла молодая учительница, без опыта работы в школе, похожая чем-то на артистку Дюжеву из кинофильма «Мимино». Очень скоро Шах довёл её до белого каления, и она, расвирепев безмерно, потребовала родителей в школу. Шах соорил невинную рожу, а потом со скорбью и печалью в голосе сказал:

– У меня нету папы, он умер, когда я был совсем маленьким. Но «Дюжева» была непреклонна, и настаивала, чтобы привёл хоть кого-то из старших.

Тут Шаха осенило:

– Я приведу дядю, но он меня точно убьет, – упавшим голосом молвил Шах. И сам обрадовался пришедшей идее.

Он недавно узнал, что сосед Рантик, отсидевший несколько лет, вышел из тюрьмы, и не имел средств к существованию, так как не имел, ну, прямо скажем, никакой тяги к общественно-полезному, равно, как и к любому другому труду.

– Рантик-джан, вонцес? – арм. (Как дела?)

– Чё надо, ара, давно в рог не получал? – довольно неприветливо спросил Рантик-джан.

– Нет, э, нет, просто хочу, чтобы ты три рубля заработал.

– Э-э, кому-то надо промежду ушей дать?

– Не-а, просто пойдёшь со мной в школу асма (как будто) ты

мой дядя, училка будет тебе лапшу вешать, а ты головой кивай и всё, только ничего не говори, а то у тебя, кроме мата ничего не выходит, понял, ара?

– А чё, даже сволочь, не говорить? Ты чё, совсем сдурел?

– Рантик-джан, или молчишь, или бабки у меня останутся, понял?

– Ладно, идем сейчас.

– Дурак, э ты, ара в такое позднее время, какая школа?

На следующий день Шах и Рантик, явились в школу. Не успели они войти в класс, как Рантик, в предвкушении денег, завопил:

– Чё он сделал, ара? – тут же, получив тычок в спину от Шаха, поуспокоился. Училка представилась, предложила сесть.

– Вот вы, уважаемый Рантик, как дядя Шаха, скажите, разве можно себя так вести? – хотела ещё что-то добавить, но тут Рантик вскакивает на ноги и начинает орать на Шаха:

– Ты чё делаешь, ара сволочь! Я тебя....

Далее пошла неудобопроизносимая, и совершенно неприемлемая для женского уха, игра слов. Потом Рантик стал перечислять всех родственников Шаха, в основном, женского пола, и даже рассказал, что бы он с ними сделал.

– Ты домой не дойдешь, я тебя убью, понял?

Прослушав немаленькую тираду Рантика, бедная учительница была в полубоморочном состоянии, и тоже (правда, в уме) стала перечислять, и крыть на чём свет стоит, родственников Рантика, Шаха, своих, и даже самую себя в том числе, за то, что вообще связалась с ними.

Рантик не умолкал, начисто забыв об уговоре не материться. Сначала Шах оторопело смотрел, то на училку, то на Рантика, и тут ему пришла в голову, довольно простая мысль: «А ведь убьёт скотина, и глазом не моргнёт!». Распахнув двери, Шах стремглав бросился по коридору, по ступенькам вниз, и на улицу. Пока бежал, вся жизнь пронеслась перед глазами, воистину с космической скоростью. Лишь завернув за угол, решил выглянуть, и тут

же столкнулся лицом к лицу с Рантиком, а тот уже, якобы, хочет достать нож из заднего кармана (вошёл в роль, что называется). Шах заорал:

— Убери руку, денег не получишь, идиот!!!

Рантик, вдруг, сразу успокоился:

— Ну, чё ништяк всё вышло, как у настоящего артиста. Тогда давай пять рублей, а то замочу.

Шах, не задумываясь, отдал пять рублей и исчез в течение секунды.

Удивительно, но с тех пор, тяга к подобным экспериментам исчезла у Шаха напрочь.

Музыкант

Кончились новогодние праздники, все ёлочные представления отыграны, мы очень довольны заработанными деньгами, но... деньги деньгами, а что-нибудь для души тоже нужно. Собрались на репетицию, кстати, с большим удовольствием, поиграть современную, и не очень, музыку. Повторить песни с певцом и певицей, в общем, говоря современным языком, оторваться от души.

Репетиции наши проходили в здании издательства «Азернешр», что располагалось на улице Гуси Гаджиева. Наш музыкальный руководитель, Володя, обладатель утончённого чувства юмора, великолепный джазмен и интеллигентнейший человек, умел отказать бездарю так, что тот и не обижался вовсе.

Надо сказать, что коллектив наш был, хотя и самодеятельный, но, невзирая на это, музыканты были у нас сильные, впоследствии некоторые удостоились лауреатских премий. Короче, на репетиции собирались, как на праздник.

Начинаем играть очередную джазовую композицию, и в самый кульминационный момент, когда Гена выделяет что-то немыслимое на саксофоне, открывается дверь и входит очаровательное создание с лицом херувима, и мгновенно вычислив руководителя, подходит к нему, и бесцеремонно останавливая его, заявляет:

— А вы знаете, я ведь тоже пою!

Володя, недоуменно:

— И вы хотите спеть прямо сейчас?

— А чего время тянуть, давайте прямо сейчас!

Мы, зная Володю, приготовились к чему-то интересному, но физиономии построили сосредоточено - внимательные.

— И что же вы споете, просто песню, или что-то более серьёзное? А?

– Ну, знаете, мне ваши Леонковаллы и Верди неинтересны, я вам спою песню Паулюса.

– Да?!.. Интересно, интересно, а я-то, грешным делом, думал, что советские войска разгромили Паулюса ещё в сорок третьем году.

Возмущению этой молоденькой девицы не было предела.

– Вы что, совсем не слышали о Раймонде Паулюсе? Вот его песню «Синий лен» я и спою, поддержите, ребята! – прокричала она и начала петь.

Сказать, что она плохо пела, значит, ввести вас в заблуждение, это был вой раненой волчицы и бление жертвенного агнца одновременно. Мы, конечно, заплодировали, и бросились её целовать «на шару». Но не тут-то было, ее взгляд изголодавшего удава, быстренько привёл нас в чувство.

И тут Володю осенило:

– Вы появились, как нельзя, кстати, нам нужна именно такая певица. Приходите обязательно, но после Нового Года.

– Ну, смотрите, ждите, я обязательно приду.

И ушла.

Одного девушка не учла, что до Нового Года оставалось очень много времени.

Вообще, этот день был богат на события. Примерно, через полчаса, открылась дверь, и вошёл приклатнённый парень.

– Привет всем приколам. – Бросил он с порога. – Иду мимо, слышу, вы чего-то играете, думаю: надо помочь ребятам, только вы не обижайтесь. Ладно?

– И чем же вы, молодой человек, собираетесь нам помочь? Вы на чём-то играете, или может, поёте? – спросил вежливо Володя.

– Я и пою, и играю на всех инструментах, – безапелляционно заявил парнишка.

– Ну, давайте начнём с фортепиано.

Пока он играл, мы давились со смеху, и ждали окончания этих «интерлюдий». Не дав ему закончить, Володя

склонился над ним, и что-то на ухо прошептал. Тот сразу встал, распрощался и ушёл.

Прошло несколько дней, как всегда, собрались на репетицию, но без Володи, он болел. И вдруг появляется наш новый знакомый.

– А где Володя? – спрашивает разочарованно. – А я всё принёс.

Достаёт из кармана несколько мятых бумажек.

– А что это? – дружно вопрошаем.

– Это то, что Володя просил принести. Вот анализ кала, вот анализ мочи, вот анализ крови.

Наверняка, весь Баку слышал наше радостное ржание.

Восприятие

Всё, всё, всё, устал, как собака. Сколько можно работать? Сейчас приду домой, приму душ, усядусь в своё любимое кресло, слегка поужинаю (надо худеть), ну и что-нибудь интересное по телевизору посмотрю. Подхожу к нашему дому, а он высокий, красивый, ухоженный, всё всегда убрано, и везде чисто. А соседи? А соседи, все на подбор, всегда поздороваются, поинтересуются: «Манишма?» – это на иврите «Что слышно?». И, пока не дождутся ответа «беседер гамур» – то есть «всё в порядке», не уйдут.

Ладно, что-то я расхвастался, короче, открываю входную дверь, вхожу в вестибюль, и там, конечно, всё блестит и сверкает чистотой. Спасибо нашему председателю домового комитета, это всё благодаря ему.

Автоматически смотрю на доску объявлений, вижу, что-то есть, читаю, оказывается, сегодня собрание жильцов нашего дома в восемь часов вечера. «Вот здорово!» - думаю я. А, действительно, здорово, не нужен ни режиссер, ни сценарист, ни артисты не нужны. Тут, порой, такие комедии разыгрываются, что хоть в театр не ходи.

В общем, после душа, ужина, кроссворда, я, разодетый, побритый и благоухающий, спускаюсь вниз.

Люди собрались. Не все, конечно, но больше половины. Председатель домкома, высокий, полный парень, призывает всех к порядку, надо начинать собрание. Гомон прекратился и он начал:

– Уважаемые господа! Новость, которую я скажу, должна вас обрадовать. Допустим. Ну, господа, послушайте, пожалуйста. Это же для вас. Допустим, съездили мы за покупками, поставили машину на свою индивидуальную стоянку, и, взяв свои сеточки-баульчики, идём домой, подошли к дверям и... И что теперь? Все покупки кладем на

пол, достаём ключи, открываем дверь, придерживаем ногой, чтобы не закрылась. Начинаем собирать свои сеточки-баульчики, а они, как назло, падают... В общем, вам это знакомо.

– А что можно сделать? Ведь дверь-то всё равно надо открыть. – Раздался мужской голос.

– Вот об этом я и хочу сказать. Господа, ну послушайте, я вас долго не задержу.

Здесь, надо заметить, что, если бы это было на нашей доисторической родине, то председатель домкома просто рывкнул бы, и шум сразу же прекратился. А здесь, извините, кричать никак нельзя, потому как демократия. Поэтому, максимум терпения. Итак, пойдём дальше.

– И, чтобы, сеточки-баульчики не класть на пол, есть вот есть такой пластмассовый кружочек, – продолжал председатель. – Его надо просто поднести, к этой зелёной, малюсенькой лампочке, дверь и откроется. Повторяю, достаточно поднести этот маленький, пластмассовый кружочек к зелёной лампочке, как сразу же дверь от-кры-ва-ет-ся. Кстати, зелёная лампочка находится на таком уровне, что не надо ни тянуться вверх, ни наклоняться вниз.

– Моше, Моше, извини меня, пожалуйста. Ты знаешь, я плохо слышу, и далеко стою. Я видела, что ты что-то говорил, повтори для меня, сынок.

Эстер, восьмидесятидвухлетняя бабуся-мароканка с восьмого этажа, выглядела так беспомощно, что сердца жильцов, переполненные милосердием, не выдержали этого безобразия со стороны председателя, и они все хором закричали:

– Да, да, повтори, Моше, что тебе стоит! Мы люди, в конце концов, или нет?

– Тётушка Эсти, подойди ко мне поближе. Повторю, специально для тебя. Итак, – Моше заговорил громко, – пришли мы домой с покупками и, чтобы покупки не ставить на пол, а иначе, двери невозможно открыть, подносим этот

кружочек к лампочке, и дверь открывается. Понятно, тетушка Эсти?

– А где я возьму кружочек, Мошико?

– Кружочки я сейчас раздам всем, без исключения.

– Моше, что, деньги будем собирать? – Рони вопросительно смотрел на Моше.

– Вот мы и подошли к главному. Ничего собирать не будем. У нас в кассе денег достаточно, мы сэкономили на камерах слежения.

– А кому нужны эти камеры, что они дают? – Арад, молодой парень с третьего этажа, недовольно скривился.

– Если бы не эти камеры, не видать бы мне моего «Мерседеса»! – возмутился Дорон.

– Вот именно! – подтвердил Шарон – полицейский, живущий на одиннадцатом этаже. – Я отнёс диск, запечатлевший вора, в полицию, а там его быстренько по картотеке и нашли.

– Ма коре по? – иврит (Что здесь происходит?) – диссонансом прозвучал голос Ханы.

– Вот и Хана, как говорится, не прошло и два часа, как Хана уже здесь, – заметил председатель.

– Да, я опоздала, как всегда, и не тебе мне указывать, как жить. Понял? – совсем не агрессивно, но, в то же время тоном, отбивающим всякое желание возражать, ответила Хана. – Итак, что здесь происходит?

– Ещё раз повторять? Я уже несколько раз рассказывал, – возмутился Моше.

– Ничего страшного, повторишь ещё раз, правда, ведь?

Моше почувствовал себя пятилетним, набедокурившим мальчиком. Делать нечего, придётся повторить.

– Я говорил о том, что у нас новое приобретение, позволяющее нам быстрее открывать входную дверь, – с надрывом начал снова Моше. Конечно, если бы он знал, что за этим последует серия вопросов, то он повторил бы всё то, что он рассказывал до этого. Но поезд ушёл, пришлось выслушивать Ханины нравоучения и реагировать на них, но

так, чтобы не дай Боже, не ввести её в ярость. Естественно, последнее слово осталось за Ханой:

– Ата лё яхоль леахлит клюм биладейну. (Ты не имеешь права решать что-либо без нас).

Обстановка, хотя и была миролюбивой, но всем уже хотелось разойтись по домам. Вы же понимаете, у каждого свои дела, заботы, семья, в конце концов.

И тут раздался язвительный голос Далит, который ввёл всех в уныние:

– А как ты объяснишь то, что два месяца назад, в лифте, застряла беременная женщина? – тут необходимо заметить, что голос набирал обороты с огромной скоростью. Ну, примерно, как Фидель Кастро, начинающий медленно и размерено, а к концу говорящий скороговоркой и криком. – Беременная женщина! Ты понимаешь, о чём я говорю? Беременная женщина! Тебе этого не понять, ты никогда не был беременным, и вряд ли когда-нибудь будешь!

– Далит, Далит, успокойся, пожалуйста. Я с тобой полностью согласен, я никогда не был беременным, и вряд ли когда-нибудь буду. Я знаю эту историю, и произошло это потому...

– Не перебивай, когда я разговариваю. Разбаловали мы наших мужчин, сразу нам рот затыкают!

Как ни странно, но все мужики, хоть и уныло, но зато гордо, молчали.

– Каждая женщина знает, что такое беременность. Какую ответственность она несёт за будущую жизнь, и каждая женщина может забеременеть, - при последних словах Далит почему-то, показала на тётушку Эсти. Та, автоматически посмотрела на свой живот, и с сомнением покачала головой.

Моше примирительно поднял обе руки вверх, и спокойно начал объяснять:

– У нас, на первом этаже, располагается комната с генератором, который включает резерв в течение пятнадцати секунд, при аварии. В тот день, кто-то, надеюсь, случайно, отключил рубильник.

– Что ты мне зубы заговариваешь? – не унималась Далит,
– видно, ты так ничего и не понял. Повторяю, беременная женщина застряла в лифте на целых семь минут. Ты вообще представляешь себе, чем это могло кончиться?

– Это больше не повторится, я повесил замок на дверь в эту комнату, и ключ только у меня.

– Ну, ладно! – успокоилась Далит и, поглаживая свой, уже наметившийся животик, направилась к лифту.

Моше удивлённо проводил взглядом её до лифта, и нерешительно начал:

– Ну, что насчёт нашего нововведения? Раздавать пластмассовые кружочки или всё отменяется?

– Раз ты говоришь, что бесплатно, то давай, не тяни, а то и так много времени потеряли зря, – раздался чей-то недовольный голос.

Наконец, все кружочки розданы, люди довольны, можно расходиться. Уже и начали расходиться, как вдруг Рахель, которую в Молдавии звали Марго, говорит:

– Раит Хана, эйзэ хуцпаним агварим шеляну? (Видишь, Хана, какие наглецы наши мужчины?), – словечка не дают нам вставить. Молодец Далит, поставила их на место.

– Да, да совсем распосясались! – среагировала Хана.

Рахель уже и не слышала Хану, её внимание переключилось на прикуривающего мужа.

– Марик, – обратилась она к нему по-русски, – ты что делаешь?

– Да вот, покурю с соседями, и поднимусь домой.

– Совсем спятил, что ли? А мясо кто прокрутит? Марш быстро домой!

– Мемаерет абайта (Торопится домой), – проямлил Марик и, затушив сигарету, засеменил к лифту.

Так закончилось наше собрание, и теперь, жду не дождусь следующего раза.

Творческие пристрастия

Сёма и Гюля, с увлечением смотрели передачу об артисте Владимире Ивашове. Являясь одним из любимейших артистов, он не мог оставить равнодушным, казалось бы, никого. Одна только роль, в "Балладе о солдате", уже заставляет уважать этого прекраснейшего и не похожего ни на кого артиста. А каков его Печорин? Что бы ни говорили критики, а лермонтовского Печорина, наши герои, Сева и Гюля, именно таким и представляли. И красив собой, и в характере точен.

В передаче, принимали участие, и режиссеры, и артисты, и члены семьи артиста. У всех находилось много добрых слов, в адрес Владимира, и конечно, слышалась горечь в словах, когда говорили о его смерти. Светлана Светличная, жена Ивашова, рассказывала об их совместной жизни, о том, как они познакомились, как жили, о своей ревности к его творческим успехам. Причём откровенно, чем вызывала симпатии, слушавших её телезрителей.

В каком-то месте Гюля, даже прослезилась и говорит: – Позвоню к Рене, (это её сестра) может она смотрит что-то другое.

Набрала номер:

- Ренчик привет, ты что смотришь?
- Как что? Передачу об Ивашове. Здорово, правда?
- Ещё бы не здорово! Сёму, вот, от экрана телевизора не оторвёшь.
- А что, Семе тоже такие вещи интересны?
- Ну, ты меня удивляешь?! Сёма всю жизнь только этим и живёт.
- Интересноо..., с каких пор он стал интересоваться такими вещами? А, Гюля?
- Как, с каких? – в голосе Гюли, прозвучала неподдельная обида за мужа. – Искусство всегда его интересовала, и

живопись, и кино, и театр, а про литературу, я уже и не говорю.

– Ах, вот, что вас заинтересовало? – разочаровалась Рена.

– А я-то думала, вы смотрите и видите, то, что нужно.

– А что нужно? – заинтересовалась Гюля.

– Как что? – возмущению Рены, не было предела. – Да ты смотри, смотри какой макияж на лице Светличной.

Обратила внимание, какие у неё тени? Клёво, правда? А вот как она губы подвела, мне совсем не нравится. Что скажешь?

– Ммм..., что скажу? Ты лучше Расскажи, как прошел ваш уикенд. – Чтобы уйти от темы макияжа, спросила Гюля.

– Шикарно! Просто шикарно!!! Вот мой Самик, знает, чем надо интересоваться.

ОТЕЛЬ, в котором мы остановились – пяти-звездный, сверх фешенебельный, с телевизором, причем экран – просто фантастика. Обслуга – класс. Правда, эти придурки предлагали нам, совершенно бесплатно, (ещё бы, мы столько денег уплатили за путёвку), сходить на концерт классической музыки (очень нужно), а на следующий вечер, на какой-то придурочный джаз. Так вот моя умничка, мой Самик, предложил остаться в номере и посмотреть по телевизору южноамериканский сериал "Просто Мария". Мы его уже видели, но ты знаешь, есть вещи, которые сколько не смотришь – всё мало. Вообще знаешь что? Приходи, ко мне, прямо сейчас, я тебе обо всём расскажу, а заодно и новую кофточку покажу. Я тебя жду, а Сёма пусть смотрит свои «искусства».

Я - президент

У удивляться здесь нечему. Я – Президент, и всё тут.

Тому много причин. Во-первых – с детства об этом мечтаю, вот именно, с детства, совсем маленьким был, а сидя (пардон) на горшке, мечтал стать Президентом. И ничего смешного в этом нет, потому что, лучше меня кандидатуры не существует. Обратите внимание, какого президента не возьмёшь, в чём-нибудь, да замешан. Я имею в виду не тех президентов, которые в каких-то компаниях, а тех, кто является президентом страны, ну, какой-нибудь страны. Так вот, выбираете вы меня президентом страны, а потом и всего мира. Правда, все же есть одна деталь, которая меня беспокоит, но о нехорошем сейчас не будем говорить. Все качества, присущие президенту, у меня есть. Могу выглядеть довольно респектабельно, а могу и в мятом пиджаке выйти на трибуну, что, скажете, нет таких? Ещё как есть, и не мало.

Вообще, людей амбициозных, останавливать нельзя. Не выберете меня, потом будете локти кусать. Вот так! Представьте, что я уже избран. Я сразу начну грамотно руководить. Как это, грамотно – объясняю. Ввиду того, что я разбираюсь во всём, то я буду во всё вмешиваться. К примеру: запрещу всем плохим художникам писать картины, то же самое и со скульпторами, и с писателями. Останутся только хорошие. Вспомните, был хороший художник, рисовал акварелью. Его не оценили. А я бы оценил, то есть не то, как и что он рисует, вовсе нет. Я бы просто понял, что передо мной амбициозный и мстительный человек, и дал бы ему руководить Художественной Академией. Он писал бы свои картины, и был бы доволен жизнью, и ни в какую политику не полез бы. Так нет же, дали человеку по рукам. Поначалу он начал пить, то есть, начал пить пиво, много пива. Потом у него развязался язык, он начал говорить, много говорить. Потом стал обещать, много обещать. Потом его избрали.

Избрали самым главным. Потом он начал чувствовать власть, много власти. И, как следствие всего предыдущего, он начал убивать, много убивать. Даже женщину себе выбрал, ни больше, ни меньше, с именем праматери человеческой. Ну, куда это годится?

Ладно, ну его. Президент должен быть обаятельным, тьфу, надо же в самый неподходящий момент вспомнить, что есть одна деталь, омрачающая президентство. Но, как и договорились, не будем о нехорошем. Президент должен быть обаятельным артистом. Я именно такой, выбирайте, от этого вы только выиграете. Я всё могу. Могу бить башмаком по трибуне – не каждый рискнёт. Могу, в непонятном месте сказать: «и это правильно, и это верно», могу отрастить брови, и разговаривать, заплетаясь, а при этом называть собеседника другим именем. Могу, отрастив бороду, говорить с трибуны, сначала медленно и тихо, а потом кричать так, что все начнут глохнуть. Могу, произнося речь, всё время держать указательный палец кверху, и грозиться, что такую-то страну сотру с карты мира. Все премии, выданные мне авансом, обязательно приму. Кроме всего, ни один террорист не сможет чувствовать себя вольготно. Почему? Да потому, что мочить их буду, даже в сортире. Я – универсал! Ну, убедил? Выбирайте, а я подумаю, кто знает, вдруг случится то, чего я побаиваюсь. А, собственно, чего бояться? Для начала, все свои овальные кабинеты распоряджусь сделать квадратными (вдруг убережёт); работников своих сам увольнять не буду, пусть помощники этим занимаются. Никаких горячих точек на земле не будет. Если воюют между собой, прикажу – и сразу подружатся. Куда денутся, ведь кто приказал-то? Приказал президент, выбранный демократическим путём – причём, заметьте, единогласно.

Секунду, секунду, не бросайте избирательный листок. Подождите, дайте подумать. А как с женщинами договориться, чтобы не вздумали обвинять меня в домогательствах? Вот это и есть то нехорошее, чего я боюсь.

Почему, я спрашиваю? В одной стране президента обвинили в этих самых домогательствах. Уже, ой, как долго, отмыться не может. Вот такая история. А вы торопитесь избрать меня президентом. Вы сначала дайте мне гарантии безопасности, а потом избирайте. Вот так.

Соломончик, привет!

*Ж*изнь полна неожиданностей. Ну, кто бы мог подумать, что меня, на седьмом десятке лет, кто-то назовёт не Соломоном, а Соломончиком? Итак, по порядку. Сайт «Одноклассники», скажу я вам, интересная штука. Люди знакомятся, находят старых друзей, приобретают новых. Правда, и неприятностей хватает, попадают разные «доставальщики», и житья от них нет. Но речь не о таких, а о нормальных и хороших людях.

Копаюсь, себе на сайте, значит, и никого не трогаю. Включаю опцию «Сейчас на сайте», ба, кого я вижу? Сам Зяма Трахтман, собственной персоной. Когда-то служили вместе. Тут же посылаю письмо – получаю ответ, я письмо – он ответ, я письмо – он ответ. Ну, всё выяснилось, всё понятно, я живу в Израиле, а Зяма в Германии. Как его туда занесло, я спросить постеснялся, также постеснялся спросить, чем он занимается и как живёт. Он предложил поговорить в живую, то есть через «Скайп». Созвонились, поговорили, оба остались довольными. Попрощались, надо сказать, довольно тепло. Ну, и всё, теперь думаю я, надо заняться другими компьютерными делами.

Вдруг, кто-то пытается дозвониться до меня по «Скайпу». Смотрю, незнакомый мне Сёма. Ладно, отвечу. Не съест же он меня, в самом деле. Отвечаю:

- Алло, я вас слушаю.
- Соломончик, привет! Как дела, дорогой? – раздаётся незнакомый мужской голос.
- Всё нормально, а вы кто? Извините, что спрашиваю.
- Да, Сёма я, Сёма. Хотя, ты меня не знаешь.
- Представьтесь, пожалуйста, а то неудобно как-то получается.
- Я муж Цилечки, ну Цилечки, понял, Соломончик?

– Теперь понял, – пытаюсь острить я, – а Цилечка, стало быть, ваша жена?

– Умница, Соломончик, и всё логично, если я её муж, то она моя жена. Давай, включай видеокамеру, а я включу свою. Должен же я видеть, с кем разговариваю.

Делать нечего, включаю. В эту же секунду на экране появился Сёма. Смотрю, пожилой, благообразный дядька, с добродушной улыбкой. Вдруг он радостно закричал:

– Цилечка, Цилечка, быстро иди сюда! Смотри на Соломончика, видишь, какой он из себя? Ты же хотела его разглядеть. Обычный парень – шевелюра, карие глаза, жаль, роста не видать.

Я почувствовал себя каким-то экспонатом из зоопарка.

– Простите, вы, что, меня женить хотите, что ли? – спрашиваю озадаченно.

– Ну, что ты Соломончик, просто познакомиться поближе, вот и всё. Ты, главное, не нервничай.

Подошла, совершенно незнакомая мне женщина, и изучающе уставилась на меня. Презрительно сжала губы и молвила:

– Это ты, Соломончик? Ты, или нет?

– Да, это я! – несколько смущённо, но в то же время гордо, отвечаю я.

Сменив гнев на милость, Циля спрашивает:

– А где ты работаешь?

– Циля, при всём моём уважении к вам обоим, меня всё же разбирает любопытство. Кто вы такие, и откуда вы меня знаете? – спрашиваю недоуменно.

– Ах, ты, глупенький, так ничего и не понял? – с ласковой угрозой вопрошает Цилечка. Сёма хотел вставить словечко, но молнии из глаз Цилечки остановили его душевные потуги.

– Так ничего не понял. – Честно отвечаю я.

– Я Зямушкина сестра. Не спрашивай, какого Зямушки – я сестра Зямы Трахмана. А зовут меня Циля, вот. Теперь ты

всё о нас знаешь, и будешь отвечать на мои вопросы. Итак, где ты работаешь?

— Ну, как вам сказать? Я...

— Говори правду, где?

Я понял, что перед этим детектором лжи все уловки бесполезны.

— На заводе. — Твёрдо и честно отвечаю я.

— Так, на каком? Сколько платят? Нет, спрошу по-другому. Сколько денег ты получаешь?

— Н-у-у... такие вопросы не задают у нас в Израиле.

— А мы, по-твоему, где живём? Мы с Сёмой тоже живём в Израиле. Ты пойми, мне всё надо знать. Где ты живёшь?

— Дома! — предельно честно отвечаю я.

— Ты, давай, не остроумничай, я имею в виду, в каком городе. Какой, однако, ты непонятливый, — возмутилась Цилечка.

— Под Хайфой, — мямлю я.

— Ты какой-то скрытный стал, что-то случилось?

— А откуда вы знаете, каким я был? — кажется, перехожу в атаку.

— А море от тебя далеко? — проигнорировала она мой резонный вопрос.

— Нет, — отвечаю, — совсем близко, минут пять пешком. А что? — спохватился я.

— Ну, хорошо, скажу на понятном тебе языке. У меня скоро юбилейный день рождения, и я думаю, стоит ли тебя приглашать?

Только этого мне не хватало, думаю, а вслух говорю:

— Конечно, конечно, с удовольствием приду. А где и когда?

— А ты не нервничай, Соломончик, отдыхай пока. Когда надо будет, мы тебя найдём, не беспокойся. Никуда не денешься. Правда, Сёмик? — повернулась она к Сёме, и тот, с готовностью пионера, кивнул.

— Секундочку, секундочку, а причём здесь море? — спрашиваю я, а у самого в голове полнейший сумбур.

– Соломончик, не торопи события, скоро всё узнаешь, – загадочно улыбнулась Цилия и отключила связь.

Экран погас. Не зная, что и думать, я легкомысленно позабыл об этом эпизоде.

Прошло несколько дней, я уже и не вспоминал этот случай. Получаю письмо по электронной почте от Зямы: «Срочно нужно поговорить зпт вечером буду на связи тчк Зяма».

Я бы не удивился, если бы вместо своего имени, он бы написал «Гатчино», или ещё лучше «Смольный». Вечером связь состоялась.

– Соломончик, привет! Как дела?

– Спасибо, Зямушка, твоими молитвами.

– Ну, и хорошо. Скоро этих молитв будет больше, – говорит Зяма таким тоном, как будто приготовил мне подарок, как минимум, виллу на Канарах.

– Что за загадочность Зяма? Колись, не томи.

– Ладно, обрадую дружбана. Скоро у Цилечки юбилей. Сам понимаешь, без меня он не состоится. Вот, и приеду я на месяц. Ну, сколько празднуют юбилей? Правильно, один день, а остальное время я проживу у тебя. Будем ходить на море. Я уже и подарок тебе купил, шикарный коньяк «Шипка». Сам понимаешь, с пустыми руками в гости не ходят. Что ты молчишь? Что-то не вижу восторга, Соломончик.

Я стал лихорадочно соображать, что делать? Это значит, что на работе надо брать неоплачиваемый отпуск (если дадут!). Забросить семью, возить гостя по достопримечательным местам. В общем, летний отдых с женой накрывается, точно также накрывается и покупка мягкой мебели. Вот и думаю, как бы это получше разъяснить Зяме. Я, как человек деликатный, отказывать людям не люблю. Но, в данном случае, произошло нечто экстра неординарное. Вдруг, у меня (я ли это был?) вырвалось:

— Слушай меня, друг мой ситный. Ты приедешь к своей сестре на целый месяц. Там с тобой и увидимся. Фирштейн? И встреча наша... будет длиться ровно один вечер. Есть вопросы?

Мне не раз приходилось видеть отвисшие челюсти, но, чтобы так низко? Ни-ког-да!

Нехороший я человек. Зачем обидел дружбана? Ну, ясное дело, какие-то неудобства пришлось бы перенести, зато Зямушка отдохнул бы в Израиле.

А меня, с тех пор, думки какие-то непонятные преследуют. Зачем, я такой-сякой, так отнёсся к человеку? Может, у кого знакомый психотерапевт есть? А? Так, поделитесь же, пожалуйста! Ну. Пожалуйста! Жду!

Наши ребята

*Выдуманная история, которая, впрочем,
вполне могла бы и случиться.*

Пекрасная пора, эти летние школьные каникулы. А вот и несколько дней из жизни наших краснослободинских ребят.

Зарбоил, пятнадцатилетний школьник, выскочил за ворота своего дома, и сразу заорал во весь голос:

– Э, Ханух э кучэ вадарафтэни? (Ханух, на улицу выходишь? – язык горских евреев – джуури).

Не успел Зарбоил (впредь Зорик) закончить фразу, как распахнулось окно на втором этаже дома, из которого он только что вышел. Выглянула его мама и говорит, причём, ничуть не тише Зорика:

– Ёэринэ эрчү зэрэ, чү бири бэгэм? Сэбэһ-сэбэһ бочэһ ни зэнут, бэлькэм и чэһ,мэт хисири. (Что разорался, что

случилось? С утра пораньше не кричат, может, народ спит ещё).

– Э мам, бошку дијэ (Ладно, да, мам), – огрызнулся Зорик.

– Бур нэфэстүрэ, э чун бэбэјту, түрэ данистэни чу мисохумгэ? Тикэ-тикэ, вэнчи-вэнчи, варасири? (Замолчи, клянусь твоим отцом, знаешь, что я с тобой сделаю? Перещипаю на куски. Понял?) – не унималась мать.

– Бошку, бошку варасирүм. (Ладно, ладно, я понял), – успокоил мать Зорик.

Пока они «беседовали», вышел из дома напротив друг Зорика – Ханух (впредь Ханик). Надо сказать, что всё это происходило на центральной улице имени В.И.Ленина, Красной Слободы, кубинского района Азербайджанской ССР.

– Сэбэһтү хэјр! (С добрым утром!) – поприветствовал друга Зорик.

– Пирвит. (Привет.) – Ответил Ханик.

– һэјло э чэи? (А где ребята?) – поинтересовался Зорик.

– Мэ чү дам? (Откуда мне знать?) – отмахнулся Ханик.

– Бијо, һэјлорэ хорој зэним, фикир сохим, эчучо бурајмгэ имбуруз. (Давай, позовём ребят, и подумаем, чем заняться сегодня), – предложил Зорик.

Пройдя немного по этой же улице, нашли своих друзей – Шомои́ла (Шамик), и Мослиа́ха (Салик). Так как, старше всех, правда, совсем чуть-чуть, был Зорик, то он и предложил:

– Э, һэјло, бијојт э никэрэ бурајм. (Ребята, давайте пойдём на речку).

– Һэри, чу сохим э никэрэ? (Хорошо, и что будем делать на речке?) – поинтересовался Салик. Будучи немного тугодумом, Салик всегда находился под прицелом шуток своих друзей. Как говорится, у него было другое чувство юмора.

– Э никэрэ чү сохтэнут. Түрэ сэ попйткэ эдэм дора. (А что делают на речке? Даю тебе три попытки).

– Мэрэ попитка - шмопиткэјтү гэрэк нист. (Мне твои попытки - шмопытки не нужны). – Чуть не обиделся Салик.
– Бошку-бошку сокит бош, просто эдэм зарафат сохтэ. (Ладно-ладно, успокойся, я просто шучу). Бурајм тэнлэјимурэ шурим (Пойдём, искупаемся), – успокоил Салика Зорик.

– Эллэ, э һэјло һэбирдэн э хәјилмэ јэ аникдут омо (Ой, ребята, я вдруг один анекдот вспомнил), – оживился Ханик.
– Аникдут чүни? (А что такое анекдот?) – нахмурился Салик.

Ребята переглянулись, вроде: «Что поделаешь – такой вот, наш Салик, и всё тут».

– Аникдут, зарафатэ хуно јэ чини (Анекдот, что-то вроде шутки), – не дал ходу насмешкам Зорик.

– Һәри, гуш дорит (Итак, слушайте), – начал Ханик.

Шамик, скромно слушавший весь разговор, оживился. Он был большим любителем анекдотов.

– Јэбо, кэчэлэ Рашбиль рафт э базар, әри картушка-пијоз фурухтэ (Однажды, лысый Рашбиль пошёл на базар продавать лук-картошку), – начал Ханик.

– Дургуни! (Враньё!) – с жаром закричал Салик, – Э һүмүр хүштэ кэчэлэ Рашбиль картушка-пијоз нэ фурухти (Никогда в жизни лысый Рашбиль не продавал лук-картошку).

– Тү, чү одомини эдэ! Э Мослиах? Аникдути әј, аникдут, у, как будто рафт э базар (Ну, что ты за человек, а, Мослиах? Это анекдот, он как-будто пошёл на базар).

– Һочу нэс бирэ ахи (Так же не бывает), – проворчал Салик.

– Һәри, гујум нэ гујум? (Так рассказывать, или не рассказывать?) – уже начал обижаться Ханик.

– Гу, гу! (Говори, говори!) – закричали хором Зорик и Шамик.

– Һәчи бисто ки, һә у руз, Баһадуриш эдэбу пијоз- картушкэ фурухтэ (Так получилось, что в тот день Бахадур тоже продавал лук-картошку), – продолжил Ханик.

– Э чун холујмэ Симанду-метелщик, эдэм гуфтирэ ки, мэ э һозуни гоф бовор нисохум (Клянусь своим дядей,

метельщиком Симанду, я говорю, что такому не поверю), – категорично отреагировал Салик.

– Э Мослиах, жэ нумут нэфэстүрэ бурра данустэни? Динч бијли имурэ, дијэ! (Ну, Мослиах, на минуту заткнуться можешь? Оставь, да, нас в покое!) – чуть не полез в драку Шамик.

Видя, что анекдот рассказать не удастся, Ханик неожиданно, даже для самого себя, выдал:

– Нэбирдэн, кэчэлэ Рашбиль эз сэр Баһадур жэ гоппоз зэ ки, у офто раси (Вдруг, лысый Рашбиль как даст по голове Баһадура, что тот сразу упал).

Ребята ошалело смотрели на Ханика, понимая, что с анекдотом явно не то. Но, в эту секунду, Салик так захохотал, что все, заразившись от него, тоже засмеялись. И так, со смехом, они побежали к реке. По дороге Салик клялся, что смешнее шутки он в жизни не слышал, и, что обязательно расскажет своему отцу, большому любителю подобных шуток.

Несмотря на то, что Кудиялчай речка мелководная, и к тому же усеяна мелкими и крупными камнями, по которым больно ходить, ребята хорошо провели время. Брызгались мутной водой, кидались камешками, безобидно обзывали друг друга разными словами, или просто бегали по берегу. Наконец, уставшие, но довольные, направились по домам. Вот, идут они по родному посёлку, вдруг Зорик, понизив голос, говорит:

– Појит, појит жэ нумут. Унчо дэнишит, һэјсәһэт Овгоил, э гунширово чэнг мисоху (Постойте, постойте минутку. Сейчас Овгоил начнёт скандалить со своей соседкой).

Они остановились, якобы, просто так, и, как будто, вовсе не смотрят в ту сторону. А на них никто и не обращал внимания. Перед ними развёртывалась драма, если и не великого Шекспира, то уж какого-нибудь современного драматурга, точно.

Овгоил, подбоченившись, то есть, приняв позу буквы «Ф», кричала:

– Ө, Ифрод нэ вэдиrho? Мэ тэрс, турэ һэбирдэн микүшүм, тикэ-тикэ ни сохум. Кук тү, у гобонэ хуг, данустэни, чү сохтигэ? (Эй, Ифрод, что ты не выходишь? Не бойся, я тебя сразу убью, на куски резать не буду. А ты знаешь, что натворил твой сын – эта жирная свинья?)

– Тү, эз мэ гуфтирэ, духтэр һажвон? Исах,ат, мујһојтурэ еки-еки мэдэшәнүм. Титијот бош эз мэ! (Ах... это ты мне говоришь, что я дочь животного? Сейчас я тебе все волосы по одному повывёртываю. Берегись меня!) – не уступала Ифрод.

– Әллэ, э хун домунош, пачирэ мичав. Тү э ки ухшэз зэрэ, хушкэ чапах (Ой, чтоб ты утопла в своей крови, худюшка. На кого ты похожа, тощая селёдка, – распалаясь Овгоил.

Они уже и забыли, с чего начался скандал. Сейчас важен был сам процесс и количество выплеснутых слов и оскорблений.

– Түрэ эз хунэ вэдэшэндэ бурчмэ гэрдо. Ө пирэ кэфтар... һэјилмэ э тү чү сохти? (Выгнать тебя из дома – мой долг. Что тебе сделал мой сын, старая карга?) – не унималась Ифрод. В это время выглянул в окно сын Ифрод, о котором говорила Овгоил, он тут же спрятался обратно. Но, Овгоил его уже заметила:

– А-а-а! – заорала она благим матом, – ини у! Түллјэш бэбэлэрэ куштэ э Сибир буравош (А-а-а! Вот и он! Чтоб ты убил своего отца, и за это бы тебя сослали в Сибирь!).

– Түрэ һэчи микүшүм ки, нумтү эз хэјэлтү мэдэрав, кун нэдэријэ хэр (Так тебя изобью, что имя своё забудешь, дура без задницы), – уже не слушала соседку Овгоил.

– Тү э мэ һэлэво эрчү бирэ? Мэ э тү, һэчу һэлэво имбошум ки, нум тү эз хэјэлтү мадарав. Ө хори даравош вэчэй сэг! (Что ты ко мне цепляешься? Если я начну цепляться, то ты своё имя позабудешь. Чтоб ты ушла под землю, собачье отродье!) – стараясь задеть побольнее, орала Ифрод.

– Појһојтурэ хүрд мисохум, сволуш-зараза! (Я тебе все ноги переломаю, сволочь-зараза!) – и вдруг Овгоил выдала такую

фразу, что дальнейшим развитием этой истории могло быть только мордобитие, она сказала:

– Эһ дараво э гур бизмудэ бэбэјтү (Чтоб обгадили могилу твоего отца-страшили).

Что тут началось... А началось претворение в жизнь всех произнесённых угроз, причём, с переменным успехом. Наши ребята увидели и клочки выдернутых волос, и попытки обломать ноги, и даже элементы профессионального бокса. Как, например, удары «под дых» со стороны Овгоил, затем «хук» правой в челюсть со стороны Ифрод, что, кстати, вызвало у Овгоил кратковременный «нокаут». Но, не успела Ифрод досчитать до «пяти», как Овгоил оклемалась и снова приняла стойку боксёра-профи...

Вдоволь натешившись этим зрелищем, ребята собрались уже разойтись по домам, как в этот момент Салик с жаром воскликнул:

– Э Ханух, сэбэһ јэ таза аникдут эз хэјэлтү нэ вадарав. Имбурузинэ зарафат тү, хандэји бу. Бошку? (Ханух, не забудь завтра новый анекдот рассказать. Сегодняшний был смешным. Ладно?)

Ребята разбежались по домам, чтобы снова встретиться завтра.

Зорик вбежал домой, втянул носом воздух, пытаюсь определить, что приготовлено на ужин. Стряпнёй, обычно, занималась бабушка, но и мама с удовольствием готовила. На этот раз, были любимые Зориком «душпара». Нюх никогда его не подводил. Что такое душпара? Для грубого сравнения, подойдёт слово «пельмени», но это весьма условно. Душпара и заворачивают по-другому, и фарш готовится по-другому, да и кушают его по-другому. Как? А вот так, с большим аппетитом и с большей любовью, и обязательно ещё тарелочку, и ещё тарелочку. Так, и не иначе.

Ужинали всей семьёй, как и принято у горских евреев. После ужина смотрели телевизор. В те годы телевизоры были не у всех, а в семье Зорика – был. Трансляция

начиналась в семь часов вечера, и заканчивалась в десять. Телевизор, чёрно-белый «Рекорд» с небольшим экраном, работал исправно. Если пропадал звук, то надо было ударить ладонью сверху, если бежали строчки, то кулаком с правого боку. Ну, а если затемнялся экран, то, ясное дело, надо было бить кулаком по левому боку. Перепутать, куда и как бить, было невозможно. Даже, если бы и забыли, то соседи, которые каждый вечер приходили смотреть телевизор, обязательно напомнили бы, куда и как стукнуть.

Зорик, набегавшись за целый день, устал. Его разморило, и, пожелав всем спокойной ночи, ушёл спать. Под утро, ему приснился сон, якобы, он маленький ребёнок, и его мама говорит ему разные хорошие, приятные слова:

«Годојтүрэ вәгиром, чуклә балалајмә. Курбу гәрдом эри тү. Бала һәјилләјмә!» (Возьму твою боль. Стану жертвой, ради тебя. Мой маленький!) – ну, и так далее. Слова становились всё явственнее и громче. Наконец, Зорик понял, что это не сон, а явь. Открыл глаза и увидел своего племянника на руках мамы. Все эти слова предназначались ему, но это только обрадовало Зорика. Дело в том, что племянник Шэлму был всеобщим любимчиком, и ещё это означало, что приехала и сестра Зорика, мать малыша. Сразу вскочив с кровати, бросился к умывальнику, но, как назло, воды не было. Быстренько спустился во двор, набрал полное ведро воды, залил в умывальник, умылся, и быстрее к малышу. По пути чмокнул сестру в щёку, поднял на руки Шэлму, и запел речитативом:

– Чү герои тү, чү герои тү, кәлә багатыр гәрдош. (Какой ты герой, какой ты герой, чтобы ты стал большим богатырём).

– Ә, Зарбоил, Зарбоил бура э и тукулә, вистон эри һәјил эз у сула-сулаэ бубликләһо. (Зарбоил, Зарбоил, сходи в магазин, и купи ребёнку этих дырчатых бубликов).

Зорик молниеносно слетал в магазин, купил «дырчатых» бубликов, и ещё успел докричаться до Шомоила, и распорядился, что встреча здесь же, через час. Войдя в комнату, спросил у малыша:

– Бублик хурдэни? (Хочешь бублик?)

Малыш молча схватил бублик и начал жевать. Было ему уже два с половиной года, и болтать умел неплохо, он помолчал, помолчал, и вдруг выпалил:

– Иди, гуляй, бандит.

Зорик так развеселился, что подхватил малыша и подкинул вверх. Ребёнок от радости завизжал. Поигравшись с Шелму, Зорик сказал:

– Һәри вәсси, бијо бурајм, нун имурә хурим. (Ну, всё хватит, пойдём, поедим что-нибудь).

Бабушка, уже с утра, возилась возле печки. Она сказала:

– Бијојт чијшмурә хурит. Һәммә Һәзүри – нун, пәни, кәрә, Һәсәл, чой. Хурит чу воистәгә ишмурә! (Идите завтракать! Всё готово – хлеб, брынза, сливочное масло, мёд, чай. Ешьте, что пожелаете!)

Мама и сестра сели за стол, а Зорик спросил у бабушки:

– Өз дијнә дүшпара нә мунди? Мундигә, јә пәнч-шәшц бурчун, хурим. (Вчерашних пельменей не осталось? Если есть, пять-шесть штукечек поджарь, поедим).

На Кавказе всегда было принято завтракать вчерашним обедом, и Зорик не исключение. С удовольствием поев, и запив всё это чаем, пошёл к ребятам.

Собрались в том же составе: заводила – Зорик, скромняга – Шамик, балагур – Ханик, и, наконец, тугодум – Салик. Вот он и начал:

– Аникдут тү Һәзүри, ә Ханик? (Твой анекдот готов, Ханик?)

– Пој ә аникдуттүрово, ә Мослиах. Гуш дорит мәрә (Подожди со своим анекдотом, Мослиах. Слушайте меня), – остановил Салика Зорик. – И пәрио, ә папарово рафтәбирим ә Һомум. Ә Гәлә, ә күјнә Һомум. Сәр гирдим тән шуштә. Бәгдә рафтум әри логон. Оморәки дирүм ки, учитил иму Мәһәррәм мүәллим, әдәј ә папарово гоф сохтә. Јәнчиғир пишово оморум, шинирум ки, әдәј әз мә шикојәт сохтә. Јә гәјри омо мәрә. Чү сохум? Докундум ә логон гип-гәрмә овә, мусурмуһо чү гуфтирәгә – "гајнар су". Әз пишојү гиросhtëки, как будто – офторум. Офторәки, и гәрмә ова тији сохтум ә

чәндәк учитил иму. Јә визинә, јә һәринә әз у вәдромо ки, и одомиһој һомум, пәрт бисто домунд ә чигәшү. Мугум: «Бағышла мәни слucaјны цыхты». (Мы с отцом недавно ходили в городскую баню. Начали мыться. Потом, я пошёл ещё за одним тазом, для воды. Когда возвращался, увидел нашего учителя по физике, разговаривающего с отцом. Немного приблизившись, я услышал, что он жалуется на меня. Что мне было делать? Набираю в таз горячей воды, как говорят азербайджанцы – крутой кипяток. И, проходя мимо него, я как будто бы упал, а, падая, весь этот кипяток выплеснул на учителя. Такой крик, такой визг он поднял, что все люди в бане онемели. Я сказал: «Извините меня, случайно получилось!»)

Уже на середине повествования ребята заливались смехом. А Ханик, сквозь смех, спросил:

– Бәбәйтү чү гуфти? (А что сказал твой отец?)

– Бәбәјмә чү мигүју? Оммо јә силләлә зә әз мә – урәш әз воһнәкилә. (А что скажет отец? Правда, залепил пощёчину, но понарошку).

– Һамам, сәһбәтин јери дејил (Баня – не место для бесед), – попытожил Салик.

– Тү хар әрчү бирәј, нәбугә зуһун чуһури әз хајилтү вадарафти? (Чего придуриваешься, или наш язык забыл?) – возмутился Ханик.

– Вәссит јә нумут, әри чәнг гүрдә, нә оморәјм инчо. (Успокойтесь, мы сюда не драться - ругаться пришли), – как всегда, умиротворил всех мудрый Зорик.

– Ә һәјило, ә гәлә варајм? Соломон, кук ләләй Имонил мугу ки, ә тукуј бәбәјү таза ручкоһо омори. У ручкоһорә «шарикови» гуфтирәнүт. Багда бурајм ә тукуј бүкмәчи «узун» Чәфәр, әз у бүкмәһо – пахлаваһо хурим, бядя вогоштим ә хуня. (Ребята, пойдём в Верхний город? Соломон, сын дяди Эмануила сказал, что в магазин его папы поступили новые ручки. Называются они – «шариковыми». Потом пойдём в лавку «длинного» Джафара, покушаем бюкмә - пахлаву и вернёмся домой), – продолжил Зорик.

– Өрчү нэрајм? Дүшит э пишојмэ, э һовурһо! (Почему нет? Вперёд ребята!), – скомандовал Ханик.

В этот день ребята нагулялись вволю, наелись пахлавы и бюкмэ (восточная сладость с орешками и приправленная специями). Перед тем, как разойтись по домам, Шамик сказал:

– Ө и виходноја руз бэбэ-дэдэјму эдэт э Боку рафтэ, э һэриси Телман. Мэрэш вэгирдэнүт э хүштэрово! Ишмуш рафтанит? (В ближайший выходной день папа с мамой едут в Баку, на свадьбу Тельмана. Меня берет с собой. А вы, тоже едете?)

Оказалось, что едут все. Они пофантазировали о том, как весело проведут время в Баку. Может, ещё и с девочками познакомятся. Тема девочек была на особом, почётном месте. Приближаясь к дому ещё недавно ругавшихся соседок, они были поражены открывшейся перед ними картиной. Овгоил и Ифрод, сидя рядышком на скамеечке, лузгали семечки и мирно перебивали косточки своих соплеменниц. Ребятам оставалось только развести руками.

Настал день, когда несколько семей из Красной Слободы, наняв целый автобус, отправились в Баку. Ребята сели на заднее сиденье. За разговором и шутками три часа пролетели, как несколько минут. Вот они уже и в Баку. Обычно, у горских евреев, самые близкие родственники приезжают на свадьбу пораньше, чтобы помочь в организации мероприятия. Мужчины, чтобы зарезать барашков, закупить всего, чего нужно, организовать столы и стулья, провести электричество, в общем, всё, что необходимо. Женщины занимались готовкой еды, которой всегда бывало несметное количество. Ребята, чтобы не мешать взрослым, пошли гулять по городу. Осматривали город - красавец, но, в то же время, не могли скрыть своего восхищения девочками, так сильно отличавшихся от девочек Красной Слободы. Нет, нет, не подумайте, что городские чем-то лучше, просто, более раскованные, так, по крайней мере, показалось ребятам. Они стали подзуживать Зорика:

– Һәри, бура тониш бош э јә духтәрово, бәгдә имурәш тониш мисохи, э подружкоһоровоз. (Ну, иди, познакомься с какой-нибудь девочкой, а потом и нас познакомишь с её подружками).

Зорик решил не ударить в грязь лицом. Увидев двух красивых девочек, подошёл к ним. Обе девочки, с серьёзными лицами, и, явно, старше по возрасту, остановились, ожидая, что же скажет этот, несколько сконфуженный мальчик. А он ничего другого не придумал, как сказать:

– Дэвочка, а можно с вами знакомисса?

Девочки переглянулись, и выдали, видимо, уже не раз апробированную фразу:

– Цинизм ваших помыслов, в данной концепции, ассоциируется с мистификацией парадоксальных иллюзий. – И, взглянув серьёзно в его глаза, повернулись и ушли.

Зорик почувствовал себя опозоренным, но перед ребятами осрамиться не мог.

– Духтәр гуфти ки, јә сәһәт бағдәјгә, э кино имбошут. (Девочка сказала, что через час они будут в кино).

Проходя мимо кинотеатра «Вэтэн», прочитали афишу: «Тихий дон».

– Дон кини, бәлкә гунши имуни? (Кто такой Дон, не наш ли сосед?) – наивно поинтересовался Салик.

Никто не отреагировал, так как сами не знали. Ребята и не думали, что еврейским именем Дон можно назвать и реку. Фильм понравился, особенно, сцены с поцелуями. Во время этих сцен, они сидели притихшие, словно боялись спугнуть киношных героев. Даже крики типа: «Јарысы мәним!» (Половина мне!), или «Сән мәним чаным» (Ты моя душа), раздававшиеся со всех сторон, не могли оторвать ребят от экрана.

Закончился фильм, ребята, несколько приунывшие, вышли из кинотеатра. Все вопросительно смотрели на Зорика. В их глазах читались вопросы: «Где девочки?» и «Что делать?». Даже вопрос «Кто виноват?» витал в

воздухе. Зорик понял, что надо что-то придумать. Увидел уличные часы, и спасительное решение пришло.

– Ә һәјло, бәлкә и сәһиб һәрисирә јә кумәки гәрәки. Иму нүшдәјм мундәјм ә кино? Бијојт бурајм ә хунә! (Ребята, может хозяину свадьбы какая -нибудь помощь нужна, а мы просиживаем в кино? Пошли домой!) – скомандовал он.

В те годы никаких домов торжеств не было. Поэтому все празднества справляли или у себя, или у кого-нибудь из родственников, во дворе, или в доме. Жених жил в самом центре города, в так называемом «итальянском» доме, с большим двором. От кинотеатра «Вэтэн» было совсем недалеко, и через десять минут ребята вошли во двор. Тут же раздался голос мамы Зорика:

– Әчәит ишму? һәјби ахи? Ишмурә инсоф нист, бәлкә сәһиб хунәрә ә ишму е гуллуғи? (Где вы? Вам не стыдно? У вас нет совести. Может, у хозяина дома есть к вам поручение?)

Им бы влетело сильно, но вмешалась мама жениха:

– Годојшмурә вәгиром, бијојт јәбо чи ишмурә хурит, багданигәнәрзи – гуллуғһо. (Возьму вашу боль (дословно), сначала покушайте, а потом поручения).

Ребят угостили потрясающим «джыз-бызом». Ни один гурман не пройдёт мимо этой знатной еды. Джыз-быз – это хорошо прожаренные бараньи потроха с луком. К счастью, тогда не было слова «холестерол», а отсюда и робкая надежда, что и самого явления не было.

Пока ребята ели, произошло небольшое комичное происшествие. «Итальянский» дом, это, прежде всего, двор, окружённый со всех сторон многоквартирным домом. В таких домах жили азербайджанцы и русские, евреи и армяне, грузины и татары, в общем, все-все нации. Как правило, были дружны, а иначе нельзя. Что это получится, если все переругаются, хотя незначительные стычки бывали.

Вдруг мальчишка, лет тринадцати, просто сидевший на скамеечке, вскочил на ноги, и заорал во все лёгкие:

– Ма-ма-а-а, ма-ма-а-а, ма-ма-а-а... – и так, раз двадцать, не переставая. Видя, что никто не выходит, повторил упражнение неоднократно.

С третьего этажа выглянула женщина и равнодушно спрашивает:

– Чё хочешь, Вартан-джан?

– Быстро бросай молоток и гвозди.

Через минуту молоток и гвозди, длиной двенадцать сантиметром, были в руках Вартана. Извините за подробности, но в углу двора находился туалет на три очка, и туда две минуты назад вошёл ворчливый, вечно недовольный, пожилой сосед Афлатон. Вартан подбежал к туалету и крикнул:

– Дядя Афлатон, тут одна доска плохо держится, я её быстренько прибью, ладно?

– Чəһəннəм ол бурдан! (Катись в ад!) – незамедлительно отреагировал сосед. Но, Вартан, не слушая его, уже всю приколачивал гигантскими гвоздями дверь, за которой находился сосед Афлатон. Потом повернулся к ребятам, подмигнул и тихо сказал: – Сейчас смотрите, что здесь будет.

Действительно, через несколько минут раздался вопль.

– Ара, һејван оғлы һејван, выйду тэбэ ушки оторву. Понял, ешек баласы? Ач гапыны! (Эй, животное, сын животного, выйду, тебе уши оторву. Понял, ишачий сын? Открой дверь!)

Мужчины уже спешили на выручку Афлатону. Но вытащить гвозди оказалось делом нелёгким. После долгой возни, узник был на воле. Но, увы, устроить вендетту Афлатон не мог, по той простой причине, что мальчика нигде не было. Потом выяснилось, что он поехал к бабушке в Арменикенд.

Ребята от души повеселились.

– Ушаглар, бəс мənə кəмək елијəрсиниз? (Ребята, а мне поможет?) – раздался вопрос другого соседа, толстяка Фиридуна. И, не дожидаясь согласия, изложил суть дела. Как мы уже знаем, на весь этот многоквартирный дом, был всего

один туалет, хоть и на три очка. А Фиридун сделал туалет в квартире, и даже установил «чехский» унитаз. Потом достал «титан» – большущий, тяжеленный электрический бак для нагрева воды. В свое туалетное заведение он сам помещался с трудом, а уж установить там бак взрослым людям – не представлялось никакой возможности. Вот, он и решил приобщить ребят к этому, столь благородному делу. Ребята согласились, не отказывать же, в самом деле.

После осмотра объекта работы, стало понятно, что ни втроем, ни, тем более, вчетвером, ничего сделать невозможно из-за тесноты. Решили, что поднимут бак снаружи, вчетвером, а потом Салик, как самый сильный, уцепившись за бак, спиной войдёт в туалет и, так же спиной, войдёт в небольшую нишу. С другой стороны, Ханик, тоже уцепившись за бак, войдёт вовнутрь, а там оба поднимут бак повыше, и накинут на крючок. Сказано – сделано. Подняли, подошли как можно ближе, Зорик и Шамик отпустили бак, а Салик и Ханик продолжили свои потуги. Только Салик вошёл в нишу, как раздался вопиющий глас Ханика:

– Гүрдә настанум, һәјсәһэт миофтону, рәһо ди, ә Мослиах! (Не могу удержать, сейчас упадёт, отпускай, Мослиах!). Что Салик незамедлительно, и с лёгкой душой сделал. Бак грохнулся... Молчание... Женский вопль:

– Әллә, вој әримә! Ә Мослиах, тү чутами? (Ой, горе мне! Мослиах, как ты?)

– Ичиш нә бисто, һәммә хуби. (Ничего не случилось, всё хорошо). Все с облегчением вздохнули. Когда, общими усилиями, вытащили бак наружу, то на полу был только белый порошок. Это всё, что осталось от «чехского» унитаза. Повезло Фиридуноу в том, что жил он на первом этаже, а иначе...

День прошёл незаметно. Под вечер начали собираться гости. Двор был разделён на две части. В одной стороне сидели мужчины, а в другой женщины. Некоторые молодые ребята, родственники жениха, взяли на себя почётную миссию обслуживания гостей. Вот у кого, воистину, должны

были поучиться советские официанты культуре обслуживания. Всегда всё и вовремя подавалось, на ходу угадывались желания гостей. Пришли самые знаменитые музыканты того времени. Кларнетист, гармонист, нагарахи (нагара – разновидность барабана), и певец. В первую очередь, расчехлив инструменты, выставили вперёд открытый футляр от гармони. В те времена, хозяева торжества за музыку ничего не платили. Музыканты работали «на шабаш» – «шомош» на языке джуури. Танцующим гостям, со всех сторон, не танцующие в данный момент, гости протягивали деньги. Заканчивался танец, и эти деньги оказывались в открытом футляре гармони.

А что же делают жених с невестой, во время свадьбы? Жених Тельман – кавказский красавец, сразу и всей душой влюбился в черноволосую Грету. А увидел он её тоже на чьей-то свадьбе. Тельман сразу потерял покой, и вскоре были посланы сваты, и всё, к общему удовольствию, решилось положительно. Так вот, на свадьбе жених мог делать всё, что угодно: сидел с гостями, принимал поздравления, ну, и пил, конечно, за здоровье своей красавицы. Невеста, тем временем, сидела в отдельной комнате, в которой один уголок огораживался занавесочкой. Одна из родственниц приносила туда настольную лампу, которая должна была гореть на протяжении всей свадьбы.

Музыканты уже начали играть. На женской половине всех развлекала известная гармонистка Мэлкэ-гайиш, на мужской – тогда ещё молодой гармонист, Хапу. Ребята с удовольствием слушали, такую родную, с детства слышанную музыку. К ним подошли трое ребят, которые были двоюродными братьями – Соломон, Захар и Родислав. Они всегда были вместе, и на свадьбе тоже сидели рядышком.

Поздоровались, поговорили о том, о сём, и Захар рассказал, как недавно его папа пригласил домой на ужин своих товарищей азербайджанцев. Посидели, выпили домашней тутовочки, и тут бабушка Захара выразила

желание произнести тост в честь гостей. Так как она, кроме джуури, других языков не знала, то тост получился несколько странноватым.

– Чартлијәсүз, партлијәсүз, ә душмәнләрирово кур оласүз. И, вместо того, чтобы получилось «Чтоб ваши враги лопнули, треснули и ослепли», у неё вышло: «Чтоб вы лопнули, треснули и ослепли со своими врагами». Захар рассказывал всё это очень потешно, и в лицах. А после добавил, что гости нисколько не обиделись, а, даже наоборот, заранее предвкушали что-то смешное, так как знали бабушку не первый год.

Свадьба проходила весело, бурно, с песнями, с танцами, до самого утра. Среди ночи спустился сосед дядя Лёха. Для всех соседей он был палочкой-выручалочкой. Все проблемы связанные с электричеством, он решал быстро. Если у кого-то перегорали пробки, то он, не боясь тока, брал гвоздь и, вместе со своим пальцем, совал в патрон, чтобы убедиться в наличии электричества. Дядя Лёха сел за стол, налил полный стакан водки, сказал «За молодых!», выпил, и занюхал хлебом. На предложение закусить, он поднял вверх указательный палец и изрёк:

– С больной печенью, мясо чрезвычайно вредно! Вот!

А на вопрос, мол, и пить вредно, внимательно посмотрел на сказавшего эту крамолу, и добавил:

– Что ты, юнец, понимаешь? Водка – это есть лекарство. Понял, блин, нет? – и, налив ещё один полный стакан водки, опрокинул в себя, победоносно всех оглядел и, даже не шатаясь, ушёл к себе домой.

К сожалению, всё, особенно хорошее, кончается. Кончилась и свадьба. Ребята выразили сожаление, что свадьба была не в Кубе, там это длилось бы неделю, а здесь один вечер и одна ночь. Жаль.

Рано утром, все, приехавшие из Кубы, сели в тот же автобус, и поехали домой. По дороге ребятам взгрустнулось. Все думали об одном и том же, но вслух сказал только Ханик:

– Дү һофтә бағдәјгә, имурә әри кејфһо вәхт ни бу, школа әдәј сәр гурдә. (Через две недели времени не будет на кайф, потому что начинаются занятия в школе).

Ну что же, и мы расстанемся с нашими героями. Пожелаем им успехов, во всех их начинаниях. Кто знает, возможно, ещё и встретимся.

Лекарь

Сказка для взрослых...

Мил-был чёрт, по имени Шайтан-Майтан. Во всём он был таким же, как и другие его собраты, которые занимались своими делами. Они пакостничали, как и полагается чертям, и никогда ничем посторонним свои головы не забивали. А вот Шайтан-Майтан имел Мечту, он хотел жениться на какой-нибудь красавице, и был уверен, что сможет осчастливить любую из них. Однажды, он сказал об этом своему отцу. Прежде, чем ответить, тот больно стукнул Шайтан-Майтана по голове костяшкой своего пальца.

– Что, совсем с ума сошёл? Мало тебе наших ведьм? И чем люди лучше нас?

Шайтан-Майтан слушал отца с опущенной головой, но был твёрдым в своём решении.

– Чёрт с тобой, – сказал отец, – иди к Главному-Шмавному, как он скажет, так оно и будет.

Главный-Шмавный долго смеялся, а потом, хитро улыбаясь, сказал:

– Хорошо, пусть будет по-твоему, но женишься на той, на которую я тебе укажу. И ещё, никогда её не обидишь, что бы она ни делала, и будешь выполнять все её прихоти. Если согласен, то спустись в аул Эшек-Пишик, там найдёшь девушку по имени Чохра-Мохра. Иди. – Приказал Главный-Шмавный и расхохотался.

Бедный Шайтан-Майтан и не подозревал, что ему уготована нелёгкая жизнь с Чохрой-Мохрой, самой недовольной и самой сварливой девушкой мира.

Долго думал Шайтан-Майтан, в каком же виде предстать перед невестой. И решил быть блондином. Нарядился в самую модную одежду, на голову надел шляпу, чтобы

скрыть свои рожки, и обулся в подходящие башмаки, чтобы скрыть свои копытца. Нашёл дом Чохры-Мохры, и постучал в дверь.

– Кого ещё чёрт принёс? – раздался за дверью скрипучий голос.

– Вот, свататься пришёл. Открой дверь, Чохра-Мохра, – ласково пропел Шайтан-Майтан.

Открылась дверь, и на порог вышла девушка, с искажённым от недовольства лицом.

– Ты, что ли, жених? А на себя смотрел? Наше соломенное чучело, в огороде, и то лучше выглядит. А ну, проваливай урод с жёлтыми волосами, а то огрею сковородкой, не обрадуешься.

Делать нечего, ушёл Шайтан-Майтан приводить себя в порядок. Он и не знал, что настроение у Чохры-Мохры менялось часто.

На следующий день он предстал перед невестой восточным красавцем, а в руках держал огромную корзину со сладостями. На этот раз она была более снисходительна, правда, сладости сразу забраковала, но, на предложение стать его женой, сказала:

– Давай, назначай день свадьбы, а то передумаю, дурачок.

Шайтан-Майтан сыграл такую свадьбу, какую в этом ауле никогда и не видели. После свадьбы Чохра-Мохра была с ним милой и ласковой. Он даже подумал, что никакая она не сварливая, а, наоборот, очень хорошая. Утром Шайтан-Майтан проснулся оттого, что Чохра-Мохра ударила его локтем по боку, причём, очень даже больно, и завизжала:

– Чего разлёгся, козёл? А ну, вставай и приготовь мне завтрак, и шербет. Живо, а то получишь по своей рогатой башке!

Делать нечего, надо угождать, тем более, что, все-таки, она ему нравилась. Когда он принёс завтрак, первое, что она сделала, это, попробовав шербет, тут же запустила стаканом в молодого мужа.

– Что, скотина, сахару пожалел для жены? А ну, живо, шевелись! – визжала она.

Шайтан-Майтан старался вовсю, приготовил всё снова и пулей влетел к жёнушке. И опять она недовольна.

– Сколько сахара положил, осёл тупоголовый? Что, хочешь варенье из меня сварить?

Её брань почти не прекращалась. Иногда, сильно разозлившись на Шайтана-Майтана, Чохра-Мохра, со всего размаху, била его сковородкой по голове. Было очень - очень больно, особенно, болели места, откуда росли рожки, но он стойко всё это сносил.

Пришло время, и Чохра-Мохра родила сына, а назвали его Шайтансын. Мальчик рос не по дням, а по часам. Когда подрос немного, стал подбирать разных больных и раненых зверушек, и лечил их только ему ведомыми травами. Однажды Шайтан-Майтан сказал сыну:

– Будешь врачом. Все тебя будут уважать, станешь богатым, а я тебе помогу.

– А как ты мне будешь помогать? – удивился Шайтансын.

– Очень просто. Я буду стоять рядом с больным, но никто, кроме тебя, меня не увидит. Если стану справа от больного, то он выздоровеет, а если слева, то больной умрёт.

На том и порешили. Вскоре слава о лекаре разошлась по всему свету. Отбоя от больных не было. Приезжали, даже из других царств-государств. Однажды пришли к нему воины соседнего государства, в котором царствовал Падишах-Шмадишах, и отвели его к правителю.

Падишах-Шмадишах внимательно посмотрел на Шайтансына и сказал:

– Я слышал, что ты хороший лекарь, теперь ты должен доказать это. Моя дочь, принцесса Гульназ-Мульназ заболела, и никто её вылечить не может. Если вылечишь, то получишь полцарства и принцессу, а если нет, то потеряешь голову. Понял?

– Понял, – ответил Шайтансын, уверенный, что вылечит Гульназ-Мульназ.

Вошёл он в комнату принцессы, увидел красавицу и сразу влюбился. Но тут заметил своего отца Шайтана-Майтана, который стоял слева от красавицы.

– Ты что делаешь, отец? – вскричал Шайтансын, – уйди, сейчас же!

– Нет, сынок, не могу. Моя шайтанская природа заставляет меня делать пакости.

– Но мне же отрубят голову, пощади, – взмолился юноша.

– Нет, нет, и ещё раз нет. Сейчас во мне чёрт сильнее, и мне никого не жалко. – Шайтан-Майтан был неумолим.

– Ну, хоть на минутку, можешь уйти?

– Надоел ты мне, сынок. Не уйду, даже на секунду.

Что же делать? И тут, Шайтансыну пришла в голову хорошая мысль. Пошёл он к Падишаху-Шмадишаху, и попросил его собрать весь народ у дворца, и чтобы все начали дудеть в разные дудки, как только Шайтансын свистнет.

Собрал правитель всех своих подданных и приказал им дудеть во всё, что им заблагорассудится, как только Шайтансын свистнет. Наконец, свисток раздался, и все начали дудеть, и стар и млад, и кто умеет, и кто не умеет. Поднялся такой шум-гам, что Шайтан-Майтан аж подпрыгнул.

– Что это? Что это? – заволновался он.

– А, это жена твоя Чохра-Мохра, тебя ищет. Клялась, что, если сейчас же тебя не найдёт, то двести раз опустит свою чугунную сковородку на твою голову, – якобы, волнуясь, сказал Шайтансын.

– О, горе мне, горе! – запричитал Шайтан-Майтан, и бросился бежать домой.

Шайтансын подошёл к принцессе, поцеловал её в затылок, легонько щёлкнул по носу, она и очнулась. Обрадовался Шайтансын и побежал к Падишаху-Шмадишаху с радостной вестью.

– Ну, молодец Шайтансын, получишь ты у меня новую рубашку.

— Как новую рубашку, а полцарства и принцессу? Ты же обещал! — вскричал юноша.

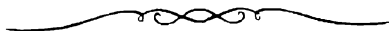
— Эх, Шайтансын, Шайтансын. Знай, все правители, во всех государствах устроены по-шайтански, говорят одно, а делают другое. Понял? А теперь иди, а то передумаю, и отрублю тебе голову.

И ушёл Шайтансын восвояси, с полным туманом в голове. Шёл себе, думал, разводил руками «Не пойму; влюбляться — не влюбляться, жениться — не жениться. Не знаю, и всё тут». Вот, такая печальная сказка.

НАША ЖИЗНЬ

Тэндир-чурек

В дальнем, левом углу нашего двора находилось нечто, вроде сцены, с крышей и тремя стенами. В середине этой «сцены» была вырыта глиняная яма, выполненная точно по форме большого казана. Называлось это сооружение «тэндир», с ударением на последнем слоге, и пекли в нём вкуснейший хлеб. Пользовались нашим тэндиром почти все наши соседи. На «сцене» усаживались две или три женщины, одна из них замешивала тесто, для этого около неё ставились: ведро воды, чан с мукой, яйца, и разные нужные специи. Когда тесто было замешано, за дело принималась вторая женщина, которая делила тесто на равные сферические порции, но, непосредственно перед закладкой в тэндир, она расплющивала тесто до нужного размера и смазывала верх яичным желтком.

И тут начиналось самое главное. В самом тэндире огонь уже отпыхал, и оставались одни красные угольки, дающие нестерпимый жар. Женщина, сидящая у самой ямы, очень ловким и точным движением, как бы прищелпывает тесто на стенку тэндира. Прилепив последнюю лепёшку, она вынимает первую, уже испечённую – специальной кочергой (судум), и этот вкуснейший и ароматнейший хлеб тут же оказывается на чисто-белом чайном полотенце.

О, вы не представляете, что это за хлеб! Яичный желток превращает верхнюю корочку в изумительную, гляцевую, золотисто-коричневую вкуснятину. Снизу корочка матово-коричневая, в мелких ямочках, а горбушка, по периметру, даже сейчас вызывает у меня обильную слюну, и, наконец, мякиш, источающий незабываемый аромат, так и просится окунуться в мясной соус, и отправиться в рот едоку.

За этим занятием женщины вели неспешные, а порой очень даже «спешные» разговоры... Говорили о разном, и я, мальчик четырех-пяти лет, проходя мимо или играя рядом,

иногда прислушивался к этим разговорам, и «просвещался». Случалось, что какая-нибудь из женщин бросала на меня взгляд и, понижая голос и называя чьё-нибудь имя, тихо продолжала свой рассказ, а другие внимательно слушали. До меня доходили отдельные слова, вызывавшие жгучее любопытство.

Ну, к примеру, называлось имя соседки, которую я знал, говорили, что она «испорченная». Меня это очень веселило и удивляло, ну, скажите на милость, как это может быть, если руки и ноги у неё целые, а она испорченная. Вот, когда игрушка портится, тогда всё понятно – колёсико у машины оторвалось, или игрушка просто разбилась, вот это называется – испорченная игрушка, а, когда человек абсолютно здоровый, и его называют испорченным, ну, не понимаю, и всё тут. Да ладно, что с бабушек взять.

Потом одна из бабушек подзывала меня к себе, отламывала большой кусок хлеба, и протягивала мне. Моему наслаждению не было предела! Откусывая вкуснейший хлеб и вдыхая его аромат – я блаженствовал! Вкус этого хлеба, запах этого хлеба, вид этого хлеба, как ощущение воистину прекрасного детства, я не забуду НИКОГДА.

Колготки

Бала-оглан, а товарищи звали его просто – Баладжа (маленький), поехал по поручению первого секретаря райкома. Учитывая, что это было в эпоху «расцвета застоя», если так можно выразиться, то машина, в которой ехал Баладжа, была престижнейшая – чёрная «Волга» модели ГАЗ-24. Приказав шофёру остановиться возле общеобразовательной школы, Бала-оглан вышел из машины, решительно направился к входной двери и, не снижая темпа, напрямик вошёл в кабинет директора.

– Привет Талят, как дела? – по-деловому осведомился Баладжа и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ты знаешь, что наша коммунистическая партия всегда думает только о народе, вот и сейчас, проявляя заботу о трудящихся, предлагает свою помощь.

Талят хотел вставить пару слов, но Бала-оглан предупреждающе поднял кверху указательный палец, и продолжил:

– Например, я уверен, что твоя жена не отказалась бы от капроновых колготок, тем более, что они сейчас в моде, правда же?

Директор Талят утвердительно кивнул.

– Ну и хорошо! Скоро мы, то есть райком партии, получим двести пар колготок – по разнарядке. Наш первый секретарь хочет реализовать их, конечно, по госцене, в вашей школе. Как говорится – «утром деньги – вечером стулья», значит, так: послезавтра деньги – на следующей неделе колготки.

Ударив по рукам, распрощались. Эту же операцию Бала-оглан проделал ещё в некоторых школах и учреждениях.

Желающих приобрести колготки, да ещё по госцене, да ещё без ограничения в количестве, оказалось довольно много, так что деньги были собраны в срок. Женщины представляли, какой завистью загорятся глаза подруг,

соседок, а мужчины думали – как же обрадуются их «осчастливленные» жёны.

С внушительной суммой в кармане, Бала-оглан поехал на соответствующую базу. Не без угроз добился того, чтобы ему отгрузили нужное количество колготок, а потом... А потом всё очень просто: весь товар он отвёз на Кубинку (чёрный рынок в Баку) и сдал знакомому барыге – по цене, в три раза превышающей стоимость товара, а тот, в свою очередь, через спекулянтов, сбудет всё это богатство в розницу, по тарифам чёрного рынка.

Всю эту, довольно простую схему, объяснил Бала-оглану сам первый секретарь райкома, один из радетелей благосостояния народа.

А, чтобы народ не роптал, все собранные деньги были возвращены, за исключением «накладных расходов».

В конце рабочего дня Бала-оглан отчитался перед первым секретарем, тот, довольный проделанной операцией и солидным кушем, очень гревшим карман и душу адепта коммунистической идеи, уже излагал Бала-оглану план следующей операции «по улучшению благосостояния народа».

История подлинная, и ни слова придуманного!

Звездный час

Руфат считал себя правильным человеком – умеющим жить и прибирать к рукам то, что принадлежит, и то, что не принадлежит ему. Хотя... не совсем так. Всё, к чему он притрагивался, автоматически должно было принадлежать ему.

Всё в его жизни было. И неприятностей хватало, но и хорошего было достаточно. Проработав где-нибудь какое-то время и, не найдя, чем поживиться, он сразу менял место. На другой работе повторялось то же самое. В молодые годы он женился, обрадовал своих родителей двумя внуками, успел отсидеть в тюрьме, правда, небольшой совсем срок, и жил в ожидании своего «звездного часа».

Мелкие пакости удавались ему, как никому другому. Там шепнул, здесь приврал. Одного натравил на другого – и моральное удовлетворение обеспечено. Имея за плечами чужой опыт ведения бизнеса, он решил открыть собственное дело. Попробовал и там и сям, стараясь учесть ошибки тех, на кого приходилось работать, уяснил твердо, что, ни в коем случае нельзя полагаться на таких людей, как он. Оглядываясь назад, он вспоминал, как сам облапошивал своих хозяев или компаньонов, и делал для себя соответствующие выводы.

Когда наступили не самые лучшие времена в их городе, Руфат взял свою семью и перебрался в столицу. Искал нужные связи, и даже находил их. Тусовался среди своих соплеменников, стараясь уяснить себе, кто чем дышит, и от кого что можно поиметь. Случайно узнал, что двое его весьма удачливых родственников, имеющих в Европе солидный бизнес, собираются расширять его и здесь. Отыскал их и быстренько втёрся в доверие, кое в чём помог и, пожалуйста, Руфат уже полностью свой человек.

Арик и Рафик – эти самые родственники, глубоко порядочные и приличные ребята, с радостью приняли его. Посвящали его во многие дела, а Руфату только этого и надо. Будучи грамотными бизнесменами, Арик и Рафик знали, как ведутся дела, приобрели склады, помещения для реализации товара. Купили большую четырехкомнатную квартиру в центре города, чтобы не ютиться в гостиницах.

Руфат убедил ребят в том, что, когда их в городе нет, за квартирой должен кто-то присматривать, и он готов сделать это, чисто по-дружески, а еще один ключ надо дать Нёме – их двоюродному брату.

Шло время, бизнес расширялся, ребята обогащались, а деньги распределяли по банкам.

Некоторую, необходимую для дела наличность, а сумма была солидная, они складывали в тайник, имевшийся в квартире. О нём знали только сами братья. Так получилось, что они отсутствовали долгое время, а, вернувшись, обнаружили тайник пустым. Осмотрев всё, они поняли, что дверь злоумышленник открыл ключом, и сделал это, очевидно, кто-то из своих близких. Сумма, находившаяся там, была настолько большой, что младший брат Рафик готов был на самые крутые меры. Арик, рассудительный и более мягкий по натуре парень, предложил не пороть горячку, а поговорить, по отдельности с Руфатом и Нёмой.

Позвонили Нёме, сообщили о своём приезде и договорились о встрече в ресторане. Говорили о многом, но о пропаже ни слова. Задали несколько «тестовых» вопросов и, по ответам Нёмы, стало ясно, что он ни сном, ни духом, и ни о чём не ведаёт. Вердикт Арика был однозначен: Нёма ни при чём. Оставалось убедиться, что и Руфат тоже непричастен. С ним тоже встретились в ресторане. Рафик усадил Руфата у окна, сам сел рядом, как бы закрывая тому путь к бегству. С самого первого слова стало ясно, что кража – дело его рук. Когда ребята «припёрли к стенке» Руфата некоторыми деталями, то он, только что сильно нервничавший, вдруг стал спокоен и сказал:

— Значит, так, я вам заявляю, что ничего не брал, а если вы считаете наоборот, то это ваши проблемы, и вообще, я с вами завязываю.

Конечно, возмущению братьев не было предела. Рафик даже предложил «заказать» Руфата, что было вполне осуществимо, но Арик не мог допустить такого крайнего шага, хотя, всё можно было бы сделать очень профессионально, а они оба остались бы вне подозрения, но существует кодекс чести и, по отношению к родственнику, этого делать нельзя.

Руфат подождал пару лет, пока страсти улеглись, и история эта утратила свою остроту, купил хорошую большую квартиру, сыну дорогую иномарку, приобрёл два магазина, а на вопросы, откуда, мол, деньги, рассказывал байку об удачной финансовой операции, но вряд ли находился простак, поверивший ему.

Вот так пришел к Руфату его «звездный час».

Эсфирь

Папа купил нам пианино, черного цвета, довольно громоздкое, под названием «Ростов-Дон». Тут же решили, что я обязательно должен обучаться музыке. Вначале я очень обрадовался и подумал: «Теперь я выучу самые популярные и любимые песни, и все будут говорить – вот, типа, молодец какой, как здорово играет».

Первые же уроки с преподавательницей отрезвили меня, и через некоторое время я вообще стал потихоньку ненавидеть эти уроки музыки. Ну, сами скажите, вместо того, чтобы учить песню «Я люблю тебя, жизнь», я должен играть, непонятно что, и при этом считать: раз и, два и, три и, четыре и. Конечно, восьмилетнему мальчику это всё быстро стало в тягость. Учительницу мою звали Надежда Дмитриевна, женщина преклонного возраста, дореволюционной закалки, и манерами русской дворянки, имевшая большой запас терпения для таких оболтусов, как я.

С большой неохотой иду на очередное занятие. Войдя в класс, я остолбенел от неожиданности, даже ноты уронил. Передо мной сидела такая женщина, каких я никогда не видел. Сидела, закинув ногу на ногу. Ее стройные ножки, красивое платье, белые, слегка полноватые руки, – всё это казалось мне, словно из какой-то сказки. А лицо? О, лицо редкой красоты, аккуратный подбородок, прямой нос, а глаза! – удлинённые и необыкновенного цвета, светло-синие-зеленые – как у «Моны Лизы» на цветном портрете, и они смотрели на меня мягким ласковым взглядом.

– Это твоя новая учительница, Эсфирь Адамовна, а это, – Надежда Дмитриевна показывает на меня, – Соломончик.
– Подойди ко мне, – услышал я чарующее сопрано. – Подойди, не бойся.

Я подошел. Отвести от неё глаз не представлялось возможным. Она положила руку мне на голову и взъерошила

волосы. И, не замечая, что я притих и перестал дышать, сказала:

– Ну, что, Соломончик, я думаю, мы друг другу понравимся?

О, Боже, что мне думать? Как себя вести? Мое бедное сердце стучало с такой силой, что мне казалось – весь город должен собраться на этот стук. В этот момент другой голос возвращает меня на землю:

– Ну, ладно, ладно, чего ты так растерялся? Сегодня урока всё равно не будет, так что, придёшь послезавтра, – говорит Надежда Дмитриевна.

Мне хотелось кричать: «Почему послезавтра, а не сейчас?». Вместо этого, я поспешно собрал свои ноты и, совершенно раздавленный, пошел домой. Перед уходом ещё раз посмотрел на Эсфирь Адамовну, её милая и ободряющая улыбка заставила биться ещё сильнее моё бедное сердце. Почему я снова взглянул на неё? Да, потому что, иначе я бы не смог ни есть, ни пить, ни существовать.

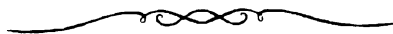
Как я провел эти два дня, не знаю.

Прихожу в назначенное, нет, не прихожу, а прилетаю, в назначенное время в школу, вбегаю в класс, а там – Надежда Дмитриевна.

– А, Соломон,ходи, вот видишь, не устроили Эсфирь Адамовну наши условия, и она вернулась в Баку.

Я был в бешенстве. Выскочив из класса, я так туда и не вернулся.

Какое коварство! Какое вероломство! Какая чёрствость! Какая бездушность! И вообще, как она может жить после этого... Эти эмоции какое-то время владели мною. Но, вы же знаете, ведь всё проходит. И это прошло. Но пережить такое – поверьте, это здорово!

Внекулянт поневоле

Какая прекрасная штука – жизнь! Эта фраза всё время крутилась в голове Самира. А что, нет, что ли? Во-первых – женат на красавице, очень любимой, и очень любящей, во-вторых – скоро родится ребенок, а в-третьих, нет недостатка в достатке – вот такая тавтология. В общем, настроение отменное, и ничто его омрачить не может. Но, тут, как всегда, случилось пресловутое «вдруг».

Вдруг раздался звонок в дверь. Самир, не задумываясь, с улыбкой на лице, распахнул двери. На пороге стояла его двоюродная сестра Зарнигар, вся какая-то взволнованная и потерянная. Самир сразу всполошился:

– Входи, входи, что-то случилось?

– Ой, не спрашивай, сейчас отдышусь и расскажу. Не дай Бог никому такое...

– Пойду, поставлю чайник.

– Потом, потом... Садись, я уже отдышалась. Так вот, ты знаешь, что я преподаю музыку в школе. Каждый месяц ученики приносят деньги за обучение, и сдают мне, а я сдаю их кассирше. В тот день я собрала деньги, а получилась довольно внушительная сумма, и пошла сдавать кассирше. Не застав её на месте, я не захотела оставлять такую сумму у себя, и поэтому отдала бухгалтерше. А дальше, ты не поверишь, она ушла домой, на перерыв, и... сердечный приступ. Видимо, соседи подшустрили, короче, денег нет, и я не знаю, как быть. Самир, я знаю, у тебя таких денег нет, но ты можешь взять в долг у нашей тёти Тамиллы, тебе она не откажет. – Уверенно закончила свою длинную речь Зара. От прежней взволнованности не осталось и следа, и во взгляде была только решимость довести задуманное до конца. Самир же, будучи от природы человеком добрым и сострадающим, не заметил перемены в настроении Зары, до

глубины души проникся её бедой и был полон желания помочь.

– М-да-а, и много денег? – спросил он. Зара назвала такую сумму, что Самир даже присвистнул.

– Но как? Что я скажу тете Тамилле? И потом, она тебе такая же тетя, как и мне, не так ли? Так попроси у неё сама!

– Всё правильно, – внушительно и настойчиво сказала Зара, – но она сестра моей мамы, а я не хочу, чтобы мама знала, – иначе она заболеет. Теперь понятно?

– Понятно, но как это осуществить? – не понимал Самир.

– Ты идёшь к тёте Тамилле, и говоришь, что тебе нужны деньги, и обещаешь вернуть второго числа.

Самир поставил чайник, сказал Заре, что всё для чая находится на кухне и, оставив Зару одну, пошёл к тёте.

Тамилла боготворила своего брата, отца Самира, умершего семь лет назад от инфаркта. Не задавая лишних вопросов, она дала Самиру требуемую сумму, и даже не спросила, когда же он вернёт деньги. Самир, будучи порядочным и пунктуальным человеком, пообещал тёте вернуть сумму десятого числа. Восемь дней он оставил на непредвиденные случайности. Тетя, поцеловав его в обе щеки, пожелала благополучного завершения неприятностей.

Второго числа Зара не появилась. Третьего тоже. Самир сам позвонил, трубку взяла Рузия – её мама, и сказала, что Зары дома нет, и когда будет, неизвестно. Четвертого числа повторилось то же самое. Пятого Самир приехал к ним домой, Зара впустила его в дом, притворно-радушно поинтересовалась его делами, предложила чаю и тараторила без конца. Тетя Рузия, любопытнейшая сверх всякой меры женщина, ни слова не спросила о цели визита Самира. Но тоже любезно предложила чаю.

Поймав паузу, Самир спросил Зару:

– Ты помнишь, что должна вернуть деньги?

– Ах, ты, поэтому приехал? А что, собственно, ты так беспокоишься? Ты думаешь, у них мало денег? Успокойся ты, пожалуйста, нашел, о чём волноваться, да и вообще,

ничего дать я не могу, у меня элементарно нет никаких денег, так что, твой визит пустой.

Самир был раздавлен, уничтожен, не уместилось в голове, как можно так поступать, это явь или сон у него, или какое-то другое состояние человека?.. С трудом совладав с собой, он подавленно произнёс:

– И что же мне теперь делать? В любом случае, вернуть долг я обязан, а у меня денег нет.

– Ладно-ладно, возьми себя в руки, что ты так раскис? Всё, чем я могу тебе помочь, это... Вот! У меня есть план. Поступим очень просто, и деньги вернем, и ты будешь спасён от своих идиотских угрызений совести, – тут она усмехнулась, – и не будешь думать обо мне плохо. Сядь и успокойся! – приказным тоном сказала она.

Удивительно, как интересно получается, что, человек, вовсе не трусливый, умеющий преодолевать трудности, вдруг оказывается беспомощным и слабым перед хамством, подлостью и коварством – таким и чувствовал себя Самир. Он сел и обхватил голову руками.

– Я тебя спасу, – заявила Зара. – Видишь эти полки, заполненные книгами, поверь, не так просто занять такую библиотеку. Так вот, я готова ради тебя расстаться с некоторыми книгами. Но, сам понимаешь, по спекулятивным ценам, иначе нет смысла продавать что-либо. Я тебе дам несколько книг, напишу список цен, и ты, продав их, вернёшь долг. А что ты так на меня смотришь? У тебя другого выхода просто нет, ты же видишь, на какие жертвы я иду ради тебя.

Самир понял, что другого выхода у него, действительно, нет. Он также понимал теперь, каким образом возникает желание прибить кого-нибудь к чёртовой матери. Но... делать нечего.

– Давай свои книги и список, – с презрением сказал он и, как бы выключил сознание, чтобы не слышать дальнейшую её ахинею. Он обдумывал, как это осуществить практически,

ведь никакого опыта в спекуляции у него не было, а, даже, наоборот, была неприязнь к самим спекулянтам.

Упаковав все книги и уложив их в сумку, он направился к дверям, удивительно, что Рузия даже не обратила внимания на то, что кто-то, что-то уносит из её дома. Собственно, чему удивляться, теперь-то Самир точно знал, чей это план, и почему выбрали именно его.

Начинались хождения по мукам.

В первую очередь, он поехал к своему старшему брату и рассказал ему всю историю. Брат решил, что, чем выяснять отношения с родственниками, лучше помочь младшему брату, и он сразу приобрёл несколько книг. Дальше началась беготня по знакомым и друзьям. Все были удивлены внезапной перемене в сфере деятельности Самира. Одни считали, что вот, мол, какой молодец, наконец, делом занялся, другие – а как же принципы, это на него не похоже! Неделя прошла в поисках покупателей, в постоянном ощущении неловкости, в поездках по разным районам города. Наконец, всё было продано, оставалась небольшая, недостающая до отдачи всего долга, сумма, эти деньги пришлось выложить самому. Долг был возвращён. Репутация перед тётей Тамиллой спасена. Но у Самира осталось ощущение обиды, злость на собственную доверчивость, некоторая подозрительность к людям и, самое нехорошее, исчезновение прежней лёгкости и беззаботности.

Вот и доверяй людям.

Встреча

Сеня Эйнштейн проснулся, как всегда, в хорошем расположении духа. Торопиться было незачем, впереди уйма времени. Вот он и думал о том, что на работу поедет не на своём джипе, а прогуляется до метро, доедет до своей станции, и ещё немного пешком, и всё равно до начала рабочего дня останется время. Сеня свою еврейскую (и знаменитую!) фамилию, в какой-то, а может, и в немалой степени, оправдывал, и начальство было вполне довольное своим главным разработчиком компьютерных программ.

Он вспомнил, что его жена Фира, с двумя младшими сыновьями, находятся сейчас на Канарских островах, и лёгкая тень недовольства пробежала по его лицу. Старший сын учится в одном из престижнейших университетов Англии. Так что, хочется ему, или нет, какое-то время придётся пожить одному. Сеня поднялся с кровати и, насвистывая довольно чисто знаменитую песню Франка Синатры «Путники в ночи», отправился заниматься утренними водными процедурами. Через несколько минут, побритый, причёсанный, одетый и благоухающий, он заваривал себе чай.

Сеня не любил официальную одежду, ну, там – костюм двойка или тройка, галстук, жилет. Вот и сейчас на нём были брюки полуспортивного покроя и майка с легкомысленным рисунком, и обут он в кроссовки, а не в модельную обувь. За чаем снова слегка взгрустнулось, вспомнил детей и Фирочку: «Какая она у меня лапочка, двадцать пять лет вместе с моей красавицей».

Действительно, Фира обладала завидным легким характером, ни упреков, ни скандалов, ни косого взгляда. В этой большой, красивой восточно-европейской столице, где они живут, она являлась ведущим специалистом в области кардиологии. А в семейной жизни они прекрасно дополняли

друг друга, да и вообще – полная гармония всегда и во всём. Мужчины поглядывали на Фиру, но, воспитание, полученное в Грузии, не позволяло ей принимать ухаживания поклонников.

Перед выходом из квартиры Сеня ещё раз взглянул в зеркало и убедился, что всё в порядке. Он, как всегда, пренебрег лифтом и, перескакивая через две ступеньки, вышел на улицу. Набрал побольше воздуха в легкие, и тут почувствовал некое беспокойство. Нет-нет, со здоровьем всё было в порядке, это было что-то другое, то ли вроде кто-то следит за ним, то ли что-то непонятное в воздухе...

Сеня посмотрел вокруг, направо, налево – никого из знакомых. Стал всматриваться в людей на противоположном тротуаре, а это довольно далеко. И он нашёл источник своего беспокойства. «Нет, не верю, этого не может быть!», – вскричал он сердцем, душой, мозгом. Взъерошив в растерянности волосы, помедлил, и через секунду он уже знал, что ему делать. Надо дойти до угла, перейти на противоположную сторону, и пойти ей навстречу. Уверенность, что это была ОНА – стопроцентная. Пока он совершал свой маневр, вся история успела пробежать перед его глазами...

Тогда им было около двадцати лет. Ее звали Лайла, почему и кто её назвал так, он не знал и не спрашивал никогда. Теперь, имея в Израиле много друзей и родственников, он знал точно, что «лайла», в переводе с иврита – «ночь». Сейчас у него в голове пронеслось: «Волшебница Лайла», «Кудесница Лайла», «Волшебная Лайла»...

Лайла была из знатной грузинской семьи, и её родители, собственно, как и его родители, воспитанные в национальных традициях, не могли понять, зачем нужно жениться или выходить замуж за представителя другой национальности, ведь столько своих, красивых и молодых.

Лайла не могла возражать родителям, также и Сеня не хотел обижать больного папу, и маму тоже, строивших ему

совсем другую перспективу. Кстати, мама и настояла на выборе профессии. С большой душевной нежностью Сеня всегда помнил их последнюю ночь с Лайлой, когда они сидели на скамейке в городском парке, и он бесконечно целовал её лицо, мокрое от непрекращающихся слез. Ни разу Сеня не позволил себе что-либо, кроме поцелуев, не хотел портить жизнь своей любимой. С тех пор они не виделись. Лайла выполнила просьбу своего, сильно уважаемого и любимого ею, папы, и уехала на всё лето к родственникам в другой город.

Сеня почти бежал, а тут ещё и светофор красный! Еле дождавшись зеленого, он быстро перешёл дорогу. Лайла шла навстречу, по пути останавливалась, рассматривая витрины магазинов. Сеня же, спрятавшись за огромным верзилкой, следил за ней. Сердце стучало громко, казалось, что верзика сейчас повернёт голову, чтобы выяснить, что за молот стучит сзади. Сеня подошёл сзади к Лайле, стоявшей в этот момент у витрины, и нежно взял её за плечи. Она вздрогнула и обернулась.

– Ты!!! – выдохнула она. В глазах у обоих было написано всё – изумление, радость...

– Рассказывай... – еле вымолвил он.

И Лайла торопливо, словно боясь, что кто-то помешает, стала рассказывать. Он узнал, что у неё трое детей – два мальчика и девочка, что муж её – приличный и достойный человек, а как она попала сюда... Лайла улыбнулась.

– Ты можешь не верить, но несколько дней назад мне приснился сон, – начала она. – Склоняется над моей кроватью женщина, очень похожая на знаменитую грузинскую артистку Верико Анджапаридзе, и говорит, что, если я хочу, хотя бы ненадолго, тебя увидеть, то должна приехать в этот город и просто ждать тебя. Я ей сразу поверила, мой родной, и приехала. И вот я здесь, с тобой, а вечером, увы, уеду...

Вскоре они были у дверей его квартиры. Вошли и, едва успел Сеня закрыть дверь, как мощная сила бросила их друг

к другу. Он осыпал её неистовыми поцелуями, он не мог остановиться, он жаждал всего. Взял её на руки и, не переставая целовать, понес в спальню. Буйство безумия довело их до полного бессилия, они получили всё то, о чём и не мечталось много лет назад.

Сеня прижал к своим губам её руку, и неожиданно... уснул. На пять минут. Проснулся с ощущением полнейшего счастья. Повернулся к ней и... обомлел. Её лицо, такое родное, было залито слезами. Что надо говорить в таких случаях, он не знал.

— А ведь на этот раз мы расстанемся навсегда, — ровным, безжизненным голосом промолвила Лайла. Сеня смотрел на неё и растерянно молчал. Прошла долгая, мучительная минута. И вдруг его осенило. Он осторожно поцеловал её в мокрую щеку, и проникновенно начал:

— Лайла, моя девочка, представь себе такую картину... Времена творений Пушкина. Приморский Бульвар, в одном из южных городов. С двух разных сторон идут навстречу друг другу Он и Она. Он — статный, седовласый господин, с живым огоньком в глазах, явно способный на любую шалость. Она — степенная госпожа, сохранившая в себе способность любить и некое безрассудство. Увидевшись, заговорщицки улыбаются, но только они сами знают, чем вызвана эта улыбка. Сердца их ликуют и ничего, кроме «Я помню чудное мгновенье...», в голову им не приходит, и это мгновение прекрасно... Лайла, ты представила?

Начав целовать её, он уже остановиться не мог. Безумство и неистовство. Неистовство и безумство. ВИХРЬ. СМЕРЧ! ТАЙФУН! УРАГАН! ЦУНАМИ! Вот что их подхватило и унесло, унесло! Ввысь! Ещё выше! За облака! Нет, выше! Вот он — Космос! Вот она — Галактика! Вот она — Вселенная! Всё принадлежало им! Казалось — это будет вечно! ВЕЧНО! ВЕЧНО!!!

Но оба знали, что впереди будет разлука навсегда.
...Всё вернулось на круги своя. Начались привычные будни.

Обычная проза жизни. Когда возвратилась Фира с детьми, Сеня понял, как близка и дорога она ему. Он и раньше, и всегда это понимал. Лайла, вернувшись домой, в семью, была по-прежнему прекрасной матерью и женой. Иногда только загадочно - романтическая улыбка озаряло её красивое лицо.

У них обоих остались воспоминания. А воспоминания – это и есть наша жизнь.

Хваленая медицина

— Как вы нам надоели, а? Ну, сколько можно? Я же вам говорю, с таким букетом болезней, который у вас есть, долго не живут! А вы всё ходите и ходите. Зря время отнимаете, у себя и у других больных. — Раздражённо выговаривала врач Евдокия Ивановна.

— Но... я же все ваши рекомендации выполняю. И лекарства принимаю вовремя, и хожу много. Что же мне делать, умереть, что ли?

— Юлия Абрамовна, вам, что, нравится издеваться над нашей бесплатной медициной? А знаете что? Ехали бы вы в свой Израиль, к своим хвалёным врачам. — Усмехнувшись, она добавила: — вложите в свою стенку плача записку, авось поможет.

Юлия Абрамовна открыла рот, чтобы вставить своё слово, но, не тут-то было.

– Ну, всё, всё, идите, дайте заняться нормальными больными.

– Хорошо, извините меня, Евдокия Ивановна. Я, наверно, воспользуюсь вашим советом, и уеду в Израиль. Кто знает, может, действительно, там помогут.

Евдокия Ивановна даже поперхнулась от смеха:

– Давайте, давайте, но, для начала не мешало бы долететь до Израйля.

Настроение у доктора явно поднялось. Проводив взглядом пациентку, Евдокия Ивановна позвонила в регистратуру.

– Катюша, умрёшь со смеху. Ты представляешь, наша Цоценцукер собирается в Израиль, и надеется там вылечиться.

– Да вы что? Вот смеху - то! Секунду... Вот она идёт. – И громче: – Юлия Абрамовна, счастливого исцеления вам. Не забудьте телеграмму прислать.

Выйдя из поликлиники, Юлия Абрамовна медленно шла по направлению к дому. Разные мысли роились в её голове. Она пыталась представить себе, что бы сказал её покойный муж по поводу решения репатриироваться. Давид Семёнович Цоценцукер был замечательным человеком, эрудит и балагур, и житейские проблемы решал с лёгкостью. Погиб он крайне нелепо. В давке, после футбольного матча, не выдержало сердце, даже молодость не помогла. Единственную дочь Юлия Абрамовна растила одна. Всегда хотела воспитать её в лучших традициях советского образа жизни. С самого детства читала ей стихи детских писателей, книжки о патриотизме, и прочие, соответственные тому времени, литературные произведения. Но, как говорится, «не в коня корм». Настя росла непослушным ребёнком, очень скоро позабыв всех литературных классиков, связалась с компанией молодых оболтусов, увлекавшихся мелкими кражами и аферами. Но ей повезло, не успев натворить глупостей, выскочила замуж за Васю Воробьёва.

Вася относился к тёще высокомерно, и ещё любил её подкалывать.

– Ты, дорогая тёща, какая-то неправильная еврейка, у всех евреев полно денег, золота, а у тебя дырка от бублика.

Тёща только отмахивалась, она вообще не умела обижаться, и это сохранило ей много нервных клеток. Дочь Настя всегда была на стороне мужа, и все её интересы сводились к Васе. Однажды Вася сказал:

– Смотри, тёща, все родители помогают своим детям, а твоей пенсии не хватает даже тебе самой. Ехала бы ты в Израиль, и помогала бы нам с Настей и своей внучке.

Сейчас, вспомнив эти слова, Юлия Абрамовна подумала: «А что, и поеду, и не умирать, а лечиться». Природный оптимизм частенько выручал её в жизни.

Вернувшись домой, Юлия Абрамовна поделилась с домочадцами своими планами. Дочь отнеслась к этому равнодушно, а Вася аж обнял тещу.

– Ну, ты даёшь, тёща. Ты только представь, пальмы, ананасы, бананы, солнце круглый год. Вот это житуха!

Начались хлопоты по оформлению документов, подготовка к отъезду. Время пролетело быстро. Вот и день отлёта. Перед прощанием, Вася, отозвав Настю в сторонку, сказал:

– Ты уж попрощайся, как следует, кто знает, придётся ли увидеться когда-нибудь ещё. Неплохой она человек.

Самым трудным для Юлии Абрамовны было прощание с внучкой, она только начала лопотать, и всё время плакала: «Бабуя, бабуя».

В аэропорту всё было в новинку. Юлия Абрамовна никогда и никуда еще не летала, но всегда есть «первый раз». В полёте тоже всё казалось удивительным. Эти стюардессы – совсем молодые девочки. И некоторые даже говорят по-русски... и еда, и телевизор перед каждым пассажиром. Короче, есть от чего закружиться голове.

В Израиле Юлие Абрамовне повезло. Почти сразу получила комнату в хостеле. Это говорится – комната, а на самом деле, это мини-квартира, с кухонькой, туалетом, и душевой. Назначили социальное пособие, прикрепили к

поликлинике, в которой лечение началось почти сразу. Перед лечением провели все проверки, определили точный диагноз, начали физиотерапию.

Довольно часто в хостель приезжали артисты, устраивали концерты, пели вместе с пенсионерами. Иногда желающих приглашали на экскурсии. В общем, скучать не приходилось, и даже болячки стали отходить куда-то далеко.

Прошло семь лет. За эти годы удалось скопить немного денег, поправить здоровье. Юлии Абрамовне не раз говорили, что она хорошо выглядит. Забывать о своих болячках она стала уже через год после репатриации. Появилось желание одеваться по-другому, не забывала о макияже. Летом всегда ходила на пляж, благо, совсем рядом. И вообще, её внутреннее состояние улучшилось, всё было в радость. Исправилась осанка, ходить она стала уверенно, а не, как раньше, ковыляя на отёкших ногах.

Мысли о том, что неплохо бы навестить своих близких в Москве, всё чаще посещали Юлию Абрамовну. Решившись, стала приобретать подарки родным. Накупила много разных сладостей, причём, самых диковинных, включая арабскую «пакляува» и халву. Все эти годы она названивала домой, и теперь позвонила и предупредила о своём приезде.

Встретили Юлию Абрамовну очень радушно, все были несказанно рады. Подарки приняли с удовольствием. Видно было, что скучали. Подростая внучка не отходила от бабули. Настя призналась, что ей очень не хватало маминого присутствия. Даже Вася разговаривал с почтением, иногда срываясь на «вы». Как-то Юлия Абрамовна решила навестить свою поликлинику. Набрала привезённых сладостей, и отправилась туда с самыми добрыми намерениями.

Вот и регистратура, никто не обратил внимания на вошедшую пенсионерку. Прошла по коридору к кабинету врача. В это время дверь распахнулась, и Евдокия Ивановна, собственной персоной, предстала перед Юлией Абрамовной.

– Здравствуйте, Евдокия Ивановна, а я к вам.

– Во-первых, приём окончен, а во-вторых, на приём надо записываться.

– Неужели я так изменилась, что вы меня не узнаете? Ну, посмотрите внимательно.

– Да некогда мне тут с вами... – сердито сказала Евдокия Ивановна, но осеклась. – Это вы, вы... неужели, не может быть...

– Всё правильно, это я. Приехала навестить вас, да и гостинцев принесла.

– Ой, да вы покрасивели, что ли? Идёмте в кабинет. – И, уже в дверях, крикнула: – Катя, Катюша, быстро иди сюда! Обалдеешь!

Вопросы, вопросы, удивление, немного недоверие. Неужели может быть всё так хорошо? Ведь в газетах пишут совсем другое.

– Ну, неужели так всё замечательно? Это рай какой-то, – всё поражалась Катя.

– А вкуности какие, ну, вы молодцы. Да, евреи всегда знали, как надо жить. – Подытожила Евдокия Ивановна.

– Теперь у меня одна мечта, уговорить своих переехать в Израиль, – сказала Юлия Абрамовна.

Поболтав с полчаса, женщины тепло распрощались. Юлия Абрамовна шла домой с лёгким сердцем. «Хорошие они люди», – думала она.

– Что тебе сказать, Катенька? Среди евреев тоже встречаются хорошие люди.

Замена в оркестре

*В*от и армия позади. Прошло два года с тех пор, как я, покинув гражданскую жизнь, отслужил в Краснознамённой Каспийской Флотилии. Как прошли эти два года, рассказ особый, расскажу в следующий раз.

С думами о будущем иду по нашему прекрасному Баку, весело мурлыча себе под нос. Смотрю, впереди идёт Назим. На нём фирменные, вельветовые джинсы, роскошная рубашка с погончиками, но сам он, какой-то поникший и удручённый. Догоняю его.

– Привет, Назим, чего грустишь, опять с джан-джигяркой побазарил?

– А-а, Саша привет, отслужил, или в очередной самоволке?

– Отслужил, как полагается, день в день. Десятого мая семьдесят второго года призвали и через два года, десятого мая демобилизовали.

– Слушай меня, ты мне как раз вовремя попал. Скажи, не разучился за это время играть на гитаре?

– Ну, как я мог разучиться, если служил в «Ансамбле Песни и Пляски», причем, семь-восемь месяцев в году мы находились на гастролях. А что? Что-то нужно?

– Саша, я сейчас работаю в ресторане «Чанли – Бель», что напротив автовокзала. Так получилось, что беру отпуск на два месяца, и на этот период нужна замена. Как ты на это?

– Конечно, согласен. А зачем тебе отпуск? Собрался на курорт?

– Отец у меня скончался, – с горечью сказал Назим. – Сам понимаешь, мне надо быть дома. Выручишь?

– Извини, Назим, я ведь не знал. Может, чем-нибудь помочь надо?

– Да нет, спасибо, мы с братом сами справимся, ну и родственники помогут.

Постояли, помолчали. Вдруг Назим заговорил совсем другим, каким-то деловым тоном:

– Значит, условия такие: зарплата – твоя, ежедневная «капуста», а её будет немало, тоже твоя. Всё-таки ты после армии, тебе «бабки» нужны, а мне отец оставил целый пресс денег, так что, за меня не беспокойся. Что скажешь? Впрочем, если не хочешь, другого гитариста найду. Ну?

– Не откажусь, не думай, – заверил я его. – За это время и работу себе поищу.

– Ну, ладно, по рукам, завтра в семь вечера жду тебя в ресторане. Не опаздывай. Пока!

– Пока. – Ответил я и направился к автобусной остановке, с противоречивыми чувствами. Я знал, что Назим и филантропия, вещи разные.

На следующий день, в половине седьмого, я был в ресторане. Минут через пятнадцать появился Петя – клавишник, близкий друг Назима.

– Саша, я в курсе, Назим мне обо всём сказал, можешь прямо сегодня, и приступить к работе. – Без всяких слов приветствия, обратился он ко мне.

– Петя, может, «здравствуй», сначала. Долго не виделись.

Он, не обращая внимания на мои слова, продолжал:

– Хорошо, что ты принёс свою гитару, а то Назим не разрешает трогать свои вещи. Настраивайся, и приступим.

Честно говоря, поведение Пети было более, чем удивительно.

Расчехлив гитару, я принялся её настраивать. Посетителей в зале было мало, и поэтому играть мы начали несколько позже. Поиграв с полчаса, мы спустились в чайхану. Мы – это Петя – клавишник, Авяз – барабанщик, Алик – басист, Зика – певец, и я на гитаре. За чаем рассказывали разные истории, анекдоты. Разговор был свободным, непринуждённым. Вспомнив о горе Назима, я предложил:

– Может, денег надо бы собрать для Назима?

– Давай, сколько можешь, – сразу подхватил Петя.

- Подожди, подожди, – сказал Зика, – всё, что нужно было, мы в своё время сделали. Не надо лишних телодвижений.
- Всё, за работу! – скомандовал Петя.

Во взаимоотношениях этих ребят многое мне оставалось непонятным.

Поднявшись на сцену, видим в зале Назима, с каким-то парнем. Сидят, спокойненько беседуют, не спеша, потягивают пиво. Это как-то не вязалось с его теперешним положением. Поздоровались кивком.

Второе отделение начали с джазовой композиции «Round Midnight». В середине своей импровизации я сфальшивил, и, заметив кривую усмешку Назима, совсем смешался, и довольно неудачно завершил своё соло. Назим радостно зааплодировал, потом подошёл и ехидненько изрёк: – Что, Сашенька, деградируешь? Видать, советская армия так действует на людей. Я вот, не служил, спасибо пахану, отмазал меня от священного долга перед Родиной.

Я смущённо молчал.

- Ладно, это всё ерунда. Есть дело, может, у тебя имеется басист знакомый? Алик уезжает на гастроли.
- Есть, Боря его зовут. Нормальный басист.
- Ну, вот и хорошо, пусть с понедельника и выходит. Посвяти в условия работы.

Дома мою работу в ресторане не одобряли, считали, что там все спиваются. Смех, да и только. К спиртному я был равнодушен, и даже слегка презирал любителей чрезмерного «принятия на грудь».

Вскоре, Петя заявил, что надо внести в общую кассу по двадцать рублей.

- Если есть вопросы, то адресуйте их Назиму, – добавил он.

Забавно, до какой степени может доходить наглость человеческая.

Работа в тот день шла хорошо, заказы сыпались подряд, касса пополнялась. Около девяти часов, подошел к нам человек, довольно робкого вида. Протянул десятку,

(хорошие деньги, по тем временам) и попросил сыграть что-нибудь национальное. Мы с воодушевлением исполнили танец «Тэрэкэмэ». Не успели доиграть, а он уже несёт ещё десятку. И так пять раз. Потом пошли в ход пятёрки. Затем, трёшки. И, наконец, рублевки, на них он просил исключительно «что-нибудь западное».

Примечательным было то, что сам он не танцевал и, казалось, даже не слушал, а просто сидел и занимался тем, чем занимаются люди, сидя за сервированным столом.

Дойдя до кондиции, этот клиент выложил последний рубль и потребовал, чтобы мы играли до тех пор, пока он не дойдёт до автобусной остановки. Теперь уже нельзя было сказать, что он робкого вида, а совсем наоборот. Говорил агрессивно, с напором. Высказался и ушел. Поиграв несколько минут, мы хотели передохнуть, но, неожиданно он вновь «нарисовался».

— Что, мало денег я вам дал?

Кое-как успокоив его, мы продолжили музицировать, на этот раз так долго, что сомнений не оставалось в его невозвращении. Подобных странных клиентов бывало предостаточно.

Позже, когда делили деньги, Петя нас «обрадовал»:

- С сегодняшнего вечера, деньги делим на шестерых.
- Почему, нас ведь пятеро, — полюбопытствовал я.
- Шестая доля Назиму, это известная практика.

Через день я привел басиста Борю, и он начал работать с нами. Неожиданно Зика заявил о своём переезде в Москву. Все стали возмущаться, что, мол, будем делать без певца, а тем более, что послезавтра надо отыграть свадьбу. Зика нас успокоил, сказав, что уедет после свадьбы.

Свадебный вечер прошел отлично, без эксцессов. В самом конце вечера хозяин расплатился с нами крупными купюрами. Зика, взяв деньги, ушел их разменивать. Вскоре вернулся, положил размененные купюры на орган, стал прощаться. Попрощались тепло, но теплота испарилась в ту

же секунду, как Петя пересчитал деньги. Но, делать нечего – поезд ушёл.

Спустя неделю, пришел Назим за своей долей и взял всю, без всякого зазрения совести. В перерыве весь состав, как всегда, пошел пить чай, а я завозился с гитарой.

– Саша, ты ведь еврей, правда? – неожиданно раздался голос Назима.

– Да, – говорю, – а что, у тебя с этим есть проблемы?

– А чего бы тебе не уехать в Израиль? Или в Америку?

– Что-то я тебя не пойму. С чего вдруг такая забота?

– Умные евреи давно уехали, а ты всё ещё здесь. Представь себе, Америка, джаз, жратва, шмотье, да и вообще не сравнимо со здешним дерьмом. Подумай, подумай. Не уедешь сейчас, кто знает, как оно сложится?

– Пошли-ка, чай пить, – сказал я.

Этому хулителю своей страны, воспевающему всё зарубежное, ничто не помешало впоследствии добиться ранга второго секретаря райкома компартии.

Настал день зарплаты, ребята, по одному, шли в кассу. Петя, отозвав меня и Боря в сторонку, сказал:

– Так как вы не оформлены, и денег вам никто не выдаст, подождите, пока не вернутся из отпуска Назим и Алик. Они получают и отдадут вам ваши деньги.

Нам ничего не оставалось, как ждать.

– Саша, тебе не кажется, что они крысятничают? – поинтересовался Боря.

– Наверно, ты прав. Поживём, увидим.

Второй месяц работы прошёл без сколько-нибудь значительных событий. Кроме того, что довелось мне случайно услышать разговор Назима и Авяза. Назим высказывал какие-то шовинистические идеи, причём, пытаясь как-то их обосновать, а Авяз горячо спорил с ним. Одно я запомнил хорошо. Назим изрекал:

– Пусть лучше меня избьют сто азербайджанцев, чем я позволю дотронуться до меня хоть одному еврею или армянину.

Разглагольствования его, все в этом духе, продолжались долго.

Таких людей, наверно, надо жалеть, и в то же время тыкать носом в то, на что они закрывают глаза. Оставаться с такими людьми больше не хотелось. Решив уйти, я сказал об этом Пете.

— Через два дня Назим вернется, и ты тогда уйдешь. А чего это тебе, так не терпится?

— Просто надоело, — говорю.

Петя позвонил Назиму. О чём они говорили, я не знаю, но, спустя полчаса Назим появился. Ни с кем не поздоровавшись, он отозвал Петю в сторону. Они долго что-то обсуждали, сильно жестикулировали, иногда Назим бросал в сторону оркестра злобные взгляды.

— Ой, счас чтой-то будиит! — полушутливо сказал Авяз.

Мне было всё равно, лишь бы поскорее уйти.

В перерыве Назим и Петя подошли ко мне.

— Петя, объясни ему ситуацию, если не поймёт, я поясню, — сказал Назим.

— Понимаешь ли, — подбирая слова, начал Петя, — в последнее время ты ведёшь себя нехорошо. Как будто, ты умнее и благороднее всех. Нам это не нравится. И ещё, уходя на два дня раньше, ты подводишь всех нас.

Интересно, какую ещё пакость придумал наш, изощрённый в пакостях и искушённый в дрызгах, Назим? — подумал я в этот момент.

— В общем, ни ты, и ни Боря, денег не получите, — продолжил Петя. — Так что, ты проиграл в том, что уходишь.

— Во-первых, я выиграл, — спокойно сказал я, — хотя бы тем, что больше не увижу ваших морд. Во-вторых, ваша основная профессия — вырывать кусок хлеба изо рта других. В-третьих, уходя от вас и оставляя вам деньги, которые для вас дороже родителей, отцовской памяти, то я, в этом случае, действительно чувствую себя гораздо выше вас, мелких и ничтожных людей.

– Ну, высказался? – с облегчением спросил Назим. – А теперь, слушай меня. Не знаю, да и не хочу знать, как зовут твоего басиста, но можешь передать, что он тоже не получит зарплату.

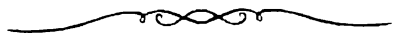
– Ничего подобного, ваш «учёный совет» решил, вы и скажите ему.

Боря, не перебивая, выслушал их, усмехнулся и сказал:

– Нет. Со мной эти штучки не пройдут. Вы очень сильно пожалеете об этом. Вы знаете, в каком районе я живу. Завтра же приведу ребят, а уж что они с вами сделают, сами увидите. Вопросы есть?

Все знали, что он живёт в районе, известном своими бандитами, готовыми на любые «подвиги». Кончилось тем, что Назим отдал Боре всю, причитающуюся ему, сумму.

По дороге домой Боря долго возмущался тем, что я так легко сдался. Всё требовал, чтобы я объяснил ему такое своё поведение. Что я мог ему объяснить, если он так ничего и не понял.

Сулейман и Гения

Есть повести печальные на свете...

Сулейман и Гения учились в одном классе, и были большими друзьями... нет, нет, ну, конечно же, нет, не были они никакими друзьями – скорее, словно подружки. Иногда перешептывались, а то и обменивались записками, а в записках, вы не поверите, ни слова о любви друг к другу, вообще-то никакой любви и не было. Гения делилась с Суликом своими «новостями»: вот, сегодня кто-то на неё посмотрел особенно, или кто-то ей сегодня нравится. На переменах хихикали, и обсуждали всех подряд, особенно учителей. Были они юны и красивы, ведь что такое шестнадцать лет – это вся жизнь впереди, всё будет покорено, все будут покорены, все барьеры преодолеются, короче – «всё-всё-моё».

Сулик большую часть своего времени проводил с друзьями, играл с ними в футбол, дрался неплохо, или просто приглашал друзей домой, но при этом не забывал позвонить Гении и узнать последние новости. О том, чтобы встретиться вне школы с девочкой, даже и разговора не было, так как в этой среднеазиатской стране подобное не принято, и даже наказуемо.

Перед весенними каникулами состоялся школьный вечер, удавшийся, как никогда, все с упоением отдавались веселью, танцевали, ели сладости, пили лимонад, шутили друг над другом, некоторые мальчики даже курили украдкой. Ну, где ещё можно, как не на таком вечере, пусть робко, пусть с замиранием сердца, дотронуться до девичьего стана, ненароком тронуть волосы, вдохнуть аромат... об ароматах надо сказать отдельно. От одних девочек пахло духами, впрочем, одними и теми же, обычно, «Красной Москвой». От

других – мясным фаршем, баклажанами, долмой, пловом. Каждый мальчик чувствовал себя эдаким супер-героем, танцуй с кем хочешь. Но всё кончается, особенно хорошее.

Закончился вечер, все стали разбредаться по домам, и только Гения, выйдя из здания школы, не торопилась уходить. Сулик поинтересовался: мол, в чём дело?

– А ты что, не знаешь, где я живу? – спросила Гения. – Мне же нужно пройти всё кладбище, а идти в обход, через фруктовый сад, сейчас нельзя – ворота уже давно закрыты.

Сулик сразу возомнил себя Робин Гудом.

– А я что, не в счёт? Пошли, я тебе по дороге расскажу «Испанскую балладу» Лиона Фейхтвангера.

Они шли по городу, по улочкам, на которых не было ни души, вдыхали аромат весеннего, пьянящего воздуха. Сулик был увлечён своим рассказом, а Гения, ну что Гения, она уже почти знала, что ночь эта – особенная, и ждала чего-то с радостью и немного с грустью, и её мало интересовали приключения героев романа, но всё же она прислушивалась. Так дошли до кладбищенских ворот, Сулик открыл их, пропустил Гению вперед, и продолжал рассказывать. В каких-то моментах они громко смеялись, не обращая внимания на чьи-то могилы, и Гения, развеселясь, легонько хлопала Сулика по плечу, чем вызывала у него лёгкую дрожь. Один раз он остановился, изобразив целую сценку в лицах, получилось так смешно, что он повалился на сухую траву, корчась от смеха, а она согнулась, положив руки на живот, смеясь так, что даже было похоже на рыдание.

Наконец, пройдя всё кладбище, Сулик открыл вторые воротца, и они очутились в дивном фруктовом саду. Деревья цвели, и сад был полон ароматов. От них слегка кружились головы у обоих, и, не очень осознавая, что происходит, Сулик взял Гению за локоть... Они поравнялись с громадным деревом, и в эту минуту, Сулик, словно физически, ощутил в голове щелчок, и, как в тумане, взял Гению за плечи и очень осторожно прижал её к дереву. И тут, неожиданно для самого себя, крепко поцеловал её в губки, с громким чмоком.

Судя по советским фильмам, должна была последовать пощечина, но её нет. Сулик, осмелев, осыпал Гению поцелуями – в щёки, губы, нос, лоб, губы, щёки... Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не раздался голос Гениной мамы:

– Ой, что я наделала, как же так, не встретила свою доченьку, – причитала она. – Гения, Гения! Ты где?

Гения, отстранив Сулика, взглянула ему в глаза, словно хотела прочесть что-то важное.

– Ну, всё, всё, я побежала домой. – Тут же она притягивает Сулика к себе, и крепко, что есть сил, целует его в губы, и стремительно исчезает.

«Что это было?», – думает Сулик, вне себя от счастья. Обуреваемый мыслями, он медленно пошёл назад. Открыв воротца, входит снова на кладбище, на душе дивная музыка. Если бы он знал музыку Бетховена, то, в этот момент, в ушах зазвучала бы совсем другая музыка – Пятая патетическая... Сулик внезапно вспомнил, что находится на кладбище, его охватила паника. Он побежал, не разбирая дороги и не оглядываясь. И, конечно, споткнулся и упал, угодив рукой в какую-то жижу... Всё его тело было на земле, а голова свисала над свежевырытой могилой. Жуть охватила Сулика. Вскочив на ноги, он побежал дальше, добежав до ворот, стал дёргать калитку, но она, зараза, не открывалась. Обессиленный, он просто упал на нее, и тут, конечно же, она распахнулась. Выбежав с кладбища, Сулик сначала нашёл уличный фонарь и рассмотрел свою руку, на ней была просто грязь.

Всю ночь спал Сулик крепко и безмятежно, иногда улыбаясь чему-то... Гения же, почти всю ночь смотрела на потолок, и видела свои, мечтательные сюжеты...

После памятного вечера, они не виделись все каникулы. Началась учеба. Сулик пытался вести себя, как ни в чём не бывало, это ему удавалось плохо. Он не мог смотреть Гении в глаза, а она, наоборот, искала его взгляда. Так прошло два дня, без звонков, без разговора, без взгляда. На большой

перемене Гения подошла к Сулику, легонько толкнув его в плечо, и пригвоздила его к стене.

— Ты знаешь, — начала она разговор, — у меня к тебе серьёзные претензии. Как ты мог получить двойку по математике? Это ещё что такое? Ты хочешь, чтобы класс «Б» вырвался вперед? Значит так, я маме уже сказала, что ты будешь приходить ко мне заниматься математикой. И никаких возражений. Всё! — она, повернувшись, ушла в класс.

Пока Гения говорила, Сулик менялся в лице, каждая её фраза звучала для него двусмысленно. «Придётся идти», — подумал он. Чувства были смешанные, в них надо было разобраться. В два часа занятия закончились, а в четыре он уже подходил к её дверям. Впустив Сулика, Гения крикнула маме, что он уже здесь.

— Ну, смотрите, какие хорошие дети! — воскликнула мать, — с учебниками, всё как надо, ну, молодцы, занимайтесь, а я пошла по делам.

— Открывай учебник. — Строго приказала Гения. И началась муштра по всем параметрам математики. Как ни странно, материал Сулик усваивал довольно быстро. После выполнения всех заданий Гения посмотрела на него долгим взглядом... Сулик молча притянул её к себе. Юность, воспитание в романтическом духе, не позволяли им ничего, кроме упоительных поцелуев. Поцелуи эти кружили голову, сердце стучало, все лишние мысли отбрасывались...

Теперь Сулик не мог уснуть, а Гения спала сном младенца. Математика стала самым любимым их предметом.

Воспитание, полученное ими, хотя и было, в известном смысле, правильным, и оберегало подростков от опрометчивости, но висело дамокловым мечом, и не позволяло им ни капельки безрассудства. Сулику скоро стало недостаточно поцелуев, но перейти к чему-то другому мешали и негласные запреты, и боязнь обидеть Гению. Он думал о том, что, скорее всего, окончив школу, каждый пойдёт своим путем, и, кроме того, до него доходили слухи,

что есть кто-то, старше них, собирающийся свататься к Гении. В очередной визит, она, отстранив его немного, взглянула ему в глаза тем самым взглядом, от которого Сулик всегда терялся, и спросила:

– А что ты будешь делать, если мы расстанемся? – вопрос был неожиданным, и несколько ошарашивающим.

– А мы должны расстаться? – обескураженный Сулик пытался вникнуть в суть вопроса.

– Тебе уже нашептали, не так ли? – она, как всегда, оставалась прямолинейной, больше похожая на рационального математика, чем на девушку, желающую расстаться. Расставаться ей не хотелось вовсе, просто её вынуждали «объективные причины», так она оправдывалась перед собой.

– Знаешь, что, родной и любимый Сулик? – от этих слов у него зануло сердце, такие слова он слышал впервые. – Знаешь, что? – повторила она, – ты должен помнить одно, ты моя радость и боль, моя сила и бессилие, мой свет и моя тьма. Тебя я никогда не забуду, не забудь и ты, пожалуйста, пожалуйста... Любимый, я выхожу замуж.

Сулик был уничтожен.

– А теперь иди... – сказала Гения печально.

Так Сулик и Гения расстались.

Прошло девять лет. За это время изменилось многое. Гения, побывав замужем менее года, поняла, что муж не тот человек, кто ей нужен. Он был хорош во всем, но она хотела ту искру, тот подъем, то седьмое небо, на котором она была с Суликом. Гения понимала, что дважды в одну реку не войти, а если и войти, то всё будет по-другому. Может быть, лучше, или хуже, но по-другому. Были и другие кандидаты на её руку, но она находила в них существующие, и не существующие изъяны, и отвергала всех, хотя и позволяла себе порой легкие интрижки.

Окончив институт, Гения (как бы оправдывая своё имя) с лёгкостью одолела и аспирантуру, могла и дальше пойти, но особого смысла в этом не видела. А «смысл» – в это время находился далеко. Если она жила в столице республики, то он был в одной из автономных областей Сибири. Всё очень просто, закончив геологоразведочный факультет, Сулик сначала работал какое-то время в столице. Он не мог забыть Гению, но и не мог существовать между столь противоречивыми желаниями: с одной стороны, он хотел найти её и начать всё сначала, с другой – знал, что так, как было тогда, уже не будет. В глубине души Сулик считал себя обманутым, покинутым и преданным, хотя берёг и лелеял в душе свою любовь к Гении. Прекраснее её для него никого не было, и быть не могло. Он решил уехать, куда подальше, изменить свою жизнь настолько, чтобы не вспоминать ничего. Мама Сулика твердила:

– Не уезжай сынок, я тебя больше не увижу, – думая, что не доживёт до возвращения единственного сына. Сулик был непреклонен, и, как упрямый восточный мужчина, настоял на своем. Момент прощания с мамой был тяжелым, потом эти минуты часто вставляли перед его глазами.

Завербовавшись в бригаду специалистов, Сулик оказался в Сибири. Коренные жители приветливо и доброжелательно отнеслись к геологам. Сулику всё здесь нравилось, и суровость зимы, хотя и в его республике зима была холодной, и тайга, в которой он часто бродил в одиночку, и не раз подвергался опасности. С улыбкой вспоминая о своих страхах, в то далёкое время, на кладбище, Сулик теперь гордился своей смелостью и отвагой. В один из одиночных своих походов Сулик основательно заблудился, но его уже спохватились и искали. Помощь пришла поздно, медведь-шатун оказался резвее и сильнее. В последнее мгновение Сулейман увидел лицо мамы, к которой порой бывал, как все дети, несправедлив, и Гению, с её неповторимым взглядом... Вспомнились ему одноклассники, например; Батыр, влюблённый в Гюльчохру, Закир любивший Анну, Кораллов

(его называли только по фамилии) бывший без ума от Эмины, учителей – любивших Сулика и многое, многое другое. Было ему всего двадцать пять лет. Похоронили Сулеймана на родине, на том самом кладбище. На второй день после похорон, его мамы тоже не стало, не выдержало сердце.

Последние три дня тревога не покидала Гению, она никуда не выходила, ни с кем не общалась. В это утро, заварив крепкий чай, Гения собралась позавтракать, но есть не очень хотелось. Зазвонил, особенно противным в это утро звонком, телефон. Это был Батыр, бывший одноклассник.

– Гения, привет, мне нужно к тебе зайти, – в несвойственной ему, извинительной манере, сказал Батыр.

– Конечно, заходи, что-то случилось? – с тревогой спросила Гения.

– Всё, иду. – Кратко сказал Батыр.

Войдя в квартиру, Батыр впервые позволил себе чмокнуть Гению в щечку. И сразу, без предисловий:

– Гения, милая, будь мужественна, наш Сулик погиб.

Гения, как-то по-деловому, расспросила Батыра о подробностях, и сказала:

– А теперь уходи, пожалуйста.

Батыр ушел, а ей просто хотелось биться о стенку головой. Что такое беда, она узнала, когда не стало её мамы, и она, оставшись совсем одна, полностью посвятила себя работе. А сейчас пришла к ней вторая беда. Которую пережить еще труднее.

Прошло много лет и, даже теперь, на кладбище этого маленького городка, можно увидеть высокую, статную женщину в чёрном, кладущую цветы на могилу любимого.

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

Барон

Прислонившись к дверному косяку, он, молча, взирал на комнату, в которой родился и вырос. Эту самую комнату он видел каждый день, и сегодня она была такой же, как и всегда, как и десять и двадцать лет назад. Низенький комод, посудный буфет, стол, три табуретки, старинный диван и сундук, и это всё в таком жутком состоянии, что впору было всё это незамедлительно выбросить на свалку. В общем-то, обстановка не очень беспокоила его, но, при взгляде на эти старые вещи, одолевали воспоминания о собственном детстве, и взаимоотношениях в семье.

Отец – худой, неряшливый, высокий и, сверх всякой меры, угрюмый человек. Никто не знал ни места работы отца, ни вообще род его занятий. Мать, редко расстававшаяся с рюмкой и будучи столь же угрюмой и неприветливой, как и отец, так ни разу не приласкала, и даже не погладила сына по голове. Самая большая нежность, выражаемая ею, был шлепок ладонью по его затылку. Он не любил ни своего имени, ни своей фамилии, ни имени отца, и ни имени своей матери. Как-то раз, услышав в свой адрес слово – «Барон», он был просто ошеломлён красотой и значимостью этого слова, и был раздосадован тем, что его не называли этим именем. Барон... Барон – как это красиво, думал он, не понимая значения слова и даже не задумываясь над этим. Родители относились к Барону, как к балласту, каждый из них был занят своими проблемами, им даже было странно и удивительно, что некоторые люди тратят деньги на детские сады. А для чего? Пусть ребёнок сидит себе дома и не вякает.

Уходя по утрам, его просто запирали. Если Барон хотел в туалет, который находился во дворе, то он должен был стучать в дверь до тех пор, пока кто-нибудь из соседей не услышит и не откроет двери снаружи. Иногда приходилось

стучать довольно долго, а иногда просто ждать до прихода кого-нибудь из родителей.

Воспоминания обо всём этом раздражали Барона, и вызывали в нём протест. Он не проронил ни слезинки даже тогда, когда отец внезапно заболел и через короткий срок умер. Также не проронил ни слезинки на похоронах матери, сгоревшей в пьяном угаре. Он хорошо запомнил лицо матери, сказавшей ему в канун первого сентября: «А ну, балда, иди сюда. Видишь этот дом напротив... куда смотришь, идиот? В окно смотри, так вот, это твоя школа, и завтра ты в первый раз пойдёшь туда, учись хорошо, а то знаешь, что будет. Всё, вали отсюда».

Школа – это цепь унижений и оскорблений, в основном, из-за того, что он был всегда угрюм и никогда не шёл на сближение с кем бы то ни было. Всегда погруженный в себя, и только в себя, и только мысли о своём «ДАРОВАНИИ» волновали Барона. Понял он о своём «даровании» после случая с картиной.

В комнате висела картина, написанная отцом, вставленная в рамку, которую отец нашёл на свалке. Просто рамка и картина в ней, вот и всё, даже стекла не было, оно ведь стоит денег. На дальнем плане картины изображены два уродливых дерева, на ближнем – трава грязно-зелёно-серого цвета, на траве покосившийся стол и табуретка, на которой восседала мама Барона – с взглядом, ещё более злым, чем в жизни. Отец очень гордился своим шедевром и иногда говорил Барону: «Тронешь, шкет – убью!». Барон старался и не смотреть на картину. Оставаясь один, в течение целого дня надо было занять себя чем-то. Поставив две табуретки по обе стороны стола, он взбирался на одну табуретку, потом проползал по столу и, якобы, с трудом, спускался со стола через вторую табуретку на пол. Таким образом, Барон ощущал себя альпинистом, покорявшим высоты. Кроме этого развлечения, у него был ещё маленький мячик, настолько маленький, что он запросто охватывал его своей детской ладошкой.

Однажды отец застал Барона, уже влезшего на табуретку, и пытавшегося дотянуться до картины. Отец, не задумываясь, с размаху ударил сына ладонью по уху. Мальчик, упав с табуретки и ударившись головой, потерял сознание. Врач «скорой помощи» привел ребёнка в чувство. Но, последствия падения отразились на поведении Барона. Он стал более молчаливым, что, кстати, вполне устраивало родителей, и еще более угрюмым и нелюдимым.

Как-то, увлѣвшись игрой в мяч, Барон попал прямо в картину, и она, сорвавшись с гвоздя, упала. Ужасу мальчика не было предела. Он прекрасно понимал, чем это может кончиться для него. Эта мысль привела Барона в ярость, как это так, из-за какой-то картины ему может влететь. Всѣ! Растоптать и уничтожить, а дальше – будь что будет. Подняв ногу, Барон сильно топнул ею по картине и ошолбенел. Что это? Непонятно, просто невероятно, но нога почувствовала траву, как это может быть? Тогда он стал на картину двумя ногами, и тут же, непостижимым образом оказался в картине. Там, «в ней», было холодно и как-то неприятно, и слышалось шипение. Посмотрев на деревья, он ещё больше возненавидел их – за уродство, и трава казалась искусственной. Вдруг Барон встретился взглядом с женщиной, сидевшей на табуретке, и потоки ярости, ненависти и брезгливости, идущие из её глаз, вышвырнули Барона обратно в комнату. Как это понимать? Что это было? Чем это может кончиться?..

Потом Барон неоднократно ступал ногой на траву в картине, и так же неоднократно убеждался, что может войти в неё, когда захочет. Он инстинктивно почувствовал, что говорить об этом не стоит никому, и молчал. В тот, первый раз, повесив картину на место и убедившись, что никто ни о чём не догадался, Барон с нетерпением ждал следующего дня для повторения эксперимента. Удостоверившись в своём умении, Барон тыкал пальчиком во все иллюстрации в книжках с фотографиями, и в единственном, имевшемся в доме альбоме «Третьяковская галерея», но входить куда-

либо опасался, и, даже повзрослев, так и не рискнул войти в какой-нибудь шедевр.

Воспоминания о прошлом повлекли его дальше...

В местной библиотеке Барон нашёл ещё пару художественных альбомов. Вот картины Эпохи Возрождения: какой простор, какие перспективы, какие ещё непонятные удовольствия они ему сулят. Но... нет, нет, ещё раз нет. «Если эти удовольствия мои, то почему я должен делиться ими с кем-то? Например, с Моной Лизой, да и кто она такая, в конце концов. Нет, никому не позволено отнимать у меня, что бы то ни было, пусть остаётся всё в моей голове. Да и вообще, кто вы такие – людишки, копошащиеся вокруг меня? Что вы умеете, кроме уничтожения себе подобных, и набивания собственных карманов? Пустые, никчемные люди. Мне никто не нужен. Но, погодите, ещё придёт моё время, и я найду ту картину, которая даст мне власть над всеми вами, и тогда я рассчитаюсь с человечеством, то есть с вами». Барон, уже взрослый парень, потряс кулаками в воздухе.

Воспоминания влекли дальше... Были периоды просветления, когда Барон решал менять свою жизнь, но не решался посвящать кого-либо в свои проблемы, и всё оставалось по-прежнему. Стараясь быть независимым, он не связывал себя какой-либо постоянной работой. Обладая большой физической силой, Барон разгружал вагоны и на это существовал.

...Однажды Барона остановили трое, и обратились традиционно: «Слышь, паря, а сигаретки не найдётся?». Все знают, что следует за этой фразой, и Барон знал, поэтому он, не задумываясь, молниеносно схватил двоих за затылки, и так сильно столкнул их лбами, что сто бильярдных шаров неспособны были бы издать такой звук. Эти двое свалились на землю, а третий скрылся в ближайшей подворотне. Барон продолжил свой путь. Пройдя немного, он услышал за собой шаги бегущего за ним человека, резко повернулся и увидел третьего – с ножом в вытянутой руке. Барон, совершенно без

эмоций, одной рукой схватился за кисть с ножом, а другой сжал негодяю место повыше локтя, и изо всех сил сломал руку обидчика о своё колено. Не оглядываясь и не спеша, Барон пошёл дальше, и через минуту практически не помнил об инциденте.

В это утро она сидела на скамеечке, как раз напротив подъезда, из которого должен был выйти Барон. Просто сидела и ждала, она знала, что, стоит ей только захотеть, и она увидит всё, что он сейчас делает, а стоит ей ввести себя в определённое состояние, то ей откроется всё, что он делал вчера, или будет делать завтра. Она обладала этим даром, но не хотела ничего этого по двум причинам: первая – это стоит больших душевных затрат; вторая – она не хотела влиять на события. Пока дожидалась, думала о разном, ну, например, что быть серой мышкой и хорошо и плохо. Плохо потому, что никто не обращает внимания, трудно преуспеть в жизни (но это, кстати, совсем её не волновало). Хорошо, что никто, не обращая на неё внимания, заодно и не мешает совершить задуманное.

Тут она увидела его, спускающегося по ступенькам. Выходя из подъезда, Барон встретился глазами с ней, некое подобие улыбки мелькнуло в его глазах, но он не собирался останавливаться.

– Подожди, как тебя зовут? – обратилась она к нему.

– Барон. – Ответил он, и сам удивился, а чего бы не послать её к чёрту, но что-то ему мешало сделать это.

– Ну, если ты Барон, то я буду Рона, хорошо? У нас с тобой будут одинаковые имена. Пошли к тебе, теперь я буду жить у тебя. «Сейчас врежу», – подумал Барон, но, вместо этого, кивнул головой в сторону входных дверей.

– Ну, входи, Рона.

Войдя в комнату и слегка осмотревшись, Рона сказала:

– Ладно, иди по своим делам, а мне оставь ключ.

«Точно, сейчас у меня получит», – подумал Барон, но послушно отдал ей ключ, уходя, буркнул:

– Спать будешь на диване, а я на сундуке. Одежда и всё такое в комод.

После его ухода Рона осмотрелась, открыла комод, и чуть не задохнулась от того, чем пахло изнутри. Она взяла всё бельё, какое нашла в комнате, и отправилась в ванную, к счастью, оказавшуюся свободной. Пока Рона вручную стирала бельё, все соседи, бывшие в это время дома, под разными предлогами входили в ванную, чтобы посмотреть на девушку, которую привёл сам Барон. Рона со всеми была доброжелательна и любезна, чем и обаяла всех соседей. До вечера она успела перестирать и выгладить всё бельё, успела сбегать в соседний дом, помыть там лестничную клетку и получить за это деньги, и, наконец, приготовить шикарный ужин и накрыть на стол.

Вечером Барон, придя с работы, молча сел за стол, также молча проглотил ужин и, даже не поблагодарив, уселся против телевизора, старенького чёрно-белого. Через некоторое время, не обращая никакого внимания на Рону, разделся и улёгся спать. Всю жизнь он спал на этом сундуке. Пока был совсем маленьким, проблем не возникало, но, когда стал подрастать, то уже не умещался на сундуке, и поэтому ноги свисали вниз, или он просто подгибал их.

Барон заснул. Крепко заснул. Не разбудить и пушкой. Рона, лёжа на диване, не сводила с него глаз. Любовалась. Она любовалась им. Она просто любовалась им. Наконец, промолвив: «Сейчас и только сейчас», – Рона встала и, подойдя к сундуку, опустила на колени.

– Барон, родной мой, ты не знаешь меня, ты не знаешь, ЧТО привело меня к тебе. Я тебе всё расскажу. Я тебе обо всём расскажу. Знаю, ты спишь, но также знаю, что каждое моё слово, каждый мой вздох – в тебе, ты это чувствуешь, ты знаешь, ты рад этому.

В это время, безмятежно спавший, Барон видел сон.

СОН:

...Лужайка необыкновенной красоты, всё вокруг лучится добротой и радушием. И он, Барон, едва касаясь ногами травы, идёт по лужайке, наслаждаясь этой красотой и великолепием.

РОНА: – Милый мой, ты – моя мечта, ты мой волшебник, ты святой, ты безгрешен.

СОН: – Найди меня! – раздался чарующий женский голос. – Найди, найди, ты же меня ищешь! – Барон недоуменно озираясь, он искал обладательницу этого голоса.

РОНА: – Что я могу сделать для тебя? Я знаю, я могу отдать тебе своё сердце, нет, не то... я отдам тебе свою душу, но как же тогда я буду чувствовать тебя? Всё, я знаю, я отдам тебе своё дыхание, и это поможет тебе прожить больше отмеренного.

СОН: – Ты не можешь меня найти, – упавшим тоном произнёс голос.

РОНА: – Барон, Бог мой святой, дай мне надежду, дай, дай, только надежду и ничего больше.

В это время Барон, с детским выражением на лице, заулыбался, и даже зачмокал губами, как в далёком младенчестве. Ему привиделось, что нашёл он обладательницу чарующего голоса. Он ещё её не видел, но она где-то рядом...

РОНА: – О, Барон, о, Барон, теперь, кажется, я постигла тайну, я знаю, теперь-то точно знаю, КЕМ я буду для тебя, и я согласна на это, именно так мы никогда не расстанемся, именно так мы будем рядом до того самого дня, когда уйдём из жизни вместе. Я буду твоей собачкой, вот ты и улыбаешься. Тебе это нравится, тебе это очень приятно! – внушала она ему.

СОН: Воздух был наполнен добротой и радостью, такой удивительной лёгкости Барон не испытывал никогда в жизни. Неважно, что он не может найти обладательницу голоса, главное – уверенность, что он её найдёт, обязательно найдёт, иначе не может быть, иначе весь мир исчезнет.

Исчезнет всё, и люди, и творения людские, и природа, сотворённая не людьми.

– Я буду вечно с то-бо-о-ой!!! – вскричал Барон. Рона положила руку ему на лоб, он притих, успокоился, и уснул крепко-крепко.

РОНА: – Барон, ты единственная радость в моей жизни. Утром, когда проснёшься, ты возьмёшь меня ТУДА, мы должны вместе побывать ТАМ, но мы вернёмся ОТТУДА. Вернувшись, ты точно будешь знать, КТО тебе нужен, Я – нужна тебе! Я! Я! И только Я!

Рона устала. Она выложились. Она добилась. Пот катил с неё градом, а может, и слёзы. Кто знает...

Свернувшись калачиком на своём диване, Рона чувствовала себя выжатой, словно ни капельки крови в ней не осталось. Заснула тяжёлым сном. Барон, проснувшись утром, помнил одно, что ему надо взять Рону с собой в картину. Для чего – он не знал. Что их ждёт ТАМ – тоже не знал. Но Рона точно знала, что сейчас он её позовёт с собой. Так оно и получилось. Барон молча поманил её рукой. Осторожно снял картину со стены и положил её на пол.

– Наступи, – сказал он. Рона наступила, и ничего не произошло. Тогда Барон взял её за руку, и ступил ногой в гущу травы. Всё произошло мгновенно – они внутри, они в картине.

В КАРТИНЕ: Сначала всё было, как всегда. Женщина с презрительно-ненавидящим взглядом, трава неприятная, уродливые деревья, почти развалившийся стол, табуретка, всё, как всегда. Потом послышалось шипение, издаваемое женщиной - мамой:

– Убирайся отсюда со своей сучкой! – шипела она, не переставая. Дул легкий ветерок, в воздухе властвовала тревога. Сердца Барона и Роны сжались в маленькие комочки. Раздался голос отца, усиленный в сотни раз:

– Как ты посмел, щенок? Вы оба сильно пожалеете об этом, а может, и не успеете.

Затем раздался саркастический смех, перешедший в гомерически - зловещий хохот. Смех не утихал, казалось, и не утихнет никогда.

— Вперёд!!! — скомандовал тот же голос сквозь смех. И деревья начали своё движение к непрошеным гостям. Они вытягивали вперёд свои уродливые ветви, пытаясь дотянуться до Барона и Роны. Всё смешалось. Ветер достиг апогея. Деревья приближались. Шипение с проклятиями раздавались всё громче. Смех не прекращался ни на секунду. «Невыносимо. Как быть? Неужели эти люди называются папа и мама? Этого не может быть! Не до такой же степени! Оставьте, оставьте нас!». Барон, найдя в себе силы, прокричал:

— Как вы можете? Папа, я был тебе ненавистен, так оставь меня, мы никогда больше сюда не придём.

Ответом был новый взрыв хохота.

— Мама, я же твой сын, сын!

Барон не находил других слов, только и повторял эти слова. Слезы душили его. Рона, обхватив двумя руками Барона, зажмутив глаза, ждала развязки. Она верила Барону! Он спасёт! Он сможет! Он хороший! Он сильный!

И Барон знал, что только он должен принять правильное решение. Несмотря на сильнейший ветер, не дающий дышать, на шипение, наводящее ужас, на хохот, убивающий своими децибелами, на страх, обуявший сердце, Барон, прижав к себе Рону, закричал:

— Прекратите, прекратите, дайте нам уйти! Мы уйдём, мы никогда не вернёмся сюда. Папочка и мамочка, я никогда вас не называл так, я люблю вас, простите меня за всё! За то, что я родился, за то, что я плакал по ночам, не давая вам спать, но я ведь был совсем маленьким, ну, простите меня так, как я вас прощаю. Я не проклинаяю вас, я благословляю вас, я буду всегда помнить о вас, как о лучших родителях в мире. Только отпустите! Только отпустите! Умоляю! Умоляю!!! Я умоляю вас!!!

Барон и Рона упали на колени. В это время деревья стали приближаться всё быстрее, непрекращающееся шипение достигало каждого нерва, колючие ветви деревьев вот-вот настигнут их. Раздался долгий вопль, перемежавшийся стонами Барона и Роны. И тут ветер, как бы выдохнув, выбросил кричавших вон из картины. Но крик не прекращался. Ужас не покидал их души.

Соседи обнаружили их на полу... Он, истекавший потом, и, пока ещё не осознавший происшедшего. Она, облизывавшая ему подбородок и шею. В глазах её светилось счастье, и читалась преданность. Рона чувствовала себя той собачкой, которая сможет окружить Барона тем, чего не хватало и не хватает в его жизни – любовью.

Как и куда их везли, они не помнили. Вот они в кабинете, перед ними мужчина в белом халате, он пытливо смотрит на них.

- Где мы, и почему мы здесь? – спросил Барон.
- Не беспокойтесь, вам здесь будет очень хорошо.

Сначала Барон хотел броситься на этого человека, но в это время Рона лизнула его в руку и как-то радостно взвизгнула. Барон посмотрел на Рону, и глаза его наполнились радостью, умилением и любовью.

- Рона, отрада моя, мы всегда-всегда будем вместе, ты хочешь?

Рона прижалась к нему. Ей было хорошо, как никогда в жизни.

- Вы будете вместе всегда, но только по ночам каждый из вас будет спать в своей комнате, а целый день вы будете неразлучны, - сказал доктор.

И тут он обратился к двум здоровенным мужчинам, стоявших позади Барона и Роны.

— Им предоставляется полная свобода, понятно? А то я вас знаю.

Когда Барон уходил, поднявший, как ребёнка, Рону на грудь, доктор долго и задумчиво смотрел им вслед, он симпатизировал им.

Они не расставались никогда, всегда были вместе. Каждое утро Барон, выходя в коридор, видел одну и ту же картину, как с противоположного конца мчится к нему Рона и с разбегу бросается ему на шею.

«Как же ты обворожительна, моя Рона», — думал каждый раз Барон. Иногда какие-то смутные воспоминания пытались мешать его беспредельному счастью, но он благополучно отгонял их. Всё шло так, как того желала Рона. И Барон тоже.

И в этом, наверно, их счастье.

За что?

Он не мог больше терпеть это! Это невыносимо. Невозможно. Боль. Боль. Голова раскалывалась на многие части. Он сдвинул голову руками. А вдруг. Знал, не поможет. А вдруг. Что делать? Боже, что же делать? Дай мне сил. Всё! Всё, хватит, надо спать. Где спальня? Ах, она там. Нет, не дойти. Лечь здесь, на диван. Выключить. Надо выключить что-то. Но что? Ох, голова, моя голова... Автоматически нажал на кнопку. Телевизор выключился.

Вот он, диван. Спасительный! Спасительный?.. Он лег. Боль не отступала. Клещи давили со страшной силой. Забыть. Забыть, вот оно спасение! Но нет, это ещё страшнее, это страшно. Его не было. Его не было нигде. Он потерялся. Вот, вот – надо туда, там хорошо. Войти в эти двери. Там, наверно, хорошо. Дверь большая, резная, очень красивая, манящая. Туда, туда, не ждать, не ждать. Он у дверей. Сердце стучит, там хорошо, наверно. Не может быть плохо. Всему есть конец.

Толкает дверь. Дверь услужливо распахивается. Он вошел и услышал, как дверь за спиной захлопнулась. Зловеще. Со скрипом. С неприятным скрипом. Оглянувшись, видит дверь – обшарпанную, облезлую. Пытается толкнуть, нет, не получается... Смотрит вперед, перед ним ещё дверь, но очень близко. А, конечно же, ему надо туда, это же понятно. Вошёл. Узкий коридор, даже двоим не разминуться. «Добегу», – думает он. «Нет, не обольщайся, – шепчет ему кто-то с весёлым злорадством, – не добежишь». Ноги наливаются свинцом. Ну, ну, хотя бы шаг, умоляю – хотя бы шаг.

Он всё понял, надо бороться. Иначе, это конец. Упал на живот... ползти, ползти, ползти. Уже немного прополз. Но, что это? О, Боже, нет, нет, не надо так. Почему дверь убегает от меня... Мне надо туда, неужели непонятно. С каждым его

приближением дверь удалялась. «Ну, конечно, это наказание. Неважно, за что, надо позвать на помощь. Помогите, я обращаюсь к вам, мои домочадцы, ведь вас не меньше десятка. Хоть кто-нибудь, протяните руку, ну хотя бы мизинец. Ох, голова моя! А пульс, так бешено, так неистово, так сердце уже не может жить! Я знаю точно. Помогите, помогите!...», – кричал он в пустоту. Он полз, полз, нельзя не ползти. Его осенило: надо молиться, это же ясно. Только ТЫ можешь помочь мне! – вскричал он.

Беда, беда, он не знал ни одной молитвы. «А сколько мне лет?», – вдруг подумалось. Он не в силах был определить свой возраст: пять, пятнадцать, шестьдесят, сто, сто двадцать, сколько?

Всё. Нет надежды, нет молитвы, нет будущего. А что есть? Смерть? НЕТ, НЕТ, забыть это слово, не сейчас, и вообще, оно не для меня. Молить, молить Всевышнего. «О, Боже всемогущий, помоги мне, спаси меня, придержи эту ненавистную дверь, обещаю, я буду другим, еще не знаю, каким я должен стать, но другим. Услышь меня, поверь, я не самый худший из рабов твоих... ох, голова не даёт покоя». Надо просить, умолять, а не возносить себя. Он полз, медленно, чуть-чуть, но полз. Он приближался к двери, ему казалось, что она подпустит близко, и вновь убежит, отдалится. Вот, он уже у двери. Но как открыть? Он стал медленно подниматься, чтобы не спугнуть эту желанно-ненавистную дверь. Он выпрямился, зажмурившись. Обдало несвежим воздухом. Резко открыл глаза. Он был на несколько ступенек выше земли. Тут к головной боли прибавилось удушье. Что это? Что душит? И вообще, за что? За ЧТО? Сделал шаг вперед. Упал вниз, правда, удержался на ногах. Ноги сразу завязли в земле. Невозможно сообразить, голова раскалывается, непонятное удушье. Земля серая, рыхлая, вдалеке появился редкий туман. Туман стал быстро, очень быстро приближаться. Всё, назад, лучше обратно. Здесь нельзя оставаться!

Повернув голову назад, он ничего не нашел, только сгущающийся туман. «Такой конец? Не сказав никому ни слова? Не окончив задуманное? С чем явлюсь перед НИМ? Просить, молить, только ОН поможет. А где люди? Никого нет!», – обреченно думал он. «Подскажи, Боже, что мне делать? Скажи «умри» – умру. Подскажи, подскажи!». Голова, голова и удушье, отпустило бы на секунду. В ушах раздался голос: «развяжи галстук». «Какой галстук? – вскричал он. – Я не ношу никаких галстуков». «Развяжи, или...». Он хотел посмотреть на свою грудь, но любое движение головой причиняло нестерпимую боль. Пощупал грудь, там было что-то лишнее, какая-то тряпка. Поднял руку повыше – узел. Не может быть никакого узла, откуда он? Попытка развязать. Тщетно. Ещё, ещё, и ещё попытка... что-то получается.

Туман остановился, близко, очень близко, но не приближался. Всё, узел развязан. Недоумению не было предела. Удушья не было, исчезло, испарилось вовсе. Голова по-прежнему болела.

Есть вещи, с которыми надо справляться самому, понял он. «Я справлюсь, я обязательно справлюсь, я человек, я справлюсь». Эти мысли успокаивали, в них был просвет, уже легче. А что за тряпка? Посмотрел на тряпку. Красный, шёлковый треугольник, еще, будто недавно был завязан на его груди... и он унёс его в далёкую школьную пору. Именно тогда, он осознал двуличие и лицемерие «старших товарищей». Его правдивость раздражала их. Именно тогда лучший друг, сын одного из «старших товарищей», фактически, предал его. Сделал он это, по наущению своего отца, директора школы, не очень понимая, что предаёт. И этот красный шелковый треугольник... это напоминание о том времени, и то время не отпускало его даже сейчас.

Наступил рассвет. Он лежал на диване. Страдальческая гримаса искажала его лицо, но уже не было вопроса «За что?».

Брадобрей

Ничего смешного в этом имени нет, хотя это и не имя вовсе, а кличка, и появилась она после того, как Брадобрей, будучи, примерно, в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, желая побыстрее вырасти и возмужать, скрёб пушок на своём лице – в надежде, что вырастут настоящая борода и усы. Все знали, что брадобрей – эти цирюльник, и, как раз из-за манеры скрести подбородок, его и прозвали так. Правда, вскоре кличку укоротили, и стало просто – Бред. Он быстренько привык к новому имени и охотно на него отзывался.

Окончив школу и учась уже в ВУЗе, причём, довольно успешно, Бред не забывал и о земных удовольствиях, и, чтобы иметь побольше свободы, снимал малюсенькую каморку, недалеко от своего института. Однажды, на дискотеке он увидел одинокую девушку, хотя, почему одинокую. Её часто приглашали танцевать, но она всем отказывала.

А самоуверенный Бред просто подошёл, просто взял её за руку, просто повёл танцевать. Во время танца успел задать кучу вопросов и, что самое странное, получить на некоторые из них ответы. Иначе быть и не могло, он всегда и всего добивался. Ведя её в гущу танцующих и приговаривая: «Ну, лапочка, не отставай», – он и не заметил недоумения на её лице... Протанцевали и проболтали весь вечер.

– Я тебя провожу. – Уверенно сказал Бред.

На улице она спросила:

– Ты всё обо мне знаешь?

– А разве что-то не так?

– Всё так, но откуда ты знаешь, что меня зовут Лапочка?

– И что, тебя, действительно, так зовут? – он рассмеялся.

– Ну да. Как-то, еще в школе, папа назвал меня так, и этого оказалось достаточно, чтобы меня начали дразнить. Потом я

привыкла, а теперь даже очень рада этому имени. А тебя, значит, зовут Бред.

— Именно, так.

— Бред, ты знаешь Макса, с нашего курса, циничный такой парнишка?

Бред утвердительно кивнул.

— Так вот, он мечтает жениться на мне, сам говорил об этом, и теперь не дает мне прохода.

— Ну-ну, тебе, Лапочка, не о чём беспокоиться, пока я с тобой, никто не посмеет приставать к тебе.

В этот вечер Бред проводил её до дома, в котором она снимала с подружками квартиру. Отсюда до института было рукой подать.

Бред вернулся в свою каморку, уселся в своё любимое кресло, и предался размышлениям. Он никогда не был циником, и думал о женщинах всегда в превосходной степени, любил и уважал их. Подружек имел, хоть отбавляй. Со всеми вёл себя корректно, а, когда расставался с очередной девушкой, то всегда оставался в хороших отношениях.

Самой главной женщиной в его жизни, конечно же, была Мама. Будучи ещё маленьким, и испугавшись чего, или кого-нибудь, он сразу бежал к маме, и она, взяв его на руки, прижимала к своей груди со словами: «Испугался, мой маленький, не бойся, я всегда рядом, я всегда с тобой, никто тебя не тронет, ты моё чудо, ты мой сыночек».

Бред слушал не столько слова, сколько интонацию, и, вдыхая Аромат Мамы, сразу успокаивался.

И даже сейчас, приходя, домой, он обязательно целовал маму в обе щеки и непременно в макушку, при этом, вдыхая воздух, в надежде учуять этот дивный Аромат Мамы.

Мама — женщина невысокого роста, потрясающей душевной доброты, но часто почему-то с заплаканными глазами и, казалось, с комплексом некой вины. Она всегда прекрасно понимала Бреда, правда, в некоторых вещах не могла ничем помочь ему, боясь конфликта с мужем. Отец

Бреда был волевой, бескомпромиссный и жадный мужчина. Ко всем относился свысока, считал себя всезнайкой, и ничьё мнение его не интересовало. Сравнительно, небольшой рост, и вечно торчащие кверху волосы делали его похожим на ежа. К счастью, ни внешностью, ни характером Бред не был похож на отца, а походил на старшего маминого брата, который, в свою очередь, был копией артиста Бреда Пита. Вот так, Бред – копия Бреда Пита.

Все свои недолговременные встречи с женщинами Бред считал, не более, как приятные мимолётные интрижки. А вот Лапочка чем-то его пленила, он явственно представил, какие красивые дети будут у них, когда они с Лапочкой поженятся. Их, детей, будет четверо: два мальчика, и две девочки. В том, что они поженятся, никаких сомнений не было. А как иначе? Ведь так хочет Он!

Как говорится: «Хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

Бред стал встречаться с Лапочкой часто. Не позволяя себе никаких вольностей, берёг её – как мать своих будущих детей. Иногда она жаловалась на Макса, что тот, встречая её где-то в институте, или на улице, каждый раз заводил свою шарманку – с предложением о замужестве.

– Зачем тебе этот Бред, я разве хуже? Ты знаешь, что у моей мамы много денег, и для нас она не пожалеет ничего. Кстати, моя мамочка хочет с тобой познакомиться. Давай, зайдём на минутку.

Предложение казалось ей сомнительным.

– Как-нибудь, в следующий раз. – Лапочка уже и не знала, как от него отделаться.

После нескольких встреч Бред сказал:

– По-моему, мы уже оба решились на женитьбу, осталась небольшая деталь – достать денег, чтобы потом совершить небольшое путешествие. Завтра поедем к моим родителям, думаю, единственному сыну не откажут.

На следующий день, они, прямо с утра, отправились к родителям Бреда. Он с порога бросился к маме, по своему

обыкновенно, поцеловал в каждую щеку, не забыл чмокнуть и в макушку, с удовольствием выслушал её, нарочито сердитые, упрёки за редкие визиты.

– Мамочка моя родная, а ты знаешь, чего мы пришли сюда? Вот моя невеста, её зовут Лапочка, и мы решили пожениться, а пришли мы к вам за советом и помощью.

– Как ты красива, девочка моя, – поцеловала её мама. – Проходите, проходите в салон, сейчас и папа придет.

Через несколько минут пришёл отец, и сразу устался на Лапочку, глаза загорелись, заблестели и, не поздоровавшись ни с кем, он обратился к Бреду:

– А-а, так эта красавица и есть твоя невеста? Да-а... вкус у тебя неплохой. – А сам прямо пожирал её глазами. – Ну, и с чем пожаловали?

– Пап, а ты здорово выглядишь, ты у меня молодцом!

Отец сделал нетерпеливый жест, не сводя глаз с девушки.

– Всё-всё, приступаю к главному. Мы хотим соединить свои судьбы, и для этого нам не хватает самой малости, вашего благословения и совсем немного денег, для того, чтобы расплатиться и совершить маленькое путешествие в столицу.

– Ты идиот! – вдруг заорал отец, – денег захотел? Какого чёрта, я что, для тебя зарабатываю? Нужен ты мне со своей «лампочкой»!.. Ладно, – неожиданно успокоился он. – Вот что, возьми-ка лучше академический отпуск, поработай, а уж потом женись. Всё, можете идти.

– Нет-нет, – вмешалась мама. – Попейте хотя бы чаю, я и пирог испекла, – и она умоляюще посмотрела на отца.

– Совсем сдурела, старая, ты что, не знаешь, что по пятницам ко мне приходят друзья перекинуться в картишки? Вот, ненормальная!

– Но вы же пьёте пиво, – не отступала мама.

– Заткнись, я сказал всё, значит – всё.

Бред ожидал нечто подобное от отца и, поэтому, поцеловав, по своему обыкновению, маму, сразу ушёл вместе с невестой.

– Знаешь, что? – с деланным весельем сказала Лапочка. – Теперь пойдём к моим родителям, мой папа никогда нас не выставит за дверь.

«А мама?», – хотел спросить Бред, но, посмотрев на её лицо, почему-то решил не спрашивать.

Подойдя к квартире, Лапочка достала свой ключ и открыла дверь. Они вошли и сразу услышали женский голос, кому-то громко выговаривающий. Бред кашлянул и, как мог громче, сказал:

– А к вам можно? – и, не дожидаясь ответа, они прошли в салон. Здесь представилась такая картина. Отец Лапочки понуро сидел за столом, но, увидев дочь, сразу оживился. Мать, остановив его жестом, обратилась к вошедшим:

– Ну, наконец-то! Объявились! Как мы счастливы! – нескрываема ирония сквозила в каждом её слове. – А кто этот красавец, не жених ли, случайно?

Бред ответил, изображая саму галантность:

– Позвольте, мадам, прежде, чем я представлюсь, выразить своё восхищение вами, вы неотразимы и очаровательны! – не дав опомниться, поцеловал её руку. – А я, да, жених вашей дочери, и пришёл просить её руки. Смее надеяться на ваше благословение, господа.

Мадам почувствовала себя, чуть ли не первой леди самой крупной империи. Но решила приглядеться к новоявленному жениху получше, он ей определённо понравился своими речами. Но, надо же прощупать, чем он дышит, если начнёт с денег, то... Все эти соображения ясно отражались на её лице.

Тут вступила Лапочка, поцеловала ошеломлённого папу, потом маму и выпалила:

– Представьте себе, мои дорогие, мы с Бредом поженимся, потом у вас появятся внуки, мы будем приходить к вам, ваш дом заполнится детскими голосами, всем будет хорошо и весело. А для всего этого нужно всего лишь немного денег, и всё.

– Так я и знала, все хотят меня обобрать, нет, ни шиша вы не получите, а ты... тоже мне мужик, такой молодой, а денег

заработать не можешь. Идите туда, откуда пришли. Надо же, денег им подавай! – злилась она.

Уже на улице Бред сказал:

– Не вижу никакого повода для волнения, и ты, пожалуйста, не огорчайся. Я возьму академический отпуск, заработаю денег, ни от кого зависеть не будем, заживём лучше всех, и тогда наши предки сами нас позовут, а мы придем, конечно. Ну-ка, дай поцелую в каждый глазик и всё пройдет, радость моя.

Вскоре их разговор перешёл в деловое русло. Обсудили детали, и пришли к мнению, что, действительно, не стоит переживать, они всё преодолечат. Бред не пошел провожать ее обратно к дому, от остановки нужного ему автобуса ей идти было домой не более полминуты. Они дошли до остановки, и в это время как раз подъехал автобус, открылась дверь, и шофер прокричал, что сегодня это последний рейс, и Лапочка просто впахнула Бреда внутрь...

Когда Лапочка была уже почти у своего дома, кто-то окликнул её. Оглянувшись, она увидела быстро приближавшегося Макса, он бежал к ней и кричал:

– Подожди, подожди, мне срочно нужна твоя помощь! Подбежав, запыхавшись, он сказал: – Мама умирает, умоляю, зайди на минутку, она очень хочет видеть тебя.

Он был в растерянности и, казалось, сейчас заплачет. Лапочка решительно взяла его под руку, и они направились к нему домой. Макс открыл дверь, впустил её в прихожую и... Она почувствовала на губах прикосновение какой-то тряпки, вдохнула сладковатый запах и потеряла сознание...

В салоне автобуса было как-то неуютно и напряженно, Бред сразу это почувствовал. Он разглядывал пассажиров, все были одеты в одинаковые балахоны из холщёвки, и у

всех капюшоны скрывали глаза. Он уже хотел было потребовать остановить автобус, но тут к нему повернулся один из пассажиров, встал с места, неспешно подошёл и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Не торопись, вполне возможно, что именно мы тебе нужны. Сейчас доедем до нужного места, и там ты всё увидишь сам.

Доехали. Все вышли из автобуса. Разожгли высоченный костёр. И начали некий ритуал. Бред молча и с неодобрением взирал на действо.

– Запомни это заклинание, оно пригодится тебе. – Вкрадчиво произнёс тот же пассажир. – Никогда не знаешь, куда поведёт тебя жизнь.

Какой-то голос трижды произнёс заклинание и, когда Бред обернулся, то увидел удаляющегося человека. Вскоре всё закончилось. Автобус доставил Бреда до дома.

В эту ночь ему спалось просто отвратительно.

Потеряв сознание, Лапочка не почувствовала, как Макс взял её на руки и отнёс в спальню на кровать...

Очнувшись, она ничего не могла сообразить... Услышав голос Макса, огляделась, и поняла, что раздета и лежит в постели с Максом, который тут же сказал:

– Прежде, чем шуметь, послушай меня. Зная, что у меня никаких шансов нет, я и пошёл на этот шаг. Теперь ты нужна мне и только мне. Наш будущий ребёнок примирит нас и, поверь мне, мы с тобой самая подходящая пара.

Макс убеждал и убедил ее, наконец, что единственный выход, это выйти за него замуж и, таким образом, избежать позора. Лапочка долго плакала, ей было жалко терять Бреда, ту лёгкость и непринужденность в их отношениях, и ту любовь, бывшую между ними, и не хотелось связывать себя с нелюбимым человеком. Вот так, в одночасье, всё полетело

к черту. Проплакав и убедив себя в неизбежности предначертаний судьбы, Лапочка смирилась.

Днём, уже из своего дома, она позвонила к Бреду и холодным тоном объявила, что всё кончено и ничего не восстановимо. Бред сразу примчался к ней. Узнав правду, пытался разъяснить, что всё это ерунда, и для него не имеет никакого значения, был ли у неё кто-то другой, или нет, и, вообще, он готов воспитывать чужого ребёнка, если он будет. Но всё тщетно, окаменевшая Лапочка была непоколебима. Бред впал в отчаяние, долго слонялся по городу и, наконец, вернувшись домой, забылся полудрёмой в кресле. Приснился тот самый парень из секты, он хотел сказать что-то важное, но тут телефонный звонок разбудил Бреда.

— Сынок, сынок, что-то случилось? Мне беспокойно на душе, что произошло? Не молчи, если нужны деньги, я продам бабушкины серёжки, я всё сделаю. Говори, говори...

— Нет, нет, мама, всё нормально, просто мы поссорились немного, не беспокойся, мам, — как можно спокойнее, сказал Бред.

— Ну, ладно, сынок, пока я жива, никто тебя не обидит, понял, сладкий мой?

— Да, мам, я всё понял, будь спокойна, всё нормально.

Но случившееся не давало ему покоя. Бред мучился и, в поисках выхода, перебирал возможные варианты. Промелькнула мысль, показалось — спасительная. «Нет, не то, вернее, только не это». Бред отогнал эту мысль, но она то и дело возвращалась. Когда эта мысль начала долбить его без конца, он беспечно махнул рукой и громко произнёс:

— Ну и чёрт с ним, всё равно ни во что такое я не верю. «Ой, ли», — услышал он. «Ой, ли или нет, а попробовать надо», — подумал Бред. Сосредоточившись, он трижды проговорил заклинание и сам же расхохотался.

— У меня два вопроса. Что это вам так весело? И что вам нужно от моей скромной персоны? — перед Бредом стоял, вроде бы, тот самый парень из автобуса, а может, и не он.

— Ты кто такой? Как тебя зовут? — удивился Бред.

— Меня зовут Сатан. — Сверхскромно ответил посетитель. Вся его поза — сама почтительность и услужливость.

— Ещё чего! — Бред пытался показать, что он вовсе не взволнован и вполне контролирует ситуацию. — Я лично, буду называть тебя Сатин.

— Как вам будет угодно, — склонился в поклоне Сатан. — Чем могу быть полезен?

— Вот сам и скажи, если ты такой всемогущий. Все мои проблемы ты знаешь, не так ли?

— Выбор за вами, уважаемый Бред. — А Бред и не замечал лукавинку в глазах посетителя. — Хотите стать невидимкой? Летать? Много денег? Власть? Или что-то пооригинальней?

— Не знаю, не знаю, надо подумать.

— А не хотите ли, например, читать людские мысли? Какие горизонты откроются перед вами, будете всегда гарантированы от ошибок. А?

— А что, неплохая мысль. И ты это можешь сделать? И даже продемонстрировать прямо сейчас?

— Вот, послушайте мысли вашей домовладелицы.

Бред приготовился высмеять Сатана. Но в ту же минуту он услышал мысли женщины. Правда, понять что-либо не представлялось возможным. Ведь никто не думает так, как разговаривает, а просто возникают в голове некие символы, понятные только ему самому. Бред поморщился.

— Понял, понял, извините, исправляю свою ошибку. Теперь вы услышите чужие мысли так, как если бы их произносили вслух. Вам нужно настроиться на нужного вам человека, и всё.

Бред настроился на хозяйку, и то, что он услышал, здорово развеселило его. Она строила планы относительно его, Бреда. Планы были связаны с её эротическими фантазиями, и это было смешно.

– Устраивает вас?

– Устраивает, а ещё два желания? – спросил, улыбаясь, Бред.

– Простите великодушно, но я не золотая рыбка, и исполняю одно желание, да и то небескорыстно. Вы, наверняка, знаете, чего я хочу взамен?

Бреду стало не по себе. Он колебался. «А не слишком ли высока будет цена?».

В это время раздалось несколько чистейших и очень высоких звуков флейты. Бред слушал. «Не галлюцинация ли эти звуки?». Словно в ответ на эту мысль, мелодию продолжили колокольчики и треугольники. «Ох, как здорово! А что нам скажут гобой?». Гобой выдал свою гундосую руладу, но так технично, и так музыкально, что аж дух захватило. «Тогда медно-духовые. Вперёд!».

За дело взялись фанфары, торжественно, с пафосом. Им вторили валторны и трубы, а охотничий рожок помог создать необычный музыкальный аккорд, такой в этот момент созвучный душевному настрою Бреда. «Смычковые, смычковые, где же вы? Хочу слышать!». Всё смолкло... Тихонечко, волшебнo и пианиссимо послышались звуки скрипок. Эти звуки взмывали вверх, и водопадом падали вниз. О! Что за волшебство?! Что-то пророкотал контрабас, зовя за собой своих собратьев, и они откликнулись. Побранились, побранились и ушли в тень. Виолончель примирила всех, она как бы сказала некое ключевое слово, и все, радостно откликнувшись, создали такую музыкальную картину, что, будь рядом кто-нибудь из настоящих художников, обязательно создал бы свой сверхшедевр.

Начавшаяся патетика, созданная невидимым пианистом, не могла не пленить. Угадывался почерк Великого Музыканта.

«Да они же все подчиняются МНЕ!», – чуть не закричал Бред. Он чувствовал каждый звук, каждый нюанс. Странно, ведь музыкальностью Бред никогда не отличался, а тут он замечал такие мелкие детали, что многие музыканты

позавидовали бы. Бред был весь погружен в музыку и не замечал внимательного взгляда Сатана, который по-прежнему стоял в почтительной позе, слегка согнувшись, кстати, одетый весьма элегантно. Но его глаза, глаза, ГЛАЗА!!! Взгляд его был ужасен. «Жду «Tutti», даёшь «Tutti»! И весь оркестр грянул своей мощью. Ах, какая музыка, как чудесно, как здорово, как дивно!!! «Литавры, барабаны, все, все ударные!». Литавры не заставили себя ждать. Дробь, дробь, дробь! Она начала проникать в каждую клеточку, не вызывая ничего негативного, правда, немного надоедливо. «Ну, всё, всё, хватит!», – приказал Бред, но, не тут-то было.

Дробь стала усиливаться. Всё больше похожая на удары молота. «Не по башке же, в конце концов. Хватит!». Звуки не прекращались. «Тьфу, чёрт, прекратится это или нет?».

– Вас что-то беспокоит? – раздался тихий, дружелюбный голос.

– Ничего меня не беспокоит, – буркнул Бред, немного разочарованный неожиданным музыкальным поворотом. «Так же и в жизни, черт возьми!», – подумал он. «Возьму, возьму, жизнь твою возьму», – тихо произнёс Сатан. Бред быстро взглянул на собеседника, но тот по-прежнему стоял в подобострастной позе.

– Давай свои условия, – не колеблясь, сказал Бред.

– Всего-то ваша душа, но я хочу дать вам прекрасный шанс. Вы получите бессмертие, если в течение шести дней, шести часов и шести минут не произнесёте что-либо, вроде: «Как мне надоела такая жизнь!». В этом случае вы обретёте бессмертие, а я останусь в проигрыше. – Как-то очень уж горько сказал Сатан.

– Валяй!

Сатан положил перед ним чистый лист бумаги, на котором были прописаны все условия договора. Бред почувствовал лёгкий укол в палец, и выступившей капельки крови оказалось достаточно для подписи.

В мгновение ока осанка Сатана изменилась, это был уже не прежний, подобострастный Сатан. Перед Бредом стоял самоуверенный субъект, покровительственно похлопывающий его по плечу и приговаривающий:

– Ничего страшного, чего ты раскис, теперь всё зависит от тебя. Ладно, бывай! – совсем уж развязно бросил Сатан и исчез.

Прежде, чем он пропал, Бред успел заметить, что не такой уж он респектабельный, каким казался ранее, весь небрежный и неряшливый, да ещё и с развязанными шнурками.

Бред погрузился в размышления. Вроде, ни о чём и не жалел. «Любой, нуждающийся в помощи, поступил бы точно так. Но как быть? Но как жить? Без Лапочки? У меня не будет от неё детей? Главное, не паниковать. А дай-ка я послушаю, о чём она думает, а уж там видно будет».

Настроился. Приготовился. «Я-то смогу уговорить ее, и не таких, и не на такое уговаривал».

За эти несколько часов, что Бред не видел Лапочку, видимо, многое изменилось. То, что он услышал, – поражало, приводило в состояние шока, уничтожало, в конце концов.

«Ой, какие милые люди. Макс – сама нежность, всё, что говорили о нём – ересь и ерунда, никогда не схватит, например, грубо за локоть, как Бред. Сама удивляюсь, как я могла вообще встречаться с Бредом. Фу, самоуверенный грубиян, и всё. А Макс – он умница, и не насиловал он меня вовсе, ведь его мать объяснила мне, что это было моим тайным желанием, значит, так оно и было».

Дальше последовал набор непонятных звуков, а потом: «Боже, что это я несу, ерунду какую-то». И тут же: «В общем, так – Макс и только Макс! А Бред – досадное

недоразумение, всё, и хватит об этом, пойду, помогу свекрови – замечательная женщина!».

Бред был раздавлен. Обхватил голову руками. «Чего же я добился в жизни?.. Ни на что не способный кретин и идиот». Ему хотелось заорать во весь голос, и он заорал:

– Да на кой дьявол мне ТАКАЯ ЖИЗНЬ!!!

Заорал и сразу всё вспомнил: договор, и что за ним последует. Бред замер, но ничего не происходило.

– У-уф, пронесло, – он облегченно вздохнул. Но всё-таки что-то изменилось. Он почувствовал себя легко, как никогда. Ощущение отсутствия веса было странно. Вдруг зазвенел телефон. Бред хотел поднять трубку. Не получилось. Почему? Хм, тоже странно. И началось непонятное. Он стал отрываться и взлетать со своего места. Повернул голову... и увидел себя, спящего в кресле. Телефон звонил, не переставая. Бред стал плохо соображать. Слабее слышать телефонные звонки. И, тем более, он не мог слышать голоса на другом конце провода.

– Сынок, сынок, ну, пожалуйста, подними трубку. С тобой что-то происходит, я чувствую. Неужели поздно... Неужели я тебя не спасу от дурного... Ты сделал что-то плохое. Скажи мне, может, я виновата в чём-то? Да, я скрыла от тебя, что твой папа другой человек. Твой папа – тот человек, которого я тебе показывала на фотографии, и на которого ты похож. Сынок, сынок, пойми, всё на свете ерунда. Ты только ответь. Я спасу тебя. Я, я...

Всего этого Бред уже не слышал. Не слышал он и того, как голос любимой мамы прервался, как инфаркт оборвал её жизнь, и она, бездыханная, упала на пол. Всего этого Бред не слышал, он был уже далеко. Он станет вечным слугой того, кого ещё недавно презирал. Вот и всё. Вот всё и окончилось. Бесславно. Обыденно. Без патетики. Он, и не подумал, что есть границы, которые переступать нельзя.

Прощание

Хобби всегда Его выручало. Он любил рисовать пейзажи, и затрачивал на это много времени. После того, как пятнадцатилетний внук научил его пользоваться компьютером, Он практически всё свободное время проводил у экрана, создавая фантастические сюжеты. Эти сюжеты возникали в голове настолько часто, что Он не успевал их рисовать, и поэтому, чтобы не забыть, приходилось, просто, в двух словах, записывать эти сюжеты на разных клочках бумаги. Клочков этих набралось довольно много.

Сейчас, сидя за компьютером, Он был спокоен, сосредоточен и умилен, глядя на свой рисунок. Видел все огрехи и тут же с лёгкостью их исправлял.

Жизнью своей был чрезвычайно доволен. Единственный сын был женат, но никуда не ушел, а жил с родителями, чем все и были взаимно довольны. Внук – тем, что всегда мог найти защиту у деда или бабушки, которых боготворил. Невестка, что обожаема свёкром и свекровью. Сын просто не мыслил жизни без родителей. Ну, а Он и Она – что все рядом, как бы под их крылышком. Но... всегда есть «но». Прожив с женой сорок с лишним лет, он изучил её досконально, впрочем, как и она его.

Мельком посмотрел на нее и понял: сейчас начнется. Он хорошо знал это выражение Её лица. Он даже знал, с каких слов всё начнется, знал, как Он сам будет реагировать. Сценарии были, примерно, одинаковы. Упрёки одни и те же, хотя возможны варианты.

Он боялся. Он боялся себя, своей непредсказуемости, своих внезапных действий. Он боялся совершить что-то неисправимое, и тогда – опозоренные домочадцы. Эта мысль невыносима. Или, ещё хуже, у кого-нибудь из домашних возникнет чувство вины по отношению к нему.

Нет, надо держаться. «Буду предельно спокоен, и ничто не выведет меня из себя», – как заклинание, повторял он себе.

Всё-таки, первая же фраза оказалась неожиданной.

– Опять уткнулся в свой экран?

– Ну, не начинай. Я тебя прошу. Что опять произошло? – этот вопрос был явно лишним, можно сказать, провоцирующим, но он этого не почувствовал.

– Ах, ты ещё спрашиваешь, что произошло? Что, совсем не видишь, что творится кругом?

«Промолчу, – подумал Он. – Пусть выскажется, быстрее успокоится».

Она завелась не на шутку, словесный поток не иссякал. Он, не мигая, смотрел на неё. Да, он смотрел, но не видел. Перед глазами проплывали картинки из прошлого. Вот они – молодые, счастливые, бесшабашные. Ради нее Он был готов пойти на что угодно. Вот он сделал для неё и то, и другое... В эту минуту Он уже хотел умилиться собственной готовности на самые безрассудные поступки... но... опять это «но».

Картинки резко поменялись. Теперь Он видел себя несправедливым, не к месту взрывным, обижающимся и обижающим. Вот здесь он наговорил черт те что. И здесь нагрубил. И здесь, будучи не в настроении, наорал.

Весь домашний распорядок подчинялся Его прихотям. Когда Он хотел спать, в доме была тишина. Когда Он смотрел телевизор, то никто ничего другого не мог смотреть. «Тоже мне, пуп земли. Идиот законченный», – подумал он о себе самом.

Это самобичевание могло закончиться тем, что Он обнял бы Ее, дал бы Ей договорить, выплакаться, и опять всё вернулось бы на круги своя.

Вдруг Она сказала то, чего нельзя было говорить ни в коем случае. Она сказала: – Ты меня ненавидишь, и всегда ненавидел!!!

«Неправда!» – стукнуло, у Него в голове. «Это чудовищная неправда!» – продолжало стучать в голове. Это длилось так долго, что у Него помутилось в глазах.

Тогда Он встал из-за компьютера, сделал несколько неверных шагов к столу, и вдруг, совершенно неожиданно, со всего размаху, сильно ударился лбом о столешницу... Звук получился жуткий... медленно выпрямился... и упал на пол. С рассечённого лба текла струйка крови. Она не сразу поняла, в чём дело. А потом...

– Что? Что случилось? Родной мой, зачем? Дура, я дура! Сейчас я тебе помогу, родненький... – она причитала без конца. Бросилась к Нему, эта струйка крови, катящаяся с Его лба, напугала Её не на шутку.

Быстренько принесла полотенце, смоченное холодной водой, и положила Ему на лоб. Потом, кое-как, приподняла Его и затащила на диван.

Будучи медицинским работником, Она знала, что скоро Он очнется, и лишь тогда Она сможет определить, что, в действительности, с ним произошло.

Спустя некоторое время, Он открыл глаза. Сначала в них читалось недоумение, потом жгучее любопытство и удивление. Собственно, было чему удивляться, перед ним сидела какая-то очень взрослая женщина, и смотрела на него с любовью и с состраданием, но она не была Его мамой.

Она, в свою очередь, была удивлена неувлимым изменениям, произошедшим в нём. Всё прежнее, но, при этом появилась некая юношеская задоринка в глазах, и ещё казалось, что всё ему ново, и он никогда здесь не бывал.

– Где я? – с изумлением спросил Он.
– Как где? Ты дома. У себя дома.
– Я у себя дома? Это мой дом? А где мама, папа и все остальные?

Она поняла – удар повлиял на Него.

– Давай так, я тебе обо всём расскажу, но попозже, ладно? А пока тебе надо полежать и отдохнуть, как следует.

– Не хочу я отдыхать, завтра наш класс играет в футбол со старшеклассниками, и без меня они проиграют. А вы кто? Или меня всё-таки отправили в санаторий? – скороговоркой выпалил Он. Не дожидаясь ответа, приподнялся и оглядел комнату.

Он видел незнакомую Ему обстановку. Чужая квартира, чужая женщина... Хотя, нет, не совсем так, Она была незнакома Ему, но, все-таки, казалось родной и близкой. От Нёе исходили тепло и уют, любовь и желание придти на помощь.

Увидев включенный телевизор, поинтересовался:

– А это телевизор? А разве есть такие – цветные, с таким большим экраном? А это, что за складной чемоданчик, с таким красивым рисунком?

– Давай всё по порядку, ладно? Сегодня ты принимаешь душ, ужинаешь и ложишься спать, а завтра утром, я тебе всё-всё расскажу. Полежи несколько минут, я подготовлю тебе ванную.

Он Её почти не слышал, Его внимание полностью переключилось на телевизор. Таких спецэффектов он никогда не видел.

Она приготовила всё необходимое, не забыв при этом убрать зеркало. Он не должен был видеть себя таким. Еще учась в мединституте, им, студентам, рассказывали, что в мировой медицине известны случаи, когда, после сильного потрясения, люди забывали своё прошлое, начиная с какого-то возраста. И Она, вполне резонно предположила, что с ним произошло нечто подобное.

Вернувшись к Нему, Она обнаружила Его, полностью поглощённым действиями, происходящими на экране. На все Её попытки сдвинуть Его с места, Он автоматически отвечал:

– Сейчас, сейчас, минуточку...

Он даже не обратил внимания, как Она измерила ему давление, портативным прибором. Измерила уровень сахара

в крови, и он даже не поморщился, когда Она уколола Ему палец, чтобы выдавить капельку крови.

Самое удивительное, что показатели соответствовали юнцу четырнадцати-пятнадцати лет.

Купание доставило Ему удовольствие. Еще бы, такого душа, с гибким шлангом, и такую удобную ванну, да с таким ароматом, Ему не приходилось видеть. Она попотчевала Его лёгким ужином, и отправила спать. Правда, Он немного протестовал, ведь так хотелось посмотреть, что показывают по этому дивному телевизору, но Она была непреклонна, уловив Его некоторую робость перед ней.

Спал Он хорошо и крепко, но вдруг, среди ночи проснулся. Только сейчас Он обратил внимание, что спит на большой двуспальной кровати, и что рядом с Ним сидит эта женщина и, закрыв лицо руками, плачет. Незнакомые чувства охватили Его, такого Он ещё не переживал. Но Её причитания не соответствовали теперешнему Его состоянию: «Какая я дура, что мне теперь делать, а если это не пройдет? Что я скажу сыну? Родным, близким, что?»

«Чего только не привидится?» – подумал Он, прежде, чем снова заснуть.

Когда Она уложила Его спать, то еле дозвалась внука из его комнаты, чтобы объяснить, насколько это возможно, ситуацию, создавшуюся дома.

– Ну, ты где? Не дозовёшься тебя!

– Бабуля, ну я слушал в наушниках свои любимые группы. А что?

– У деда болезнь немного обострилась, и надо быть с ним предельно внимательным. Избегай прямых ответов на его вопросы. Он будет спрашивать, и говорить о странных вещах, и, чем меньше информации он получит, тем быстрее он выздоровеет. Ты же любишь деда, не так ли?

– А это серьёзно? – с тревогой спросил внук.

– Всё зависит от нас, я думаю, к приезду твоих родителей Он обязательно выздоровеет.

Утром, к Его удивлению, Он снова был отправлен принять душ.

«Странно, – думал Он, – у нас никакого душа и в помине не было, а по утрам просто умывались под умывальником, который заранее заполнялся водой, и чистили зубы специальным зубным порошком. А здесь какие-то импортные пасты. Ладно, проживу пока тут, когда-нибудь папа заберёт меня отсюда».

Завтрак на кухне уже был готов. Он сел за стол, но не успел сделать и глотка чаю, как услышал:

– Привет, дед, как спалось?

– А кто здесь дед? – вопрошающе посмотрел Он на пятнадцатилетнего парнишку, удивительно смахивающего на Него самого.

– А это твоя новая кличка, – пришла Она на помощь.

– Ладно, кличка так кличка. А ты в каком классе учишься? Что-то в нашей школе я тебя не видел.

– Дед, я учусь в классе «хет-2».

– Что за «хет» такой?

– «Хет» – это восьмой, – вмешалась Она. – Ели бы уже, а то ведь девять утра.

– Как девять! – вскричал Он. – Через полчаса наш класс играет в футбол с девятиклассниками, нам проигрывать никак нельзя. Без меня нашей команде конец!

– Дед, – нашёлся внук, – я знаю, о чём ты говоришь, ваш матч перенесли на завтра, а сегодня, если хочешь, можешь посмотреть, как играет наш класс. Ну, пошли?

– А кеды у вас найдутся для меня?

– Да ты что, дед, я тебе дам шикарные кроссовки «Адидас», это просто кайф!

Она пыталась помешать, но они оба были непреклонны. Оделись во всё спортивное и отправились на школьный стадион.

Здесь Он попал в какой-то вакуум. Во-первых, ни одного знакомого лица, во-вторых, все говорили на незнакомом Ему языке, в-третьих, «внук», так Он окрестил пацана, тоже знал

этот язык. Он хотел спросить внука об этом, но, неожиданно, даже для себя самого, сказал внуку, что тоже хочет поиграть с ними. Внук сказал о желании деда ребятам. Те недоверчиво покачали головами. Тогда дед, чем совершенно ошарашил всех, сделал кувырок через спину.

Через десять минут игра началась. Неизвестно, какое по счёту открылось дыхание у деда, но такой высококлассной игры ребята не видели давно, и всё на технике и умении, а не на скорости.

Разгромив противника, дед и внук, довольные игрой, вернулись домой. Остаток дня внук, не давая деду задавать вопросы, обучал Его премудростям пользования электронными забавами.

Она же весь день провела в тревоге за Него, прекрасно понимая, чем может закончиться для него спортивный день, и правда может, рано или поздно, открыться.

Итак, день закончился, и Он, порядком устав, заснул сном праведника. Она, тем временем, села за компьютер, открыла медицинскую википедию, и стала читать всё, что есть о случаях, подобных происшедшему.

Сказалась предыдущая бессонная ночь, у Неё начали слипаться глаза, и Она отправилась спать.

Он проснулся, немного болела голова. Прислушался к себе. Вроде, всё в порядке. Тихо, чтобы не разбудить жену, Он поднялся с кровати. Он ощущал, что произошло нечто, но ничего не вспоминалось. Войдя в ванную комнату, посмотрел на себя в зеркало. Да, это был Он, хотя изменения в лице явно бросались в глаза. Посеревшее лицо, мешки под глазами, рана на лбу, непонятно откуда. Умылся, почистил зубы, хотел попить чего-нибудь, но решил взглянуть на жену. Тихонько подошёл к кровати и обомлел... Такого выражения на её лице Он никогда не видел. В застывшей гримасе была вся гамма Её переживаний. Страх, скорее не за себя, мука, страдание и сострадание. Ему так хотелось прижать Её к себе, сказать самые нежные слова, поцеловать каждый глаз неоднократно. Но, чтобы Её не разбудить, Он

только провёл рукой над Её головой, как будто погладил, обошёл кровать и, не издав ни звука, потихоньку лёг и укрылся с головой.

Мысли путались, в висках начинала стучать кровь, вместе с этим стало тесно в груди, трудно дышать. Видимо, давление подскочило, и сердце давало о себе знать. Что делать? Опять вставать с постели? Он начал ровно и глубоко дышать, это всегда помогало, а при этом рисовал в своём воображении пасторальные картинки. Постепенно, грань между явью и сном стала стираться, и, через некоторое время, спасительный сон унёс Его далеко.

Проснувшись, Она, в первую очередь, посмотрела на него – безмятежность Его лица успокаивала. Она подумала, что всё налаживается, и снова всё войдёт в свою колею. «Приготовлю ему завтрак, как когда-то, в молодости, во время нашего хронического безденежья». Достала из холодильника любимую им колбасу, нарезала кубиками, поставила жариться на сковородке. Приготовила, в отдельной тарелке, помидоры, болгарский перец и лучок, через некоторое время, всё это бросила в ту же сковородку. В завершение, залила эту массу пятью взболтанными яйцами. Запах распространился на всю квартиру, и именно это Его и разбудило. Давненько не ел Он такой божественной пищи. Настроение просто отличное, ничего не болит, в теле ощущается лёгкость. Вошёл на кухню. Она стояла к Нему спиной. Он был уверен, что Она Его не видит, а Она просто делала вид, что не замечает. Подойдя к ней сзади, положил руки на Её плечи. Она замерла. Потом прижался щекой к щеке и прошептал:

— Совсем, как когда-то.

— И ты, как когда-то.

Постояли, помолчали, сели завтракать. За завтраком говорили о разных мелочах. Она боялась вопросов, но Он всё же спросил:

— А что это за ссадина, у меня на лбу?

— Я и сама не помню, ты говорил, что стукнулся обо что-то.

— Ну и ладно. Спасибо за отличный завтрак, а я немного поработаю.

При этих словах, Она, только что испытывавшая к Нему сочувствие, ощутила некоторое раздражение, которое стало набирать обороты. Он уже сидел за компьютером, уже корпел над чем-то, а Она злилась. От прежнего сочувствия, буквально через несколько минут, не осталось и следа.

«Мазнёй своей занимается, — думала Она. — Это ему, видите ли, сейчас нужно. Не думает, что я тоже живой человек, и мне тоже необходимо внимание. Что ты из себя представляешь? Что ты за художник такой?». Она еле сдерживалась, чтобы не сказать всё это вслух. Она еле сдерживалась от более крепких слов. Её останавливала только Его непредсказуемость.

Он, тем временем, удивлялся сам себе. Всё шло на редкость легко и свободно. Все линии и чёточки выстраивались гармонично и стройно. Краски находились сами собой. словно кто-то водил Его рукой. Хотя и просидел не один час, но, впервые, остался полностью довольным своей работой. Картина — просто шедевр, картина — настроение, картина — радость.

Широкий коричневый ствол дерева был выписан очень и очень тщательно. Густая крона, богатая листвой, поражала своей необычностью. На каждом листочке виднелось детское личико. Каждое личико корчило потешную мордочку. Всё это создавало праздник, на стволе тоже угадывались игрушки. Вот юла, а вот куколка, а вот и мячик. Любуясь картиной, Он умудрялся, посредством фотошопа, дополнять и менять некоторые детали картины. Вдруг, случайно нажал на какую-то клавишу, и картина повернулась на сто восемьдесят градусов. Ужас вцепился в Его душу. Всё

изменилось. Дерево, прежде устремлённое вверх, теперь стремилось вниз. Листья выглядели поникшими. Вместо детских личиков, на них появились чёртики. Все злорадно улыбались, и как бы манили к себе зрителя.

«Что за чертовщина? Переутомился, наверно», – думал Он, ещё не вникнув толком в происходящее. Стал искать заветную кнопчку, но ничего не получалось. Тогда решил вообще выключить компьютер, но и это не получалось. Выдернул шнур из розетки, и это тоже не помогло. Экран по-прежнему показывал эту жуткую картину. Он потряс головой, чего, с Его кровавым давлением, делать нельзя. Механически посмотрел в зеркало, в нём отображалось лицо жены. Она смотрела телевизор, но не видела ничего, Её плотно сжатые губы и чугунный взгляд говорили точно, о чём она думает. «Неужели опять скандал, нет, нет, не надо». Всё получилось само собой. Он взял листок бумаги и написал:

«Родная моя! В последнее время, мы перестали понимать друг друга. Что является причиной? Скорее всего, их много. Чтобы разобраться в этом, нам нужно поговорить. Я понимаю, сейчас не самое подходящее время для беседы, поэтому я буду писать, и писать так, как будто мы разговариваем.

Я всегда был потребителем и эксплуататором, не качай головой, только слушай, а то потеряю нить того, о чём хочу сказать. Ты самая нежная и верная жена на свете. Я всегда это ценил и ценю, правда, некоторые бытовые сложности иногда играли, в нашей с тобой жизни, плохую роль. Дай мне выговориться. Видишь, даже сейчас виден мой эгоизм, я не даю тебе вставить ни полслова. Я человек несправедливый, но в этом своём последнем монологе, хочу покаяться. Интересно, даже покаяться без оговорок не могу, значит, не изжил из себя свой эгоизм. Что меня ждёт там – не знаю. Но точно знаю, чего я хочу для тебя: помни, ты святая. Помни, ты всегда была права. Помни, ты ни в чём не виновна.

Но... всегда есть «но». Но, в последнее время, ты стала часто учинять скандалы. Для меня это хуже измены. Пойми, мало того, что это не укрепляет отношения, а наоборот, разрушает их. А твой тяжёлый, иногда даже с презрением, взгляд чего стоит? Помни: «Женщина, утратившая женственность, сразу теряет и привлекательность». Сегодня мне кажется, что всё хорошее осталось где-то далеко-далеко и никогда не вернётся.

Сегодняшнее число, хочешь или нет, ты запомнишь. Почему? А потому, что оно последнее в моей жизни. ЭТО ТОЧНО!

И еще, очень хочу, чтобы вы все вспоминали меня хорошего, ведь, правда, что иногда я таким бывал? Вспоминайте меня весёлого, оптимистичного. От слова «оптимист», а не «оптимистик». Не надо плакать, люди приходят и уходят, а остаются, как это ни банально, их дела. Я никогда не предчувствовал каких-то событий, наоборот, предчувствия всегда меня обманывали, но сейчас это единственный раз, когда я точно знаю, что произойдёт в следующую секунду. Прощай, родная! Да хранит тебя Б-г! Прощай!»

Он был прав – по поводу последнего дня. Всё указывало на это. Ломота по всему телу. Тяжёлый стук в висках. Бешеное сердцебиение. Сухость во рту. Тошнота. Вспотевшие руки. И, самое худшее, слабость во всем теле. И ещё, эта дурацкая картина, с которой ничего не сделать. Он медленно встал, лишь бы дойти до кровати. Положил своё послание так, чтобы бросалось в глаза, и сказал:

– Пойду, отдохну.

– Иди, иди, – равнодушно бросила Она. Видимо, настолько взвинтила себя своими думами, что не обратила внимания на Его состояние.

Он благополучно дошёл до кровати и улёгся. В висках стучало всё сильнее. Становилось невыносимо. Удар, удар, и ещё сильнее, и ещё сильнее. Какой-то из них оказался

последним. В этот момент Она вздрогнула. Пошла посмотреть – спит, не спит. Увидев Его, всё поняла.

– Нет, – прошептала Она. Попятилась. Спиной упёрлась в стену. И медленно сползла.

Полное осознание потери придёт позже.

Мэтр и Барышня

Мэтр, кряхтя, поднялся

с кровати, нацепил на себя халат, и, прежде чем приступить к утренним процедурам, принял нужную таблеточку. Спустя полчаса, ел бутерброд с брынзой, запивая его слабеньким чаем. Далее, по заведённому им же обычаю,

он должен был посмотреть новости по телевизору, а потом несколько часов посвятить работе, то есть, написанию очередного романа. Признание пришло к нему давно, ещё в молодые годы. Его сюжеты, всегда связанные с человеческими отношениями, с общепринятыми семейными ценностями, имели заслуженный успех у читателей. Каждый видел себя, в той или иной ситуации. Его героями были люди всякого толка, и мерзавцы, и люди с высокой нравственностью. Иногда Мэтр удивлялся сам себе. Вот, он описывает поступки мерзавца, возмущение Мэтра при этом не имеет границ, он готов растерзать своего героя. Вскрикивает из-за стола, потрясает кулаками в воздухе, проклинает, потом внезапно успокаивается и, посмеиваясь над своими эмоциями, продолжает писать.

И в это утро, всё должно было протекать именно так.

Раздался звонок в дверь. Бормоча, «кто бы это мог быть?», Мэтр пошёл открывать. Не посмотрев в глазок, открыл дверь. На пороге стоял молодой человек, державший в руках конверт.

— Доброе утро, — поздоровался парень. — Вам письмо, не спрашивайте, пожалуйста, от кого, прочитайте и, если сочтёте нужным ответить, позвоните мне, и я приду за

ответом. Зовут меня Дима. Номер телефона указан в письме. Извините, спешу.

Выпалив всё это, юноша стал быстро спускаться по лестнице. Удивлению Мэтра не было предела. Возможно, чей-то розыгрыш, промелькнуло в голове. Закрыв дверь, вернулся в комнату, и бросил этот ненадписанный конверт на письменный стол.

Очередной сюжет захватил его целиком и, обдумывая поведение своих героев, даже не заметил, как автоматически прошёл на кухню, налил себе слабенького чаю и выпил. Вернулся к работе. Конверт ждал его на том же месте.

Письмо, находившееся в конверте, было написано красивым почерком, иногда даже с завитушками. Но не это удивило его, а то, что письмо прислано с посылным, а не по почте. «Прямо, как во времена Достоевского», – подумал он.

НЕЗНАКОМКА:

Здравствуйте, Мэтр! Буду звать Вас только так. Вы же, можете называть меня так, как захотите. Мне двадцать один год, через год заканчиваю университет. Не могла не написать Вам, потому что очень нуждаюсь в Вас. Буду признательна, если сочтёте нужным и возможным ответить мне. Ваш первый роман «Подражание классике», меня потряс, написанный около шестидесяти лет назад, он актуален и сегодня. Прочитала его сравнительно недавно, а, прочитав, поняла, что хочу ознакомиться со всеми Вашими произведениями. Что я и делаю.

Уважаемый Мэтр, буду рада, если ответите. Если нет, то, что же, это тоже ответ.

С искренним уважением к Вашему таланту, и любовью к Вам (как меня назовёте, так и будет).

Мэтр озадаченно почесал затылок. Возник ряд вопросов: «Что бы это значило? Что ей нужно? Насколько она искренна? Надо ли отвечать? И что это получится, если всем отвечать?»

Ему стало понятно одно, что подобная форма переписки – неслучайна. Видимо, Барышня, а назвал он её именно так, понимала, как привлечь внимание Мэтра. «Отвечу, обязательно отвечу. Возможно, она, действительно, нуждается в советах, умудрённого жизненным опытом, человека».

Знакомые Мэтра не раз предлагали свою помощь в деле освоения компьютера, но он упорно отказывался. Хотя и понимал, что электроника намного облегчит его труд, и писать можно без усилий, и копировать тексты множество раз. Нет, нет, и ещё раз нет, только старенький «Underwood» понимает его, как нужно. Нельзя предавать старых друзей, да и новых тоже. Друзей не предают – это незыблемо и точка. Этот «Underwood» и писатель были ровесниками. Обоим стукнуло по восемьдесят шесть лет. И вообще, они помнят друг друга с самого раннего детства Мэтра. Проблема починки или наладки пишущей машинки тоже решилась, к огромной радости писателя. Старых мастеров уже не осталось, но нашёлся мастеровой паренек, заинтересовавшийся этим «раритетом». Сам разобрался во всех тонкостях механики, с удовольствием возился с ней, чистил и чинил её. На предложенные Мэтром деньги ответил категорическим отказом, и тем самым был чрезвычайно горд.

Писатель сел за машинку и написал:

БАРЫШНЕ:

Милая Барышня, не могу скрыть, как я расстроган вашим письмом. То, что вы обратились именно ко мне, говорит о многом. Буду рад помочь вам, но прежде мне надо знать, что же вас беспокоит, и в какого рода помощи вы нуждаетесь.

«Всё, для начала хватит», – решил Мэтр. Взял бумажку с номером телефона, повертел в руках. Кроме самого номера, на ней не было ничего, ни имени, ни чего-либо другого. Ещё повертел, словно от этого могло что-то появиться. Вздыхнул, достал свой мобильный телефон, и набрал номер. Ответил тот самый юноша, который принёс письмо, коротко поговорили и, буквально, через десять минут, он пришёл и забрал ответ.

Писатель вспомнил, что на сегодня у него заказана очередь в поликлинике. Будучи аккуратным человеком, никогда и никуда старался не опаздывать. Тем более, что Нина Сергеевна была не только прекрасным врачом, но и замечательным человеком. Всегда всех внимательно выслушает, скажет несколько ободряющих слов, и выпишет именно то лекарство, что нужно больному. Все звали её, и стар и млад, только Ниночкой, и она охотно отзывалась, несмотря на то, что ей было уже почти сорок.

Мэтр стал собираться, надел свежую сорочку, вместо галстука повязал шарфик. Надел костюм-тройку, мягкую фетровую шляпу, обулся в модельную обувь и, не забыв взять красивую трость из ценной породы дерева, вышел из подъезда. По дороге, если встречались соседи, обязательно приветливо здоровался. Поликлиника находилась в двух кварталах от дома. Там пришлось немного посидеть в очереди, и, пока ждал, поговорил с «товарищами по несчастью», за жизнь.

Подошла очередь. Мэтр вошёл в кабинет врача.

– Здравствуйте, здравствуйте, мой любимый пациент, – радостно обратилась к Мэтру Нина Сергеевна.

– Здравствуйте, Ниночка, вы, как всегда прекрасны и неотразимы. Позвольте поцеловать вам ручку.

– Ну, что вы меня смущаете, а? Лучше скажите, как вы себя чувствуете? Выполняете ли предписания врача, – шутливо погрозила пальцем Ниночка.

- Конечно, конечно! – поспешил согласиться Мэтр.
- Глаза у вас сегодня блестят по-особенному. Что-то произошло? Может, поделитесь.
- Да нет, всё по-прежнему, – смутился писатель. Действительно, не рассказывать же, в самом деле, о переписке с барышней.
- Ну, хорошо, хорошо. Давайте, измерим ваше давление, уровень сахара, пульс.

Произведя все необходимые процедуры, Нина Сергеевна удивилась.

- Я за вас рада, у вас всё отлично. Вы, наверно, нашли эликсир молодости? Так принесите флакончик, и мне не помешает.
- Ну, что вы, Ниночка! Вы у нас молодая и красивая. И дай вам Бог счастья.

После разговора с врачом, настроение у Мэтра ещё больше улучшилось. По дороге домой, писатель насистывал какие-то мелодии своей молодости, правда, нещадно фальшивя.

Он знал, что за время его отсутствия, Галина Александровна должна прибраться в квартире. Она была соседкой Мэтра, и у неё был ключ от его квартиры. Кроме уборки, Галина Александровна могла приготовить что-нибудь поесть, если он просил. Отношения у них были деловые. Он исправно платил ей, а она добросовестно исполняла свои обязанности. Раньше Галина Александровна часто укоряла Мэтра за то, что он одинок и ничего не хочет менять в своей жизни. Предлагала свою помощь в нахождении подходящей кандидатуры. Потом, видя его упрямство в этом вопросе, отстала. Писатель, войдя в прихожую, сразу понял, что Галина Александровна находится у него, и что-то стряпает.

- Как поживаете, соседка? – крикнул Мэтр из прихожей.
- Спасибо, по-стариковски, – ответила она.

Не успел Мэтр обменяться с соседкой и парой фраз, как позвонили в дверь. Писатель удовлетворённо крикнул и

пошел открывать. Он, хотя себе и не признавался, но письма от Барышни ждал. На пороге стоял тот же парнишка, он с улыбкой протянул письмо и, извинившись, ушёл.

– Кто там был? – крикнула из кухни Галина Александровна.

– Да... ошиблись квартирой, – почему-то соврал Мэтр, и сам же этого устыдился. Ему не терпелось прочитать письмо.

– Помойте руки и идите обедать. Я вам приготовила овощное рагу, как раз то, что вы любите.

– Нет, нет, Галина Александровна, я наверно, немного отдохну. А вам большое спасибо. Можете идти, вас ждут, наверно.

– Ну вот, стараешься для вас, а вы и попробовать не хотите,

– беззлобно ворчала соседка. – Ну ладно, отдыхайте, а если что понадобится, то зовите меня, я целый день дома буду.

– Всенепременно, – с приветливой улыбкой сказал писатель, а самому хотелось поскорее прочесть письмо. Проводив соседку, кинулся к своей излюбленной пишущей машинке, уселся, и открыл письмо.

МЭТРУ:

Здравствуйте, уважаемый Мэтр. Вы не очень многословны, но это не беда, видимо, не пришло ещё время для откровений. О себе расскажу Вам всё без утайки, не скрывая ни-че-го. Требовать того же от вас я не в праве, но, тем не менее, очень хочу знать о вас всё. Вопросы так и крутятся, но рисковать не буду. Возможно, что Вам они не понравятся, и тогда я могу Вас потерять. Даже думать об этом не хочу. Лучше расскажу немного о себе. Не буду называть своей фамилии, по одной простой причине, мой отец, из вашей пишущей братии, и Вы, наверняка, с ним знакомы. Когда расскажу кое-какие детали из наших взаимоотношений... даже не так. Когда расскажу о его отношении ко мне, то Вы станете презирать моего отца. Ладно, не буду томить. Он меня бил с самого детства. Притём, за малейшую провинность. Представьте себе кроху лет трёх-четырёх,

уронившую чашечку, и дрожащую от страха, что сейчас папа полоскнёт ремнём, или папшиной ударит своей тяжёлой рукой. Маша Ваши нервы остановилось.

Уважаемый Мэтр, умоляю, расскажите о себе, мне это нужно. До свидания. Барышня.

Вот так резко письмо прерывалось. «Не по годам серьёзная девушка, — подумал Мэтр. — И вообще, откуда столько смелости?». Что-то стало проясняться, но, всё равно, ни на какие откровения писатель не хотел идти. Его жизнь, со всеми её поворотами, не должна стать достоянием кого бы то ни было. Разве что, намёком, обозначить какие-то вехи, а там поймёт девочка или нет...

«Ладно, решено! Отвечаю». — Решил Мэтр, и начал писать своё письмо.

БАРЫШНЕ:

Милая девочка, конечно же, такое письмо не может оставить меня равнодушным. Хочу знать некоторые подробности. Какие, у вас мично, таланты? Какой вы человек? Как ладите с людьми? Доверяете ли людям? У есть ли у вас человек, которому можете поведать самое откровенное?

Хотите знать обо мне? Прочитайте мой роман «Почему так?», вам многое откроется. Роман почти калька моей жизни. Все вопросы моих сослуживцев, знакомых и друзей, сразу прекращаются после прочтения этой книги. Скажу сразу: комментировать ничего не буду. Выводы делайте сами.

Наслаждайтесь жизнью, общайтесь настоящими друзьями, учитесь. Ну, вот, я и скатился на правоучительный тон. Прекращаю. Желаю не сталкиваться с жизненными невзгодами.
Р.Р.

Прочитав ваше письмо, я понял простую вещь - вы счастливый человек, да, да, не удивляйтесь. Вы поняли себя, вы знаете всё о себе, а поэтому только вы можете изменить, что-либо в своей жизни. Не хочу расшифровывать сказанное мною, постарайтесь понять меня. Тогда вам станет легко, и, пожалуйста, без надрыва.

«Не суховатое ли письмо, а впрочем, ладно, что есть, то есть». Он не боялся быть не понятым, просто решил, если поймёт – хорошо, а если нет, то тогда можно пояснить и помочь, этой, уже становившейся родной, девочке.

Писатель вспомнил, как писался роман «Почему так?» – на одном дыхании, без каких-либо творческих мук. А, что, собственно, было мучиться, если писался роман, как дневник, что произошло – то и описываешь. Все ощущения и чувства героя он сам и пережил. Ничего не надо было выдумывать. Мэтр с неохотой вспоминал тот нелёгкий период своей жизни. Но, вспоминая, всё больше погружался в те перипетии. Даже сейчас, по прошествии десятков лет, он не знал, кто же больше виноват, что так получилось. Винил себя, а потом не мог понять, в чём же всё-таки его вина.

В период написания первого своего романа «Подражание классикам», он встретил Ингеборгу, и понял, что вот она, единственная, вот та, которая разделит с ним свою судьбу. Они понравились друг другу и скоро поженились. Его любовь к ней была безгранична и искренна, и поэтому он не мог и предположить, что можно руководствоваться другими мотивами для замужества. Мотивы её были самые простые: мама с детства внушала Инге, что самое главное, это не засидеться в девках. Потом можно и развестись, и вообще, мужики – это всего лишь средство для достижения своих целей. С самого начала Инга не скрывала своей досады, что он почти ничего не зарабатывает. Ей хотелось богемной

жизни, ведь она была начинающей артисткой, правда, невостребованной. Зачастую, в её голосе звучала неприкрытая зависть к более успешным людям.

— Послушай, доморощенный Толстой, а не пора ли жену содержать, как полагается нормальному мужику?

Стараясь уязвить его, она иронизировала по поводу его творчества, по поводу собраний в Союзе Писателей.

— И что ты ходишь на эти собрания, хоть кто-нибудь тебя замечает там?

Подобные разговоры стали происходить всё чаще и чаще. Но он избегал скандалов, и старался погасить их в самом начале. Иногда удавалось, а иногда и нет, тогда он обнимал её, приговаривая: «Ладно, ладно, всё сделаю, как ты хочешь». Но и это помогало всё реже. Позже, когда родилась дочь и, по настоянию Инги, её назвали Берута, он счёл, что вот теперь-то и наступит мир, и делал всё для достижения этого мира. По ночам менял пелёнки девочке, готовил каши, стараясь при этом не разбудить Ингу. Ещё умудрялся писать роман, а, кроме романа, писал статьи в газету, ради дополнительного заработка.

Пришло время, и роман «Подражание классику» вышел в свет. Роман был настолько актуальным и своевременным, что не только разошёлся мгновенно, но и завоевал престижную премию, с солидным денежным довеском. В день награждения Мэтр был счастлив, как никогда. «Вот и финансовые проблемы решились, а вместе с этим и наступит прочный мир в доме», — наивно полагал писатель. Сюрприз — премия, всё уладит. Летел домой, как на крыльях. По дороге купил кучу подарков, зная, что это её обрадует. Вот он войдёт домой, обнимет её, и вытрет каждую её слезинку, пролитую от счастья.

Открыл дверь, вошёл, тишина, царившая в квартире, насторожила. Никого дома не было. На столе лежала записка.

«Мы ушли от тебя. Ты никчемный муж, и ненужный отец. Не вздумай искать нас. Ты нам не нужен. Ты даже алиментов

не сможешь платить, и поэтому цени наше благородство – мы ничего от тебя не хотим. Уезжаем далеко, с надеждой никогда не встретиться с таким жалким человеком, как ты».

Мэтр медленно опустился на пол. В голове царила пустота. Никаких мыслей, никаких эмоций – вакуум, и всё. Впрочем, мысль была, но одна единственная, и она стучала молотком и в голове, и по нервам. Ему уже казалось, что мысль эта заполонила всё вокруг. Она и в доме, она и на улице, она и на стадионе, и во всех театрах, и, вообще, везде, везде, везде. А мысль была простой до предела: «Почему так?» Ну, действительно, почему же так? Он даже не пытался вникнуть в смысл самого вопроса. Почему так – что? Что она оставила его? Что он остался один? Что он не знает, как дальше жить?..

Потом, когда пришло полное осознание случившегося, он жил по инерции, правда, вначале долго искал их, но никаких следов не было, даже малейшего намёка, даже минимального шанса. В общем, какой-то заговор молчания. И он полностью ушёл в творчество. В его книгах разыгрывались семейные драмы, трагедии, со всеми последствиями, согласно требованиям жанра. Это был период, когда напряжённая работа мозга не давала ни сна, ни отдыха. И это его спасло. Спасло от необдуманных поступков и действий. Спасло от скатывания в жизненную яму. Спасло и сохранило его, как личность, как творческую личность, да, и как человека, в конце концов.

Прошло двадцать лет. Мэтр немного успокоился, как бы смирился, хотя душа бунтовала. Жизнь текла размеренно. Как писатель – он состоялся. Признание, почёт, уважение, приглашения читать лекции за границей. Всё это было, но рана саднила. Своё внутреннее состояние он умело скрывал. Окружающим он казался солидным, состоятельным Мэтром, пусть и несколько беспечным. Всем нравилось, что он всегда старался войти в положение собеседника, и оказать помощь. Иным даже удавалось разжиться у него некоторой безвозмездной суммой.

Однажды вечером, после удачного дня, а удачным был тот день, когда много и хорошо писалось, Мэтр улёгся на диван. Так, просто поваляться. Раздался звонок в дверь, он, уверенный, что это Галина Александровна, открыл и... обомлел.

– Ты... Б-б-ерута? – заикаясь, произнёс писатель.

– Я, я, папочка. – Ответила дочь и, не обращая внимания на его состояние, подставила каждую свою щеку для поцелуя. Затем бесцеремонно прошла в салон, повертела головой.

– Не густо, совсем не густо для писателя такого ранга, как ты. М-да, права, видимо, маман.

– Доченька, как? Какими судьбами? – не мог придти в себя Мэтр.

– Да расслабься ты, что напрягся? Не бойся, на шею не сяду.

– Что ты такое говоришь, доченька?

– Успокойся, успокойся, а то заладил – доченька, да доченька.

Несмотря на то, что он так долго не видел дочь, узнал её сразу. В ней было много от матери, да и от него тоже. Её тон он не замечал, точнее, не хотел замечать. Просто невозможно поверить, что его дочь может быть менее воспитанной, чем он сам. Мэтр совершенно не учитывал, что его воспитания там просто нет.

В эту ночь Мэтру не спалось. Он строил разные планы, вот он купит ей то, и купит это. А ещё лучше, возьмёт её в кругосветное путешествие. А если у неё есть друг, то он отпустит в путешествие их вдвоём. Будет баловать свою доченьку, такую умницу, вернувшуюся к своему папе. Подобные мысли сопровождали его почти всю ночь. Утром, пока она ещё спала, Мэтр сходил в магазин, накупил всего самого вкусного на завтрак. Не забыл и букет цветов. Придя домой, сервировал стол, как можно красивее, приготовил кофе, заварил свежего чая. Букет красивых полевых цветов поставил в вазу. Довольный проделанной работой, стал дожидаться, пока проснётся дочь.

Ждать пришлось долго, он даже вздремнул, сидя в кресле. Наконец, Берута вышла из своей комнаты, заглянула на кухню, фыркнула, и, не поздоровавшись, пошла в ванную. Через некоторое время, благоуханная, красивая, но не очень приветливая, вошла на кухню.

– Привет, па. – Подставила щёчку для поцелуя и уселась завтракать. Мэтр с удовольствием наблюдал за ней, ничего не спрашивал, ждал, пока она закончит есть.

– Папуля, родненький, мне нужны деньги, и много. Ничего не спрашивай, а то я пойму, что тебе не нужна и уйду.

«Для тебя, мне ничего не жалко», – подумал писатель, а вслух сказал:

– Ну, а сколько, я могу спросить?

Она назвала очень большую сумму. Мэтр вскинул брови.

– Так я и знала, значит, мама права, что все мужчины жадины и крохоборы. Понятно, не даёшь, и не надо.

– Я разве что-нибудь сказал, просто, чтобы собрать эту сумму, мне надо неделю.

– Два дня тебе хватит, папуля, я не могу ждать. Я попала в сложную ситуацию. Дашь денег, выпутаюсь, и всё тебе расскажу. Идёт?

– Идёт. – Сразу согласился Мэтр.

Писатель запаниковал, он не знал, что думать. «В какую же историю вляпалась девочка?». Рисуя себе разные ситуации, он всё больше начинал паниковать. Наконец, твёрдо решил не думать о чём-то плохом, а найти деньги и помочь дочери. Определённая, и вовсе не маленькая сумма, у него была, но её не хватало. Вскоре, вся нужная сумма была собрана, правда, в два дня он не уложился. Дочь торопила его, говоря, что ещё чуть-чуть, и будет поздно. В этот вечер Мэтр положил деньги на стол.

– Ну, теперь ты мне расскажешь, что произошло?

Берута его и не слышала, она, не отрываясь, смотрела на деньги. Видимо, ей не верилось, что вот так, запросто, он отдаст ей эту огромную сумму.

– Расскажешь? – услышала она, и очнулась.

– Расскажу, расскажу, – с досадой ответила Берута. – Что тебе так не терпится? Завтра, завтра, всё завтра и расскажу.

Весь вечер она весело щебетала о разной ерунде, несколько раз чмокнула отца. На вопросы о матери, или для чего ей деньги, не отвечала, ловко уходя от ответа.

– Папочка, надо спать, а завтра пойдём куда-нибудь погулять и поболтаем, ладно?

Сквозь сон Мэтр слышал, что Берута говорит по телефону, но прислушиваться не стал. Во-первых, некрасиво, во-вторых, у девочки своя жизнь, в-третьих – ему привалило счастье, дочь с ним, а он будет подслушивать?

Зря, зря уважаемый Мэтр не нарушил своего кодекса приличий. Если бы прислушался, то на многое у него открылись бы глаза.

– Да, да, все бабки у меня. Дура я, не сообразила, надо было просить намного больше. Куда бы он делся? От счастья, что дочь рядом с ним, он чуть с ума не сходит. Поняла, поняла, через полчаса буду внизу. А маму заберём?.. Чего смотреть? Это же её идея. Ладно, Стёпа, в такси и поговорим.

Отца было жалко, совсем немножечко. Так, как он, никто ей не радовался. Написала записку, хотя мама и Стёпа запретили ей оставлять хоть какую-то зацепку. Берута кое-чего не знала. Например, что Стёпа, будучи её парнем, в то же время являлся и любовником матери.

Через несколько минут Берута тихонько притворила входную дверь, и с дипломатом в руке спустилась по лестнице. На улице было безлюдно, из-за угла появилась легковушка. Машина резко притормозила возле девушки, и сильные мужские руки втащили Беруту в салон.

Проснувшись утром, Мэтр посмотрел на часы, и удивился, что проспал так долго. Беруты не было, но на столе лежала записка. Увидев её, Мэтр почувствовал укол в сердце. С чего вдруг записка?..

«Папуля, прощай. Не ищи, бесполезно. Так надо было. Ты хороший».

Снова удары молота: «Почему так?». Удары начались в висках, распространились по всему телу. Голова страдала больше всего. Больше, чем сердце. Внутри пустота. «Почему так?». Он кричал, мысленно, и от этого становилось жутко. Мэтр понимал, что эти ощущения невозможно выразить словами, их можно только чувствовать и страдать. Тогда он направился к своей пишущей машинке, и вывел: «Почему так?» – роман.

Да, Мэтр с неохотой вспоминал этот период. Казалось, он должен ожесточиться, возненавидеть всех и ополчиться на весь мир. Но природа вложила в Мэтра многое, и талант, и миролюбие, и всепрощение. Жизнь писателя постепенно входила в своё русло, рана заживала, но иногда кровоточила. Об Инге он практически не вспоминал, а о Беруте, хотя и старался не думать, но не получалось. Сейчас, переписываясь с Барышней, мелькнула мысль: «а вдруг это опять нечто похожее?».

Будни затягивали. Собрания с коллегами, встречи с читателями, умные или глупые вопросы, такие же ответы. Всё это отвлекало от тяжёлых мыслей. Последнее письмо Барышни взбудоражило его. Сейчас он желал одного – нового письма от Барышни, ей нелегко, и он ей поможет. Письмо не заставило себя долго ждать.

МЭТРУ:

Милый, милый мой Мэтр! Ваше письмо прочитала с интересом. Ваш роман «Почему так?», заставил меня плакать. Представляю, как вам тяжело было пережить это. Сочувствуя вам, не хочу развивать эту тему, понимая, что вам, как мужчине, подобные сострадания не по нраву.

Также, не даю никаких оценок эскизам, все люди разные. (Умница девочка, - подумал мэтр).

Отвечу на ваши вопросы.

Таланты, смею надеяться, у меня есть. Обучалась музыке, хорошо играю на фортепиано.

Человек я обыкновенный, если речь о моральных моих качествах, считаю, что тут всё нормально. С людьми лажу хорошо, со всеми контактна, коммуникабельна. Людям доверяю, почти полностью.

Есть друг, которому могу довериться.

После моих ответов на ваши вопросы, я могу показаться нескромной, возможно, это так и есть.

Дорогой мой Мэтр, мне открылась очень важная вещь, как мне кажется. Все плохие поступки - от невежества, от цинизма, от неверия, от неверия в Бога. Ещё, все атеисты - циники, усмехаясь над верящими во что-то святое, пытаются высмеять и похоронить все ростки чего-то доброго. Так им легче, не имея в своём багаже ничего путного, хотят унижить тех, других, не таких, как они. При этом, не понимая, что вор не перестает быть вором, только потому, что другой украл больше. Извините, изъясняюсь, как могу. Всю мою жизнь мой отец тыкал меня носом в то, что я делала. Я победила на конкурсе юных пианистов. Он сказал, что ничего особенного в этом нет. При таком бездарном экюри, мол, другого и не могло быть. Стал приводить пример, как он сам, в таком же юном возрасте, написал большое (по объёму) стихотворение, которое всем понравилось. При этом, не сказал мне, что стихи восхваляли партию, вождя и методы руководства. Тогда я ему поверила, что я бездарна, и мне надо радоваться, что у меня такой выдающийся и талантливый папа. Позже, я написала стихи о любви. Я писала о том, что чувствовала моя, ещё не познавшая предательств, душа. Надо было видеть, как он смеялся, а, насмехавшись, закричал:

- Дура, ты посмотри на себя! позвал маму. - Ты видишь, какая у тебя дочь, её на любовь, видите ли,

потянуло. А не рано ли думаешь об этом?

«Об этом», он произнёс с нажимом. Я ждала защиты от мамы, но она, зная, что у мамы только один аргумент, ушла в другую комнату, оставив меня с папой, и его режнёй. Много позже, я спрашивала у мамы, почему же она никогда не защищала меня? Она жёстко аргументировала это тем, что страшно остаться без мужа, а тем более без такого, как папа - уважаемого и обеспеченного. Я и возражать не стала, и уж убеждать в чём-то - и подавно.

Утомила я Вас, мой старший друг. Не уверена, что подобные откровения Вам по праву. Что сказано то сказано.

До следующего письма, с бесконечным уважением к Вам.

Ваша Барышня.

Подобные концовки писем перестали удивлять Мэтра. Это её стиль. Писатель, никогда и никому не завидовавший, впервые ощутил это чувство. Странно, одним так много дано, но они этого не ценят, а другим, готовым на самопожертвование, выпадают страдания, зачастую незаслуженно. Мэтр не мог представить себе, что бы он делал, если бы прожил жизнь заново. В конце концов, пришёл к тому, что всё, видимо, повторилось бы точно также.

Писатель знал, что написать в ответ Барышне и, не откладывая ни на секунду, сел за «Underwood».

БАРЫШНЕ:

Родная девочка, сочувствовать не буду. Мне кажется, что и вам не по праву размазывание слюней. Вам выпало нелёгкое детство, и вы ничего изменить не могли, да и сейчас прошлого не изменить. Можно лишь

переосмыслить его, взглянуть по-другому. Да отец такой. Да мать такова. А вы другая (Буду говорить банальности), и, Будули другой - оставайтесь самой собой. Вы молоды, а значит, у вас на всё есть время.

Мне повезло, я вырос в благополучной семье. Мой папа по специальности был инженер-путеец. Начинал карьеру ещё при царе, и после революции его профессия оказалась востребованной. Был расстрелян в печально знаменитом тридцать седьмом году. Вы, наверняка, знаете, что за годы были, сейчас об этом пишут много. И папа, и мама, были одарёнными людьми. У нас даже была семейная игра: я давал тему, а они, каждый отдельно, сочиняли небольшую поэму. Потом я выносил свой вердикт. Но, как вы понимаете, всё делалось в шутку. То, что сохранилось я бережно храню. Родители были потрясающе мудрыми людьми, моему развитию не мешали, не препятствовали никакому моему начинанию. Они понимали, я сам должен или обжечься, или преуспеть в своём начинании. Как-то, я прочитал им свой первый рассказ, кстати, написанный из рук вон плохо. Внимательно, и не перебивая, выслушали, а потом предложили поспорить, о некоторых местах в рассказе, если я не возражаю, конечно. Я не возражал, хотя был уверен, что написано прекрасно. И, когда, деликатно и с уважением, были высказаны замечания, я понял, что я бездарный и ничтожный человек. И тут, впервые, папа позволил себе рассердиться и обзвать меня.

- Ты что? Дурачок? А? Я тебя спрашиваю, вместо того, чтобы принять все замечания к вниманию, ты так легко сдаёшься, и складываешь лапки? Мне стыдно за тебя, сынок.

Это было похлепце пощёчины.

Мне думается, нет, я уверен, что вы так же мудры. Вы не представляете, как много позитивного вы пробудили во мне. Я не любитель хвалить всё прежнее, и

ругать всё настоящее, в том числе, и современную молодёжь, но вы не такая, как большинство молодых девушек.

Опять бакален.

Будьте счастливы! Да не покинет вас Бог!

«Ну, понаписал старый, и чего так разоткровенничался?», — думал Мэтр, вкладывая письмо в конверт и заклеивая. Он сам не знал, хочет или не хочет посылать это письмо. Рассуждая подобным образом, позвонил со своего мобильного парнишке-почтальону, чтобы тот пришёл. Через полчаса, Дима, вместе с письмом, выходил из подъезда Мэтра.

После того, как письмо было отправлено, Мэтр стал сожалеть, что не написал и об этом, и о том... «В следующий раз буду настаивать на встрече, что можно написать в коротком письме? (параллельно с этим, он подумал о том, что, ох, как много можно выразить коротко). В личном разговоре, мне будет легче понять её проблемы и решить, как ей помочь. Всё, честное слово всё, я всё-всё понял, это моя внучка. Как же я, старый, не догадался раньше. Ну, конечно, а по-другому и быть не может. Вот такая стройная версия: мать — дочь — внучка. Но, третьего удара я не выдержу. Хотя, пусть, пусть она появится. Всё сделаю, лишь бы осталась, хоть какое-то время со мной. Ничего не пожалею.

...Минуточку, наверно, я не в порядке. Почему я считаю, что и она поступит плохо? Она просто хочет видеть своего деда, и всё». Сомнений в том, что это его внучка, у Мэтра не оставалось.

Вспомнился эпизод детства.

Вернулся со школы и обронил фразу:

— Вася сказал, что всех жидов надо наказывать, и назавтра он что-нибудь придумает, чтобы...

– Сынок, сядь, пожалуйста, поговорим, – вдруг строго сказал отец.

Ничего не понимающий мальчик сел на стул. Папа не дал даже договорить, такого не бывало никогда.

– Сынок, скажи, я хороший человек?

– Да. – Ответил, всё ещё ничего не понимающий, мальчик.

– Ты уверен?

– Уверен!

– А почему? Неужели только потому, что я русский? А Васин папа, тоже, между прочим, русский. А он хороший человек? Как, по-твоему?

– Нет, он плохой человек, – твёрдо сказал юнец.

– Чем же он тебе не нравится?

– Он никому житья не даёт.

– Правильно, сынок. Значит, если судить по нему, то можно сделать вывод, что все русские – пьяницы, сквернословы и хулиганы. Так? А все евреи плохие – только потому, что они евреи? В твоей жизни будет много встреч с разными-разными людьми. Будь, пожалуйста, достойным человеком. Я верю в тебя, сынок.

Мальчик опустил голову.

– Папа, я всё понял, извини.

– Хорошо, я уверен, что ты правильно всё понял. Больше подобного не будет, так?

– Так! – уверенно ответил юнец, весь пунцовый от стыда.

Даже сейчас, вспоминая этот диалог с отцом, Мэтр испытывал стыд. «Возраст здесь ни при чём, просто дураком я был», – думал Мэтр, и мысленно благодарил родителей за то, что они его, эдакого оболтуса, направили в нужное русло.

Мысли о Барышне не оставляли его. Пытаясь представить её лицо, он хотел её видеть, полностью соответствующую его представлению о ней. Своё мнение он составил на основании писем от Барышни. «Никаких сомнений, и точка! Как я, старый, не догадался? Хорошо, что ответил ей на первое письмо, а то...» Его прошиб холодный пот – от страха, что мог так и не узнать о ней. А теперь жизнь

наполнится новым смыслом. И это значит, что он ещё кому-то нужен. Как это здорово, быть нужным кому-то. «Надо увидаться. Немедленно. Сейчас». Мэтр бросился к своей машинке.

БАРЫШНЕ:

Родная девочка. Пользуясь своим возрастным правом, обращаюсь на «ты». Считаю, что я твой дедушка. Нам необходимо увидаться. Нам есть, о чём поговорить. Ты можешь прийти ко мне с Димой, да с кем угодно, с кем сочтёшь нужным. Извини за сумбурное письмо.жду скорейшего ответа.

Взволнованный Мэтр, даже не обратил внимания на, несвойственную ему, форму изложения мысли. Им обуревало желание поскорее увидеть внучку и помочь ей во всём. И неважно, какого рода помощь ей нужна. Помочь, и всё тут.

Вскоре Дима унёс письмо, теперь оставалось только ждать ответа. Мэтр не находил себе места. «Ответь, девочка, ответь», – молил он её. «Ещё неизвестно, кто в ком нуждается больше». Он считал, что её появление в его жизни, это подарок судьбы. К счастью, долго ждать не пришлось. Ответ пришёл в этот же день. Мэтр, дрожащими руками, вскрыл конверт.

МЭТРУ:

Дорогой и высоко ценимый мой Мэтр! Мне очень приятно, что я для Вас что-то значу. Ваше желание встретиться одновременно радует и несколько страшит. Вполне может случиться так, что, при общении со мной, сочтёте меня просто взбалмошной и не знающей, что ей нужно от жизни, дурачкой. Тем не менее, и я хочу поговорить с Вами лично. Для того, чтобы

у нас было много времени для бесед, предлагаю встретиться в совместном путешествии. (Мэтр непонимающе нахмурил брови). Есть великолепное турне по Средиземноморью, с остановками в разных зарубежных портах. Находясь на корабле, времени на общение будет у нас достаточно много. Все подробности можете выяснить в туристическом агентстве «Жизнь замечательна». Решайтесь.

С огромным уважением и не менее огромной любовью к Вам - Барышня.

«Ну, девочка молодец! Как хорошо придумала, действительно, будет масса времени поговорить. Вот, тут-то я и узнаю, кем является её отец. И что это за мучитель такой», — думал Мэтр.

Позвонил в агентство, получил необходимую информацию. Всё устраивало, кроме того, что путешествие состоится только через два месяца. Это так долго, а с другой стороны, ведь, как-то же жил без этой встречи несколько десятилетий.

Сразу стал готовиться к путешествию, а главное, к встрече с Барышней. Приобрёл несколько новых, придающих респектабельный вид, рубашек, с модными воротничками. Приготовил несколько шикарных своих костюмов. Отложил несколько пар обуви. Заранее предупредил о своём отъезде Галину Александровну. Утряс все свои дела с издательствами, в Союзе Писателей, и, в результате, готов был уехать, хоть сейчас.

Приближалось время отъезда. Мэтр чувствовал себя пятнадцатилетним школьником перед экзаменом. Билет на самолёт, рейсом Москва — Одесса, тоже приобретён. В последние дни Мэтр изнывал от безделья. Писать ничего не мог, мысли скатывались к внучке, забывал принимать лекарства, чувствовал себя, хотя и взволнованно, но очень

хорошо. Незадолго до отлёта в Одессу, получил приглашение к семейному врачу. Ниночка проверила все медицинские данные Мэтра, загадочно заулыбалась и, глядя прямо в глаза, сказала:

– Скажите, пожалуйста, дорогой Мэтр, вы влюблены? Такие медицинские показатели бывают только у влюблённых юношей.

– Милая Ниночка, в следующую нашу встречу я вам обязательно расскажу, ладно?

– Или опишите. С нетерпением жду следующей встречи, – последняя фраза была сказана Ниной Сергеевной с особым нажимом.

До самого путешествия Мэтр с Барышней обменялись несколькими письмами общего характера. Такси домчал писателя до аэропорта, после регистрации Мэтр вскоре вошёл в салон самолёта и уселся на своё кресло. Вокруг сидели разные люди, вон там интеллигентная молодая пара, а вот там явно дебошир, судя по тому, как он себя ведёт. Все эти люди могли стать героями произведений писателя, но ему было не до них. Вот и Одесса, город-герой, город-красавец. Имея в запасе целые сутки, было бы кошунством не посмотреть на город, не сходить в знаменитый Оперный Театр. Сегодня в оперном шёл балет Грига «Пер Гюнт», именно на этом балете Мэтру не приходилось бывать. Днём прошёлся по музеям, пообедал в шикарном ресторане, вечером насладился балетом, и приехал на такси, в заранее забронированный гостиничный номер. Где дежурная по этажу благополучно обхамила Мэтра, на что он снисходительно улыбнулся и, не сказав ничего, отправился спать. Дежурная подобным поведением сильно оскорбилась, что это за безобразие, вот, если бы ответил что-нибудь, то она смогла бы ему показать, кто здесь хозяин. Из-за этого всю ночь не сомкнула глаз, то есть впервые в жизни добросовестно отработала своё. Мэтр выспался, выглядел в зеркале молодцом, глаза блестели, как у молодого юноши. Спустился в буфет, позавтракал с аппетитом, потом

поднялся в номер и, вызвав дежурную, заступившую с утра, сдал номер в целости и сохранности. Водитель такси, везший Мэтра в порт, оказался очень словоохотливым парнем. Всё сокрушался, что вчера клиент, то есть Мэтр, осматривал Одессу без него.

– Я бы вам такие места показал, шо вы все пальчики свои облизали бы.

Мэтр слушал его вполуха. Потом таксист, ни с того ни с сего, стал рассказывать о том, как недавно его друг познакомился с девушкой, а она оказалась девственницей.

– Так я ему сказал: купи ей велосипед.

– А причём здесь велосипед? – рассеянно спросил Мэтр

– А притом, – со смехом продолжил таксист, – что пусть катится на все четыре стороны. Кому нужна девственница?

Писатель нахмурился, и больше ни в какие разговоры с водителем не вступал.

Гигантский морской лайнер, с названием «Счастье на двоих», выглядел внушительным. Одиннадцать палуб производили впечатление целого города. Толпа людей устремилась к трапу. Мэтр глазами искал её, в надежде узнать или вычислить девушку. Конечно, никого не вычислил, а просто отправился с потоком людей на корабль. Процедура проверки заняла какое-то время, затем пассажирам предоставили отдых, а после отдыха пригласили в ресторан на обед и ознакомление с правилами.

Первый день, как считал Мэтр, прошёл бездарно. Он никого не нашёл, ни в ресторане, ни в кают-компании, ни в актовом зале, ни на одной палубе. Даже самая дорогая каюта «экстракласс» его нисколько не радовала. А чему, собственно, радоваться, если её найти не удалось. Всю ночь проворочался, вёл мысленные диалоги с Барышней, а под утро заснул, проспав завтрак. Но не это его огорчило, а то, что она-то, наверняка, была на этом завтраке, а он проспал.

Мэтр встал, привёл себя в порядок и, прихватив со стола план корабля, вышел на прогулку. Не желая пользоваться лифтом, стал подниматься по широкой лестнице. Добрался

до последнего этажа, отдышался, посидел немного и решил пройтись по периметру корабля. Везде было много людей, парочки, семьи, одиночки. Люди отдыхали. Мэтр дошёл до носа корабля и попал на большую палубу. Она была настолько большой, что, кроме бассейна посередине, в котором плескалось не менее трёх десятков отдыхающих, здесь же, на палубе, проводились и занятия по аэробике. В общем, каждый выбирал себе что-то по душе.

– А на хвосте корабля есть ещё одна палуба, – раздался знакомый голос. Мэтр оглянулся, перед ним стоял Дима. Значит, она где-то рядом.

– И там, конечно, интереснее? А ты здесь с кем? – поинтересовался взволнованный Мэтр.

– С мамой, с папой. Идемте, познакомлю.

Те несколько минут, затраченные на дорогу, поговорили о хорошем сервисе, предоставленном отдыхающим, о погоде, о всякой всячине. Дойдя до палубы, Дима подвёл Мэтра к одному из шезлонгов, на котором сидела женщина, и сказал:

– Познакомьтесь, это моя мама, – женщина обернулась, писатель онемел.

На него, очаровательно улыбаясь, смотрела Нина Сергеевна.

– Ну-ну, спокойней, дорогой Мэтр. Я вам всё объясню, садитесь, пожалуйста. А вот и мой муж Виталий. Познакомьтесь. Мэтр всё ещё пребывал в шоке. Пожал руку мужу, пробормотал что-то. Виталий, сказав несколько общих фраз, извинился, и вместе с Димой пошёл к бассейну.

Мэтр сел, ошарашенный и ничего не понимающий, он не сводил глаз с Нины Сергеевны. Ясно было одно, для начала надо выслушать Ниночку, а потом делать выводы. Всё, что он мог сейчас, это выжидаяще смотреть и молчать. Нина, очевидно, много раз прокручивала в уме эту встречу, но, такого шока со стороны Мэтра явно не ожидала. Она понимала, что надо что-то объяснить, или, хотя бы, не держать эту дурацкую паузу. Наконец, её прорвало, и она заговорила совсем не в свойственном ей духе. Заговорила

быстро-быстро, запинаясь, волнуясь, перебивая себя и снова возвращаясь к сказанному. В какой-то момент Мэтр почувствовал себя неловко, словно он причиняет Ниночке душевную боль. Он взял её руку и тоном заправского экстрасенса сказал:

– Ниночка, милая девочка, а что, собственно, произошло? Наконец-то, хоть кто-то вытащил меня из моей берлоги. Моё сердце преисполнено благодарности к вам. Нет, к тебе. Давай так, если можешь сейчас успокоиться и внятно рассказать о том, что тебя мучает, рассказывай. Если сейчас трудно, поговорим позже. Хорошо?

В знак согласия, Ниночка кивнула головой и, чтобы показать, что она окончательно успокоилась, подзвала официантку. Заказала два кофе с коньяком, киви и чёрный шоколад. Официантка взяла у неё магнитную карточку и быстренько всё принесла. На этом корабле, ни за какие денежные купюры, нельзя было купить что-либо. Существовала специальная касса, в которой на магнитную карточку каждый желающий клал любую сумму, или просто открывал счёт. В течение всего путешествия, в распоряжении пассажиров были открыты казино, магазины, бары.

Нина Сергеевна знала, что Виталий с Димой мешать не будут и, значит, есть время поговорить обо всём. Она начала говорить. Мэтр, не перебивая, слушал, внимая каждому её слову.

НИНА СЕРГЕЕВНА:

- Дорогой Мэтр, вы не представляете, как я боялась этой встречи. Читая ваши книги, я поняла очень важную вещь во всех своих бедах виноват лишь сам человек, то есть, не надо искать виноватых. Лучше покаяйся в себе. Возможно, я и не права. О своих отношениях с родителями я вам писала. Вы, наверняка, уже вычислили моего отца, его фамилия М-ков. Будучи совсем маленькой, я была уверена, что все папы и мамы должны

быть такими. Повзрослев, взбунтовалась, но это вызвало бурю деиенства у них. В тот период я и прочитала одну из ваших книг, и не знаю, как, но сделала вывод, что свою жизнь буду строить сама. Или сама - так, как захочу, или они загубят её окончательно. Подхалимство отца к власти приводило меня в страшное состояние. Особенно возмущало, что там он идеал воспитанности и джентльменства, а дома тиран и деспот. Такое двуличие я считаю страшным грехом. Я вам писала, что учусь в университете, это вроде как, выдавать желаемое за действительное. Я хотела поступать на факультет журналистики, но, положив на весы то, какую жизнь я проживала, и какую могла бы прожить, - решила лечить людей. Не знаю, это ошибка или нет, а впрочем, и неважно. Важно другое, в институте мы встретились с Виталием. Мы поженились, и теперь с каждым днём я убеждаюсь, что я его совсем не знаю. Каждый день открываются новые грани его характера. Я благодарю Бога за Виталию, такого внимательного и, по-настоящему, доброго человека я не встречала нигде. Думаю, это судьба вознаградила меня за то, что недополучила в детстве. Только бы никто не помешал нашему счастью. О, Боже, молю тебя! Был период, когда я всерьёз решила лечиться у психотерапевта. Первый врач внимательно выслушивал меня, давая выговориться, а потом ещё больше костраивал против родителей. Вовремя спохватилась и ушла от него. Второй... Со вторым... В общем, он влюбил меня в себя. Перед глазами пелена, видела только его высокого, красивого, сильного, с пронизывающим и манящим взглядом. Как странно иногда бывает в жизни. Выйти из этого состояния помогла всего одна лишь фраза Виталики: «Ты, кажется, становишься чужой. Подумай». Мне стало яснее ясного - теряю всех, но, в первую очередь, теряю себя. Я вспомнила, что когда-то читала Дейла Карнеги, но

читала книжку потому, что все читали. Отыскала её и снова перечитала, но уже совсем по-другому. Дорогой мой Мэтр! Дорогой мой писатель, мне так хочется назвать вас папой или дедушкой. Переписку эту я придумала ещё и для того, чтобы избавить вас от ненужных болезней. Я очень довольна результатами тех проверок, которые мы проводили. Многие параметры у вас сейчас в норме. А теперь я хочу сказать вот что – мы нужны друг другу. Во мне сидит неистраченная дочерняя любовь, а в вас неистраченная отцовская любовь.

Вдруг, она порывисто встала, быстро подошла к креслу Мэтра, обняла его и поцеловала в щеку.

Весь день они провели вместе. Сначала вдвоём, а потом к ним присоединились Виталий и Дима. Четверо взрослых и серьёзных людей, словно, превратились в детей. Участвовали во всех викторинах и играх, вместе побывали на шикарном концерте. Отдыхать – так отдыхать. Вечером, придя в свой люкс, Мэтр, не раздеваясь, лёг на койку, заложил руки за голову и, глядя в потолок, задумался. Потом встал, открыл чемодан, расчехлил пишущую машинку «Эрика» (он её не любил, но делать нечего, свою, по понятным причинам – ввиду ее тяжести и объемности, Мэтр не взял), вставил листок бумаги и написал:

Ода женщине!

Талочка - милая и любимая моя жена, тебе посвящается.

*Д*ай мне руку, Женщина, я хочу поговорить с тобой, и о тебе! Я буду говорить, держа твою левую руку. Ты прекрасна, знай это. Не верь тому, кто утверждает, что это не так. Только у тебя такие глаза, только ты можешь свести с ума любого мужчину. Ты уникальна, ты единственна. Твой взгляд – покорный, твой взгляд – желающий, твой взгляд – просящий. Твой взгляд – непокорный, твой взгляд – нежелающий, твой взгляд – непросящий. Это всё твоё. Ты внушаема, но иногда нет. Ты многогранна. В любви ты одна, в ненависти – другая. Мне нравится, когда ты влюблена.

Порхание и лёгкость овладевают тобой, звонкий смех, лучезарная улыбка, нет, не просто улыбка, а улыбка, идущая от сердца, от души. Мужчина, получающий такую улыбку, перестает быть землянином, он возносится высоко, и оттуда, с высоты, он видит все свои ошибки. Он видит все обиды, которые нанёс своей любимой. Он готов на любое безумство, только ради тебя – не забывай об этом! Он – получивший твою улыбку, хочет строить, хочет разрушать, он отыщет Атлантиду, он оживит любую мумию. Дай же ему этот шанс.

Неважно, как тебя зовут, – у тебя самое красивое имя. Неважно, какого ты роста, полная или худая – у тебя самая лучшая фигура. Твоя улыбка – это весь Мир. Помни – ты самая лучшая. А твои глаза, стоит в них заглянуть, и становится ясно, что информации там не меньше, чем в Библии. В твоих лучистых глазах отражаются все существующие человеческие эмоции.

Ты кладёшь руку на плечо любимого, и он перестаёт дышать, перестаёт жить, перестаёт существовать. Он замер. Проходит минута, и он, счастливый от твоего прикосновения, снова дышит, снова живет, снова жаждет...

О, Женщина, оставайся ею всегда. Будь всегда Женщиной. Ты всегда желанна, в любом своём проявлении. В одной из мужских молитв есть слова: «О, Боже, благодарю тебя за то, что я родился не женщиной». Всё в этой молитве мудро, ведь Бог создал Женщину совершенной, а мужчине надо совершенствоваться. И мужчина благодарит Создателя за собственное несовершенство, и хочет всему научиться.

Тебе, Женщина – позволительно всё! Единственное, что может оттолкнуть Мужчину, это проявление мужских качеств в женщине. Не надо смотреть по-мужски, не надо

жестикулировать по-мужски, на надо ходить по-мужски. Не нужен скептицизм в отношениях с Мужчиной, не нужен стальной, жесткий взгляд. Будь нежна и ласкова, и тогда он и секунды не захочет прожить без тебя.

Всё-всё-всё! Забудь всё, что здесь написано. Помни другое! Ты прекрасна, Ты ПРЕКРАСНА, ТЫ просто ОГЛУШИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНА!!!

